

Ф. Роуз

АБОРИГЕНЫ АВСТРАЛИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ф. Роуз

АБОРИГЕНЫ АВСТРАЛИИ

Их прошлое
и настоящее

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

Frederick Rose
Australien und seine Ureinwohner
Akademie — Verlag. Berlin, 1976

Редакционная коллегия
Л. Б. Алаев, А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков,
Г. Г. Котовский, Р. Г. Ланда,
К. В. Малаховский (председатель),
Н. А. Симония

Перевод с немецкого
Ю. О. Бема

Ответственный редактор
и автор послесловия
В. Р. Кабо

Роуз Ф.

Р 64 **Аборигены Австралии** (Их прошлое и настоящее). Пер. с нем. Ю. О. Бема. Послесл. В. Р. Кабо. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981.

160 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Автор, видный ученый из ГДР, знакомит читателя с жизнью и бытом австралийских аборигенов, их обычаями и верованиями, общественными отношениями и экономикой. Большую часть книги автор посвящает истории аборигенов в эпоху европейской колонизации и их борьбе за свои права, начиная с первой стачки 1946 г. и до наших дней.

Р 10605-114 — 145-81. 0506000000
013(02)-81

91 (И9)

- © Akademie — Verlag. Berlin, 1976.
© Перевод, комментарии и послесловие:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1981.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Задача написать предисловие к советскому изданию книги, которая впервые опубликована несколько лет тому назад, в 1976 г., с подзаголовком «Их прошлое и настоящее», ставит перед автором некоторые трудности. Дело в том, что меняется не только «настоящее», непрерывно обогащаются и наши знания об истории, точнее, о древней истории аборигенов Австралии. В 1976 г. считалось, что аборигены, или, скорее, их предки, пришли в Австралию по крайней мере 40 тыс. лет назад. При этом предполагалось, что первые австралийцы были вполне сформировавшимися представителями современного человека — неантропа, или *Homo sapiens*. Но в середине 1978 г. появилось сообщение, которое перевернуло наши прежние представления о далеком прошлом аборигенов. В аллювиальных отложениях р. Мерчисон в Западной Австралии археологи нашли три десятка каменных орудий, предположительный возраст которых 100 тыс. лет. Конечно, историки весьма осторожны в выводах, основанных на таких изолированных археологических находках. Но если это подтвердится, ранняя история аборигенов отодвинется более чем на 60 тыс. лет назад. Еще важнее то обстоятельство, что каменные орудия, о которых идет речь, были сделаны, очевидно, представителями палеантропа, предка неантропа, и что с тех пор как эти существа появились в Австралии, здесь продолжалось становление современного человека, человек качественно изменялся. В настоящее время эти заключения представляются еще в высшей степени проблематичными, но антропологи уже в течение нескольких лет высказывают осторожное предположение, основанное на большой вариабельности костных останков древних австралийцев, что история человека в Австралии может быть гораздо более длительной, чем 40 тыс. лет.

Этнографов-марксистов всегда интересовали древ-

ная культура аборигенов и их традиционный образ жизни, так как они проливают свет на образ жизни и общественную организацию первобытного человека (неоантропа). Многие в их представлениях о первобытном обществе сегодня критически пересматриваются. Автор этой книги не претендует на то, чтобы его взгляды были признаны последним словом в данной области науки, он считает их скорее стимулом для дальнейшей дискуссии.

События последних нескольких лет убедительно свидетельствуют о том, что борьба аборигенов за самоопределение продолжается. В 1977 г. небольшая делегация аборигенов прибыла в Советский Союз и ознакомилась с жизнью советских национальных меньшинств. Они воочию убедились в действенности ленинской национальной политики, убедились в полном отсутствии здесь расовой, экономической или социальной дискриминации.

В 1978 г. австралийское правительство было вынуждено признать, что многие аборигены, которые прежде, казалось, были вполне удовлетворены жизнью в правительственных поселениях и миссиях, теперь покидают их, чтобы основать собственные независимые поселения (*Homelands*), где они сознательно возрождают традиционную культуру и традиционный образ жизни. Этот процесс охватил добрую половину обитателей правительственных станций и миссий. Подобные переселения — как пытается успокоить себя правительство Австралии — не новы. Они сопровождали забастовку 1946 г. в Пилбара и борьбу гуринджи за право на землю и являются выражением активного протеста аборигенов против дискриминации. Между тем то обстоятельство, что это движение приняло такой размах — явление новое, и оно свидетельствует о том, что аборигены все более вовлекаются в борьбу. Их уже нельзя рассматривать как пассивный объект правительственной «благотворительности» — они превращаются в активную силу, определяющую свою собственную историю.

Дорога, лежащая перед аборигенами, не усыпана розами. Но, имея такого мощного союзника, как австралийский рабочий класс, получая моральную поддержку от стран социализма, особенно от Советского Союза, они могут уверенно смотреть в будущее.

Берлин. 1980 г.

Австралия была открыта европейцами как пятый и последний континент. Это — самый небольшой материк земного шара, протяженность которого по параллели составляет около 4100 км, а по меридиану — около 3200 км. Площадь континента — 7 686 810 кв. км, т. е. на 0,3% меньше территории США (исключая Аляску). По сравнению с Латинской Америкой площадь Австралии составляет лишь около 40% ее территории.

С геологической точки зрения Австралия — старейший континент. Тектонические движения кайнозойской эры затронули ее лишь в незначительной степени: поэтому в отличие от других материков здесь отсутствуют высокогорные цепи. Самый мощный горный кряж — это Большой Водораздельный хребет на востоке страны. Его наиболее высокая вершина — гора Косцюшко поднимается на 2200 м над уровнем моря. Климат Австралии обусловлен ее географическим широтным положением и отсутствием высокогорных цепей. В отличие от других континентов в Австралии выпадает немного осадков, более высокие средние температуры и значительны испарения.

Для млекопитающих Австралии, отделившейся от Юго-Восточной Азии в мезозойскую эру, характерны такие архаические животные, как сумчатые. Наряду с людьми собаки (динго) и крысы были единственными плацентными млекопитающими до прибытия европейцев в Австралию. Переселенцы, вероятно, и привезли их с собой.

Несмотря на упомянутые выше особенности, климатические и растительные зоны здесь столь же разнообразны, как и на других континентах: от субтропических лесов Западной Тасмании и северо-востока Квинсленда, тропических лесов на севере, саванн и степей до пус-

тынь Центральной Австралии. Для больших равнин юго-востока и юго-запада континента, а также острова Тасмания характерен умеренный климат. Субтропических лесов и снежных горных вершин здесь нет, лишь зимой австралийские Альпы на юге покрыты снегом.

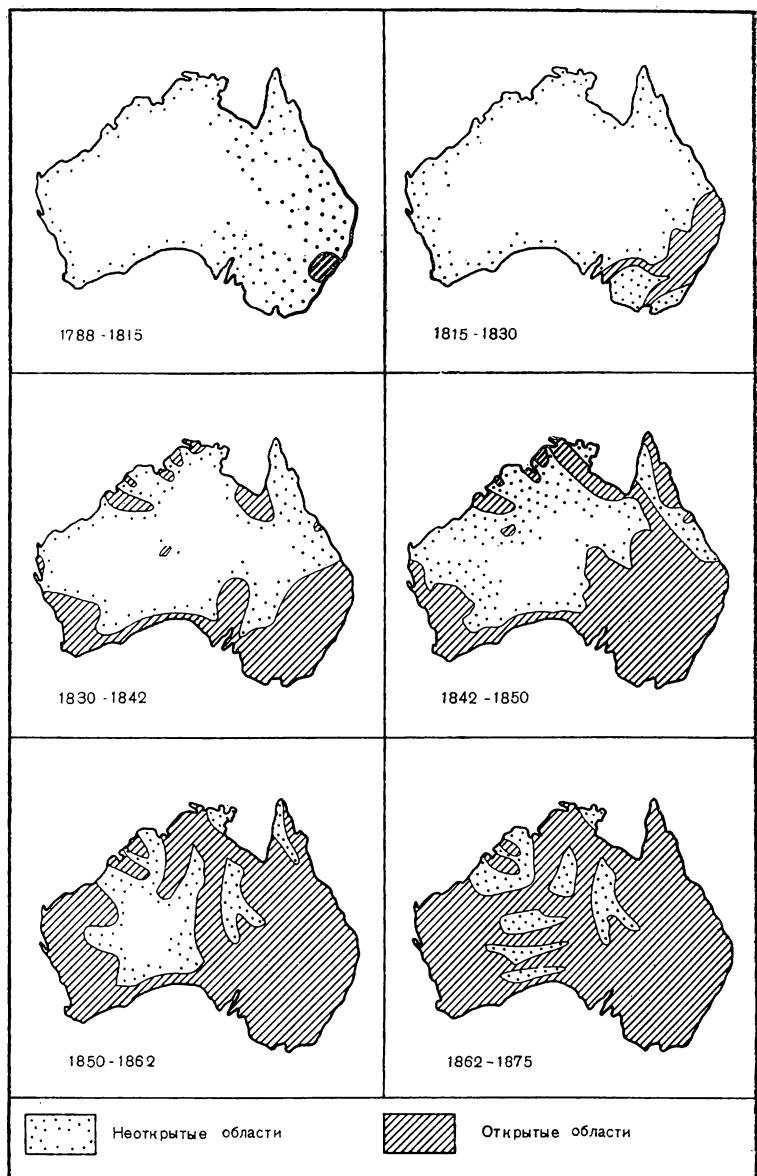
В Южной Австралии сохранились многочисленные следы активности ледникового периода, относящиеся ко времени заселения континента людьми. В той части Центральной Австралии, которая ныне представляет собой зону пустынь, в те времена господствовал, по-видимому, влажный климат с тропической растительностью, а для фауны были характерны гигантские, ныне вымершие сумчатые животные.

Никаких доказательств того, что население развивалось в Австралии автохтонно, не имеется. Уже многие миллионы лет не существует перешейка между Австралией и современной Юго-Восточной Азией, так же как и Западноиндонезийским архипелагом. Следовательно, определить время, когда человек впервые вступил на территорию Австралии, мы можем, лишь применяя метод С-14¹. По неполным данным, которыми мы сейчас располагаем, первый человек мог обосноваться в Австралии около 40 тыс. лет назад. Представляется вероятным, что предки аборигенов² прибыли в Австралию в ледниковый период, когда уровень моря был ниже, чем теперь. Своего наивысшего развития этот период достиг приблизительно 25 тыс. лет назад. Современная наука не позволяет пока сопоставить ледниковые периоды в южном и северном полушариях. Но даже если предположить, что в этот период уровень моря находился на 60 м ниже, чем теперь (залив Карпентария представлял собой плоскую равнину), а Новая Гвинея образовывала с Австралией и Тасманией материк, то и первым аборигенам приходилось преодолевать на своем пути из Юго-Восточной Азии в Австралию и Новую Гвинею полосу открытого моря в 200 км шириной. При благоприятных условиях в тропических широтах на расстоянии 200 км можно увидеть расплывчатые очертания суши. Возможно, поэтому предки аборигенов отправлялись в странствие не случайно, а с определенным намерением. Таким образом, можно предположить, что ранние переселенцы уже 40 тыс. лет назад или более имели в своем распоряжении средства передвижения по морю. Но это-

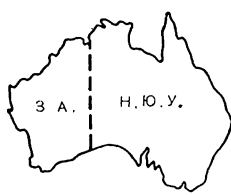
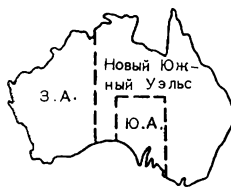
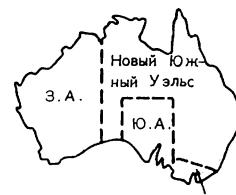
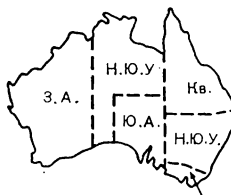
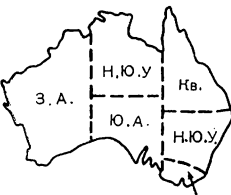
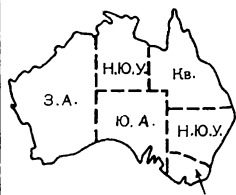
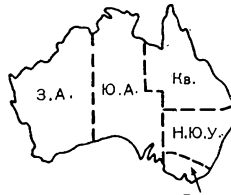
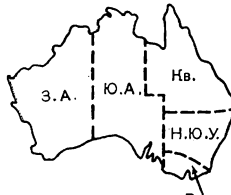
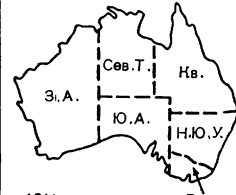
му в известной мере противоречит тот факт, что у аборигенов, которые позднее жили на южном побережье Австралии, не было морских судов. Напрашивается вывод, что аборигены, попавшие однажды в Австралию, достигли южной части континента не по морю, вдоль берега, а используя сухопутные пути, и за это время утратили искусство постройки судов.

Хотя ранние контакты европейцев с аборигенами относятся к началу XVII в., первая европейская колония в Австралии — поселение преступников — была основана лишь в 1788 г. в Порт-Джексо́не (совр. Сидней). За 186 лет заселения Австралии европейцами чистокровное аборигенное население сократилось примерно с 300 тыс. человек до 40 тыс. Европейцы, вступая в контакт с аборигенами, называли их в разное время по-разному: и чернокожими, и аборигенами, и индейцами, а также награждали такими эмоциональными и презрительными прозвищами, как «дикари» и «варвары». У цветных австралийцев сегодня прослеживается тенденция к самоназванию «чернокожие» вне зависимости от происхождения, от того, чистокровные ли они аборигены или метисы, жители островов Торресова пролива или потомки меланезийцев, завезенных в XIX в. в Квинсленд для работы на плантациях и находившихся на положении рабов. Здесь и в последующих главах термином «коренные жители» мы обозначаем австралийских аборигенов и их потомков.

Название «Австралия» впервые появилось на географической карте в 1606 г., когда испанец Педро Фернандес де Кирос достиг одного из островов архипелага Новые Гебриды, того, который и по сей день носит имя «Эспириту-Санту». Он решил, что открыл Великую Южную землю³ (это аргументировалось тем, что в силу существующего в природе всеобщего равновесия в водах южного полушария имеются такие же многочисленные массивы земли, как и северного). Поэтому Кирос назвал группу островов, о которой идет речь, «Австралия Духа Святого». Сам Австралийский континент первоначально носил имя «Новая Голландия». В 1814 г. английский мореплаватель Мэтью Флиндерс предложил для него название «Австралия», которое он ввел в употребление уже десятью годами ранее. До этого англичане присоединили к метрополии только восточную половину Австралии, назвав ее «Новый Южный Уэльс» (см. карту

Карта № 1. Открытие Австралии

		
		
		
 <p>Австралийский Союз</p>	 <p>1911 - сегодня Австралийский Союз</p>	<p>Викт. — Виктория Н. Ю. У. — Новый Южный Уэльс Кв. — Квинсленд Ю. А. — Южная Австралия Сев. Т. — Северная Территория</p> <p>Тасмания аннексирована в 1804 г., с 1901 г. часть Австралийского Союза</p>
<p>1 — 1788 - 1825 2 — 1825 - 1829 3 — 1829 - 1836 4 — 1836 - 1851</p>	<p>5 — 1851 - 1859 6 — 1859 - 1861 7 — 1861 - 1862 8 — 1862 - 1863</p>	<p>9 — 1863 - 1901 10 — Австралийский Союз (1901 - 1911) 11 — Австралийский Союз (1911 - сегодня)</p>

Карта № 2. Политическое развитие Австралии. (Схемы 1—11 даются слева направо. Пометой З. А. обозначена Западная Австралия.)

№ 2). В 1836 г. Митчелл окрестил западную часть нынешнего штата Виктория Счастливой Австралией (*Australia felix*). До 1850 г., уже после полной аннексии, континент имел официальное название «Новая Голландия», в то время как название «Австралия» обозначало британскую провинцию, в которую входили материк и остров Тасмания.

Демографические данные об аборигенном населении Австралии основываются на приблизительных оценках. Вплоть до второй мировой войны провести полную перепись населения было практически невозможно, поскольку во многих племенах существовали еще первобытно-общинные отношения и с ними нельзя было поддерживать контактов. В дальнейшем ситуация могла бы измениться, но до референдума 27 мая 1967 г., отменившего дискриминационные статьи закона, направленные против аборигенов, категорически запрещалось производить перепись аборигенов.

Неточной была оценка аборигенного населения и в различных штатах (в том числе на Северной Территории, находившейся под административным управлением федерального правительства). Поскольку определение различных категорий метисов для статистических целей варьировалось не только от штата к штату, но и от года к году, в отдельных оценках использованные данные содержали явные несоответствия.

В приводимых ниже данных об оценочной численности аборигенного населения в 1961 и 1964 гг. видны границы, в пределах которых она колеблется. Из этих данных следует, что чистокровные коренные жители Австралии, в результате 200-летней оккупации страны, составляют примерно 14% предполагаемой численности первоначального населения (табл. 1). В то же время белое население Австралии составляет около 14 млн. жителей. Это означает, что коренных жителей несколько меньше 1% всего населения Австралии.

Карта Австралии (см. карту № 3) графически демонстрирует результат исторического процесса. Линия, проходящая непосредственно северней Кэрнса, отклоняющаяся южнее к Большому Австралийскому заливу и затем в направлении на северо-запад к крайней точке северо-западной части Западной Австралии, отделяет области (севернее этой линии), в которых чистокровные

Оценка численности коренного населения
в 1961 и 1964 гг.*

Штат или территория	1961 г.			1964 г.		
	чистокровных	метисов		чистокровных	метисов	всего
Территория столицы Австралии . . .	—	143	143	—	—	—
Новый Южный Уэльс .	1 488	13 228	14 716	235	13 163	13 398
Виктория .	253	1 543	1 796	—	3 000	3 000
Квинсленд .	8 686	11 010	19 696	11 445	27 994	39 439
Южная Австралия .	2 147	2 737	4 884	2 250	3 850	6 100
Западная Австралия .	8 121	8 155	16 276	9 411	11 579	20 990
Северная Территория .	15 442	2 318	17 760	19 334	4 000	23 334
Тасмания .	—	38	38	—	—	—
В с е г о .	36 137	39 172	75 309	42 675	63 586	106 261

* Прочерк в графах обозначает отсутствие данных.

aborигены преобладают над метисами, от тех, где наблюдается обратное явление.

В «районах овцеводства» в целом метисов больше, чем аборигенов, в то время как в северных «скотоводческих районах» аборигенов больше. Упрощенно территорию к югу от линии можно обозначить как «область поселений», а к северу как «пограничную область», хотя как первая, так и вторая примерно за три десятилетия стабилизировались.

Следует также заметить, что севернее линии, за исключением маленьких городов (самые большие из них — Алис-Спрингс с 11 179 и Дарвин с 35 546 жителями, по переписи 1971 г.), «цветное» население в общем превосходит белое.

Ограничиться только описанием современного положения аборигенов, наподобие того как фотография закрепляет сюжет в определенный момент, было бы неправильно и недialeктично по двум причинам: во-первых, из-за детали не видна общая картина и, во-вторых, в наши дни положение меняется так быстро, что работа об аборигенах уже в момент публикации теряет свою актуальность. Если описание положения аборигенов, к примеру, в 1890 г. тремя десятилетиями позднее еще сохраняло определенную значимость, то сегодня оно уже не соответствует действительности.

Целесообразно рассматривать происходившие процессы в исторической перспективе. Это — по крайней мере в общих чертах — дает возможность сделать определенный прогноз.

Аборигены Австралии. Теоретический аспект

Данные о процессе заселения Австралии человеком, полученные с помощью метода С-14, содержат еще слишком много пробелов, чтобы можно было дать детальное описание этого процесса. Так, возраст древнейших находок из оз. Манго на юго-востоке и из Кейлора (вблизи Мельбурна) оценивают теперь приблизительно в 30 тыс. лет до н. э., а на севере (Оэнпелли) — 24 тыс. лет. В то же время самая древняя находка из Тасмании, когда-то соединявшейся с Викторией, датируется на уровне лишь 8 тыс. лет.

Можно предположить, что север Австралии, на который раньше всего вступили предки аборигенов, был заселен первым, а на Тасмании следы поселения появились тогда же, когда и в Виктории. Таким образом, предстоит еще провести большие археологические исследования, прежде чем удастся получить точные сведения о заселении различных частей Австралии.

Первые миграции внутрь Австралийского континента начались с севера и северо-запада около 40 тыс. лет назад. Они шли тремя путями: первый вел через Центральную Австралию, второй — на восток Большого Водораздельного хребта и третий проходил почти параллельно западному побережью. Дальнейшие находки позволяют, вероятно, модифицировать эту гипотезу.

Антропологически австралийские аборигены принадлежат к одному характерному типу. У них удлинённый череп с сильно развитыми надбровными дугами. Нос широкий, кожа шоколадно-коричневого цвета, а не черного, волосы темно-коричневые, вьющиеся. В отдельных частях Австралии встречаются дети со светлыми волосами, которые с возрастом постепенно темнеют. У австралийских аборигенов густая растительность на теле и на лице.

Разумеется, существуют местные отклонения от описанного выше типа, а также различия между жителями юга и севера континента. Это можно объяснить воздействием внешней среды, но в то же время можно отнести и за счет тригибридного происхождения аборигенов. Выдвинутая наукой господствующая теория о происхождении аборигенов от одной-единственной расы не исключает в то же время влияния на них извне, так же как и возможности переселения предков современных аборигенов волнами, через значительные промежутки времени.

Аборигены Австралии с их весьма архаичными орудиями производства и оружием, а также производственными отношениями и общественной организацией всегда вызывали интерес у этнографов. Об этом писал в своем классическом труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс. Советский этнограф-австраловед В. Р. Кабо отмечал в своих работах (см. ниже, с. 150), что исследование традиционной культуры, хозяйства и общественной структуры

аборигенов Австралии проливает свет на культуру и социально-экономические отношения эпохи палеолита и способствует их более глубокому пониманию.

Политической единицей у аборигенов Австралии являлся род, или, как его иначе называют, локальная группа, землевладельческая общность, охватывавшая большей частью от 30 до 60 мужчин, женщин и детей. 10—15 локальных групп поддерживали между собой социальные и хозяйственные отношения, говорили на одном языке или же общались между собой на понятном друг другу диалекте. Такой союз локальных групп в литературе часто неправильно обозначается как «племя». Тем не менее какой-либо политической организацией локальные группы не объединялись. Они отличались, например, от североамериканских ирокезов, как они описывались Льюисом Г. Морганом и рассматривались Ф. Энгельсом. Ирокезы не только имели единую племенную организацию, но их многочисленные племена были объединены в федерацию, охватывавшую тысячи людей и представлявшую собой более высокую ступень политической организованности. Все эти признаки отсутствовали у австралийских аборигенов. Поэтому они не были в состоянии оказывать совместно эффективное сопротивление вторжению разбойничьего капитализма в XIX столетии.

Проблема австралийских аборигенов особо важна и потому, что она наглядно показывает процесс этнической консолидации. За сравнительно небольшой промежуток времени — почти за 190 лет европейского заселения — в Австралии совершился переход от самой низшей из наблюдавшихся стадий первобытного общества к стадии достижения полного политического сознания.

После выхода во второй половине прошлого столетия классических трудов Л. Моргана и Ф. Энгельса был собран весьма обширный и разнообразный этнографический материал об австралийских аборигенах и первобытном обществе в целом. По мере накопления этого материала поднимались новые теоретические вопросы, а старые нередко формулировались по-новому.

В следующем разделе будут освещены некоторые из этих проблем в свете новейших этнографических и археологических исследований об австралийских аборигенах. Отметим следующие дискуссионные вопросы:

1) Какие отношения существуют между землевладельческой локальной группой и группой, ведущей совместное хозяйство? Являются ли они, как считалось раньше, идентичными? И если нет, то почему?

2) В какой степени линейность определялась кровным родством, а в какой — экономическими факторами, в частности передачей по наследству важнейшего средства производства — земли?

3) Насколько точно мы можем характеризовать производственные отношения по археологическим находкам примерно 30 000-летней давности?

4) Почему плотность населения оставалась столь низкой, если обычно аборигены, как об этом сегодня известно, посвящали добыче пропитания лишь несколько часов в день, а норма рождаемости была очень высока?

5) Почему у аборигенов, несмотря на большое разнообразие экологических условий, по всей Австралии господствовали, по существу, одинаковые производственные и общественные отношения?

После рассмотрения первобытного австралийского общества следует краткий раздел о внешних влияниях на аборигенов до заселения континента европейцами.

Длительная история контактов между аборигенами и европейцами, начиная с основания колонии преступников в Сиднее (1788 г.), будет изложена в трех разделах:

1) Эпоха колонизации — с 1788 по 1900 г.

2) Период от образования федерации в 1901 г. до конца второй мировой войны (1945 г.)

3) Период от окончания второй мировой войны до наших дней.

1. Общие сведения

С марксистской точки зрения исследование первобытной истории аборигенов Австралии предполагает, во-первых, изучение экономического базиса общества на различных этапах его развития и, во-вторых, исследование соответствующих явлений в его надстройке.

Археология и этнография — науки, которые внесли основной вклад в создание общей картины исторического развития аборигенов. Но и другие отрасли знания, такие, как антропология, языкознание, геология, экология, вносят в это и свою лепту.

Этнография может дать лишь общее описание культуры и образа жизни древнего населения за весьма ограниченное время, т. е. только с тех пор, как появились письменные источники.

Исследования XVII, XVIII и XIX вв. обладают различной ценностью. Многие ранние описания имеют весьма субъективную окраску из-за предубежденности наблюдателей. В то же время некоторые участники экспедиций XVIII и XIX вв. дали бесценный объективный материал.

С середины прошлого столетия этнография становится самостоятельной наукой, а в Австралии полевые исследования этнографов-специалистов начинаются лишь в 20-х годах нашего века. За одно или два десятилетия до этого некоторые ученые провели значительные исследования отдельных аспектов общественной жизни коренного населения. До этого серьезным этнографам почти не приходилось работать среди населения, находящегося в наши дни на древнейших стадиях развития общества. Поэтому не было и обстоятельных описаний хозяй-

ственной жизни какой-нибудь группы коренного населения Австралии.

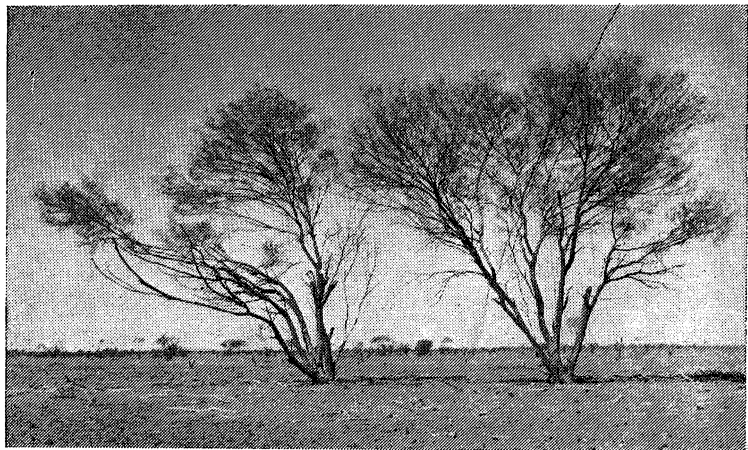
Такие пробелы в наших знаниях о хозяйственной жизни аборигенов объясняются двумя причинами. Первая состоит в том, что коренные жители Австралии были народом охотников и собирателей, у которых отсутствовало земледелие даже в самых примитивных формах. Следовательно, они не вели оседлого образа жизни, и если этнограф захотел бы основательно исследовать их хозяйство, ему пришлось бы долгое время жить среди кочевников-аборигенов и наблюдать за их деятельностью. Но это связано с очень многими трудностями. Так же обстояло дело и с другими охотниками и собирателями, например бушменами Южной Африки.

Вторая причина заключалась в том, что традиционная экономическая жизнь аборигенов начала необычайно быстро разлагаться, едва эти люди оказались под воздействием белых поселенцев, которые стали их снабжать чаем, сахаром, мукой и табаком. Хотя последствия контакта с белыми поселенцами не менее серьезны и для других народов, уже перешедших к оседлому образу жизни, этот процесс происходит у австралийских аборигенов значительно медленнее.

Большинство этнографов, проводивших полевые исследования в Австралии, воспитаны на буржуазных традициях и, следовательно, не могут принять марксистской точки зрения. Типичный пример этого — исследование биологически обусловленного разделения труда по возрасту и полу. Для марксиста такое разделение труда является одним из первых подлежащих конкретному изучению вопросов общественной жизни аборигенов, а ведь до 60-х годов нашего века оно почти не исследовалось. А это позволило бы по-новому осветить традиционные производственные отношения аборигенов. Информация о других аспектах производственных отношений, например отношений между различными землевладельческими группами, отсутствует почти полностью, из-за чего выводы опираются на случайно собранные данные.

В отношении надстройки мы информированы лучше, так как этнографы очень подробно описали некоторые ее характерные явления.

В изучении жизни древних австралийцев чрезвычай-

Ландшафт Центральной Австралии

но важное место занимают аборигены Тасмании, хотя этнографические данные о них крайне скудны. В 1804 г. Тасмания была впервые заселена британцами как колония преступников. Вслед за этим началось истребление аборигенов, и к концу XIX в. не осталось в живых ни одного коренного тасманийца.

Какой археологической информацией мы располагаем? Здесь другая проблема. Ведь в сравнении с этнографией археология в Австралии еще очень молода. Только с 1961 г. здесь начали проводиться подлинно научные раскопки. Радиоуглеродный метод датировки был впервые применен около 1950 г., и в дальнейшие десять лет последовательность археологических находок в Австралии (и Тасмании) удалось определить более или менее точно. Лопата археолога выявила сохранившиеся свидетельства материальной культуры — преимущественно каменные и костяные орудия, а также следы стоянок.

Заклучения, основанные на материалах раскопок, относятся почти исключительно к определенным орудиям производства. Что же касается производственных отношений, то здесь могут быть сделаны лишь приблизительные выводы, а о надстройке нам вообще ничего не известно.

Возникает вопрос: в какой мере обнаруженные археологами изделия из камня и кости могут дать общее представление об орудиях производства?

Предполагается, что совершенствование этих изделий означает изменение средств производства в целом. Можно ли отсюда сделать вывод и о кардинальных переменах в производственных отношениях? Этого нельзя сказать определенно. Если допустить, что сразу же после основания первого европейского поселения в 1788 г. аборигены неожиданно исчезли и от их пребывания остались лишь археологические находки, то на основе большого разнообразия этих предметов мы смогли бы, пожалуй, сделать вывод, что в разных частях континента существовали различные производственные отношения. Но нам известно, что эти отношения на всем континенте, несмотря на многочисленные формы орудий из камня и кости, были сходны. Нельзя делать выводы, основываясь лишь на археологических данных, так как основные средства производства были изготовлены не из камня и не из кости, а из дерева, которое, естественно, не сохранилось. Этими решающими средствами производства были по всему Австралийскому континенту, включая Тасманию, копья мужчин и копалки женщин.

Находки на поверхности дали сильно отличающиеся друг от друга типы орудий — от больших, грубо обработанных камней до тонко обработанных микролитов. Ни одним из этих каменных орудий не пользовались уже в период первого заселения Австралии европейцами.

Раскопки последних десяти лет показали, что примерно до 7 тыс. лет назад (± 1000 лет, в зависимости от места раскопок) каменные культуры ранних австралийцев характеризовались грубо оббитыми орудиями. Затем появились небольшие, тонко обработанные орудия. В некоторых областях они представляли собой изящные остроконечники. Это — уже важные качественные перемены в каменной индустрии.

2. Тасманийские данные

Можно ли считать, что до и после периода, отстоящего от нас на 7 тыс. лет, основные средства производства оставались одними и теми же и, так как были сдела-

ны из дерева (т. е. копья и копалки), не сохранились как археологические материалы? Свидетельства о последних тасманийских аборигенах как будто бы позволяют положительно ответить на этот вопрос.

Существуют две противоположные точки зрения о заселении острова Тасмания. Первая исходит из того, что тасманийские аборигены принадлежали якобы к другой расе, чем австралийские, и были тесно связаны с негроидными группами, встречающимися в некоторых частях Меланезии; они попали в Тасманию лишь в сравнительно недавнем прошлом, передвигаясь вдоль восточного побережья Австралии. Доказательством этой точки зрения служит тот аргумент, что аборигены тропических лесов Квинсленда по своему физическому типу похожи на негритосов Новой Гвинеи и тасманийских аборигенов. Остается, однако, открытым вопрос: когда же, согласно этой теории, которую, кстати, в наши дни представляет лишь крайне незначительное число специалистов, произошло заселение Тасмании?

Согласно другой теории, уровень моря в период плейстоцена находился значительно ниже, чем сейчас. Бассов пролив представлял тогда собой ровный участок суши и соединял Австралийский материк с Тасманией. По этому «мосту» предки тасманийских аборигенов и переселились в Тасманию. Мы не знаем точно, когда Бассов пролив окончательно отделил континент от Тасмании, но можно предположить, что это случилось около 11 тыс. лет назад. Старейшая археологическая дата по методу С-14, относящаяся к Тасмании, 8 тыс. лет, а к Виктории — около 31 тыс. лет (Кейлор). Таким образом, заселение Тасмании занимало довольно продолжительное время.

Когда европейцы впервые встретились с аборигенами Тасмании, у последних еще существовала каменная культура, сходная с той, которая известна по австралийским археологическим находкам 7000-летней давности. Основные средства производства тасманийских аборигенов в историческое время походили на те, которые существовали в Австралии, и их производственные отношения были сходными. На основании данных по Тасмании можно сделать вывод, что изменения в каменной индустрии на континенте не привели к радикальным переменам в производственных отношениях.

Если согласиться с этим заключением, то можно предположить, что предки как тасманийских, так и австралийских аборигенов, населявшие 30 тыс. лет назад или более север Австралии, владели такими же основными средствами производства, как тасманийцы и австралийцы исторического времени. Из этого следует, что и производственные отношения за 30 тыс. лет, по существу, оставались неизменными. Человек существует как *Homo sapiens* всего лишь около 40 тыс. лет. Поэтому возникает вопрос: сходен ли способ производства, наблюдаемый у австралийских аборигенов в историческое время, со способом производства *Homo sapiens*'а приблизительно 40 тыс. лет назад? Этот вопрос не лишен логики, хотя на первый взгляд может показаться бессмысленным.

Прежде всего в этом случае следует исходить из того, что в течение 40 тыс. лет здесь не произошло существенного развития основных средств производства. Если вспомнить все то, что сделал человек в научном и техническом отношении в других частях света, то трудно понять, почему аборигены практически оставались почти на том же самом уровне, на котором находились около 40 тыс. лет назад. Однако если рассмотреть этот вопрос с другой точки зрения, то это покажется не столь уж невероятным, так как на ранних этапах человеческой истории, например в среднем и тем более в раннем палеолите, средства производства развивались чрезвычайно медленно — даже не за 40 тыс. лет, а за сотни тысячелетий.

Аргумент о необычном или даже аномальном развитии лишил бы аборигенов того значения, которое принадлежит им с универсально-исторической точки зрения.

Производственные отношения аборигенов кажутся нам весьма своеобразными. Однако это не дает нам права считать этих людей необычными или аномальными. Этот аргумент был бы убедительнее, если бы речь шла о производственных отношениях одной небольшой группы в экологически необычной области. Далее будет показано, как эти характерные для Австралии производственные отношения естественно развивались на основе биологически обусловленного разделения труда, независимо от повседневной экологической ситуации.

В качестве другого аргумента необычности австралийских общественных форм называют отсутствие хищных зверей. Но при этом исходят из совершенно ошибочного предположения, что первобытные люди должны были объединяться для защиты от хищников.

Австралия несомненно испытывала культурные влияния извне. Изменения каменной индустрии, происходившие примерно 7 тыс. лет назад, весьма вероятно, обязаны отчасти внешнему воздействию. Но ни в коей мере не менялись при этом основные средства производства. Известны, правда, стрелы и луки на северном побережье, но это были всего лишь детские игрушки. Как мало в общем традиционные орудия производства и производственные отношения зависели от внешнего воздействия, подтверждается тем, что посещения континента индонезийцами не оказывали какого-либо заметного влияния на аборигенов. Эти визиты продолжались более 200 лет, вплоть до начала нашего столетия. То, что аборигены изготавливали наконечник копья из куска железа при помощи кремневых орудий, свидетельствует в первую очередь о том, что эти контакты не изменили основные орудия труда и характерный для аборигенов способ производства.

Почему аборигены, несмотря на влияния извне, не совершили качественного перехода от сообщества охотников и собирателей к иной хозяйственной деятельности — производству пищевых продуктов? Один австралийский ученый с юмором ответил на этот вопрос так: «Потому что нельзя выращивать колючую траву и доить кенгуру». Справедливые слова, но они рисуют еще не всю картину.

Когда европейцы впервые высадились на Австралийском континенте, они нашли там единственных плацентных млекопитающих — крысу и дикую собаку динго. Собака, скорее всего, была завезена в Австралию человеком с целью использовать ее на охоте. Когда это произошло, неизвестно. Возраст древнейших обнаруженных останков динго, согласно методу С-14, примерно 8 тыс. лет. На Тасмании динго не встречаются.

Из этнографических данных следует, что аборигены никогда не разводили, а ловили и дрессировали молодых диких динго. Предпосылки для разведения динго с целью употребления их в пищу также отсутствовали⁴.

Естественно, что нельзя культивировать колючую траву. Но в Австралии росли другие виды съедобных растений, которые могли возделывать аборигены, такие, например, как корни ямса. В больших количествах произрастает на обширных низменностях многочисленных северных рек дикий рис. Аборигены употребляли его в пищу, но основную часть поедали птицы. Никто не пытался убирать рис и сохранять его, как это делали «народы — собиратели урожая» в Северной Америке. Если говорить о начатках хозяйственного возделывания растений, то можно усмотреть их только в том, что женщины-аборигенки вновь высаживали усики ямса вместе с верхней частью корня растений. Некоторые аборигены с побережья ели тередо, или червей-кобра, которых выковыривали из стволов деревьев, вылавливаемых в ручьях и устьях рек. В ряде областей деревья с этой целью предварительно бросали в воду, чтобы обеспечить себе запас червей.

Консервирование продуктов, как предпосылка для перехода аборигенов к оседлому образу жизни и производству избыточного продовольствия, применялось очень редко и было крайне примитивным. Например, высушивали на солнце мякоть плодов центральноавстралийских пустынных слив.

На востоке Нового Южного Уэльса иногда шли в пищу бабочки богонг (их коптели перед употреблением). Молодые семена сосны бунья-бунья ели сырыми, но зрелые орехи толкли и пекли из них лепешки, которые хранились несколько месяцев. Орехи пальмы бурраванг из породы цикадеи иногда складывали в ямы. Порой сохраняли яйца черепах и птиц, а в Центральной Австралии — мясо кенгуру, которое дня два сушили и таким образом консервировали.

Однако то обстоятельство, что аборигены так и не приступили к производству пищевых продуктов, отнюдь не свидетельствует об отсутствии у них сообразительности. Напротив, их умение отыскивать и готовить пищу, приспособляясь к местным условиям, свидетельствует о находчивости. Вся эта деятельность происходила, однако, в рамках охоты и собирательства.

По оценкам, в 1788 г. число аборигенов составляло примерно 300 тыс., что соответствовало в среднем одному человеку на 26 кв. км. Отклонения объяснялись кли-

матическими или экологическими условиями. В областях пустынь примерно один абориген приходился на 90 кв. км и более. Другая крайность — плотность населения на острове Грут-Айленд, где примерно один абориген приходится на 8 кв. км. Плотность населения аборигенов в Папуа — Новой Гвинее, которые занимаются примитивным земледелием, расчищая землю с помощью огня, в 80 раз превышает австралийскую.

Аборигены, кочевавшие лишь на ограниченной территории, крайне редко встречались с другими людьми. Абориген обычно не покидал ту область, которую он изучил и где охотился. Он знал аборигенов, которые в ней постоянно обитали. Так возникали коммуналекты.

Сегодня слово «коммуналект» нередко употребляют вместо слова «язык». Около 1788 г. аборигены говорили примерно на 500 языках, причем каждым языком владели в среднем 500—600 человек. Если мы выделим четыре группы аборигенов, которые локализуются в направлении восток — запад (первая говорит на коммуналекте *A*, вторая — *B*, третья — *C* и четвертая — *D*), то обнаружим, что аборигены первой группы могли бы понять вторую группу, но не поняли бы третью или четвертую. Вторая группа могла бы понять первую и третью, но не четвертую; третья поняла бы вторую и четвертую, но не первую, и так далее. Обычно один абориген владел тремя и более языками, — кроме собственно того он так же свободно говорил на языках своих непосредственных соседей.

Австралийские языки образуют в целом особую группу и не имеют ничего общего с языками, распространенными за пределами Австралии. Некоторые слова Папуа вошли в употребление на полуострове Кейп-Йорк; в языках северного побережья встречаются индонезийские слова. Но языковые структуры в целом не подвергались внешнему воздействию.

Делались попытки изучить распространение не только самих языков коренных австралийцев, но и корней некоторых (не обязательно первоначальных) слов. Были составлены интересные карты распространения языков, однако они мало чем обогатили наши знания по истории австралийских языков.

Рисуя себе общую лингвистическую картину Австралии, мы исходим из того, что развитие и оформление

коммуналектов продолжалось очень долго и практически не подверглось внешним влияниям.

К сожалению, наши сведения о языке Тасмании недостаточны для того, чтобы сделать обоснованные выводы о его взаимоотношениях с языками континента.

3. Противоречие между высокой рождаемостью, достаточными источниками питания и низкой плотностью населения

Согласно широко распространенной, но ошибочной концепции, австралийские аборигены всегда находились под угрозой голода и были вынуждены постоянно заниматься поисками средств к существованию. Это противоречит истине. Аборигенам нужно сравнительно мало времени для того, чтобы обеспечить себя пищевыми продуктами. Дж. Грей, который в 30-х годах прошлого столетия проводил исследования среди аборигенов, заметил, что они в любое время года за два-три часа могли обеспечить себя достаточным количеством пищи на весь день. Обычно аборигены — если они постоянно жили в буше — имели более чем достаточный запас продуктов питания.

По другой ошибочной теории, аборигены не могли иметь много детей. Это впечатление сложилось на основе наблюдений за аборигенами, получившими в наследство от белых колонизаторов ранее неизвестные здесь болезни, против которых они, естественно, не имели никакого иммунитета. Это относится в первую очередь к венерическим заболеваниям, приводившим к бесплодию.

Демографы, не имевшие никакого опыта общения с аборигенами, живущими в условиях первобытного общества, считали, что женщина-аборигенка имела не более четырех детей. Демографической информации об охотниках и собирателях, в частности об аборигенах Австралии, живших в условиях первобытного общества, до недавнего времени вообще не существовало. Нетрудно подсчитать численность такого народа, как, например, папуасы, которые живут в постоянных деревнях. То же мы наблюдаем сегодня у аборигенов, которые окончательно отказались от кочевого образа жизни и живут относительно постоянными, оседлыми общинами. Эффек-

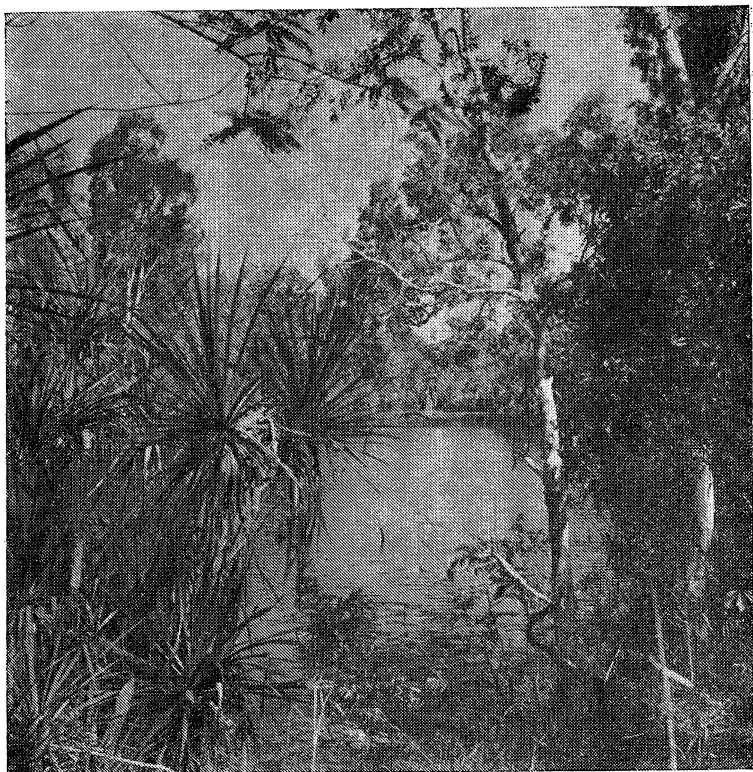
тивная и полная перепись аборигенов Северной Территории была впервые проведена лишь в 1953 г.

Демографические данные об условиях жизни аборигенов на стадии первобытного общества автор этой книги собрал в 1941 г. на Грут-Айленде. Хотя они и неполны, но все же довольно поучительны. Если считать, что женщина до начала климакса может иметь по меньшей мере 18 детей (т. е. на протяжении всего периода половой зрелости она или беременна, или кормит ребенка грудью), то возникает вопрос: почему при такой необычайно высокой рождаемости и при нормальных условиях питания, запасов которого вполне достаточно, плотность населения Австралии находилась на столь низком уровне?

Следует, по-видимому, учитывать два фактора. Во-первых, очень высокая смертность грудных и маленьких детей. В 1941 г. среди населения Грут-Айленда смертность младенцев (т. е. умерших на первом году жизни) составляла около 60%.

Соответственно высокой была и смертность среди маленьких детей. В сравнении с этим детская смертность в промышленных странах (например, в ГДР или в Австралии без аборигенов) не достигает 2%. Можно сравнить показатель 60% смертности грудных детей с 25—30%, характерными для Западной Европы в период промышленной революции, когда впервые начали проводиться такие статистические исследования. В последние годы благодаря широкому применению антибиотиков и других медицинских средств чрезвычайно высокий уровень смертности младенцев и малолетних детей существенно снизился, и это привело к подлинному «демографическому взрыву». Так, число аборигенов на Грут-Айленде в 1941 г. составляло менее 350, а сегодня приближается к тысяче.

Другой фактор — это питание. Мы уже упоминали, что пищевых продуктов при нормальных условиях существования было достаточно. Однако плотность населения, очевидно, определялась не только нормальным (не говоря уж о максимальном), но и минимальным количеством имеющихся в наличии продуктов питания. Известно, что Австралия переживает периодические засухи и каждые несколько лет в обширных областях почти не выпадает дождей. Это отражается на флоре и фауне:

Ландшафт Северной Австралии

растения высыхают и исчезают; множество зверей погибает без воды и пищи. В такое время аборигены оказывались в весьма затруднительном положении из-за сложностей, возникающих при поисках пищи. Наиболее слабые и старые члены общества умирали.

Австралийские аборигены, как охотники и собиратели, во многом зависели от капризов природы и, не будучи земледельцами и скотоводами, не могли над ней господствовать. Они оказывались как бы в сходной ситуации с животными и растениями, непосредственно их окружающими. Однако аборигены уже знали, что через каждые шесть-семь лет засуха, грозившая им голод-

ной смертью, повторяется. Благодаря накопленному опыту они предвидели все перемены и передавали свои знания из поколения в поколение.

Общество было организовано так, что предоставляло своим членам максимально возможную поддержку. А это смягчало самые отрицательные последствия природных условий, не поддающихся воле человека.

4. Хозяйство

Аборигены Австралийского континента и Тасмании были не только охотниками и собирателями. Когда позволяли обстоятельства, они были и рыбаками. Они ловили рыбу на удочку, били ее копьем или загоняли в верши, закалывали, ловили сетями, отравляли воду, чтобы одурманить рыбу. Рыболовством занимались не только группы, обитавшие на побережье, но и аборигены, живущие в центральных областях, где русла рек наполняются водой лишь на короткое время. Моллюски также употреблялись в пищу.

Положение тасманийских аборигенов было более сложным. В сообщениях ничего не говорится о том, что они ловили рыбу, хотя не последнее место в их рационе занимали моллюски. Поэтому хозяйство тасманийских аборигенов считается менее развитым, чем австралийских. Однако и здесь археологические раскопки приносят интересные открытия. В верхних (молодых) археологических слоях не были обнаружены останки рыб, о чем говорят и наблюдения современников в прошлом столетии. Но в последующих (более древних) слоях рыбы кости попадались часто. Предки аборигенов по прибытии на Тасманию, вероятно, ловили рыбу и употребляли ее в пищу, но в последующее время прекратили это занятие. Данное обстоятельство не следует рассматривать как регресс: просто, вероятно, на определенной стадии своей истории (возможно, вследствие климатических условий или общих экологических изменений) они нашли более действенное средство для удовлетворения потребности в протеине.

Бумеранг — орудие, которое большинство людей считает «типично австралийским». На самом деле такой взгляд ошибочен: бумеранг был первоначально неиз-

вестен на значительной части континента, включая Тасманию. Вероятно, бумеранг, как один из элементов культуры, в Австралию попал довольно поздно. Ко времени заселения Австралии европейцами бумеранг уже был известен и широко распространен во многих областях континента. Интересно, что в некоторых районах бумеранг применялся не как оружие, им отбивали такт во время танцев или корробори. Это можно было наблюдать, например, в 1941 г. на Грут-Айленде.

Бумеранг, возвращавшийся после броска, использовался лишь как спортивный снаряд. Боевой бумеранг был тяжелым и, когда его бросали, он не возвращался обратно. Разновидностью бумерангов, встречающихся в некоторых районах, является так называемый крючковидный бумеранг, один конец которого согнут под прямым углом по отношению к изгибу. Этот бумеранг можно считать типичным лишь для Австралии, тогда как обычный тип бумеранга восходит своими корнями к прайсторической Европе и Египту, а также другим районам мира.

Один из немногих предметов, который был в ходу у женщин всей Австралии и Тасмании,— это копалка — прямая, относительно тонкая, заостренная на одном конце палка из твердого дерева длиной в один метр и более. Ее острие закачивали: сначала высушивали, а потом обжигали в горячей золе. Копалкой обычно подрывали корни ямса и выкапывали из земли медовых муравьев, но женщины в своей повседневной работе пользовались ею и для других целей.

Нулла-нулла, или боевая палица, большей частью употреблялась женщинами и реже — мужчинами. Она была намного короче и толще копалки и не походила на нее. В Австралии и Тасмании — это широко распространенное оружие.

Универсальным оружием мужчин было метательное копье. Существенная разница между ударным и метательным копьем состояла в том, что центр тяжести первого лежал обычно на заднем конце оружия, в то время как у второго он должен был приходиться на переднюю часть, чтобы копье не вращалось в полете и не меняло из-за этого направления. Ударное копье делалось из прямой тонкой ветви любого дерева, у которой заострялся тонкий конец; для изготовления метательного ко-

пья заострялся толстый конец ветви, что требовало более высоких эмпирических навыков, чем изготовление ударного копья.

Копьеметалка считается таким же «типично австралийским» орудием, как и бумеранг. Но и это мнение ошибочно.

Копьеметалка, или *вумера*, устроена так: на конце длинного деревянного бруска прикрепляется крючок или, реже, выдалбливается углубление. Этот крючок должен заходить в зарубку на конце древка копья, или же сам конец древка входит в углубление копьеметалки. Перед броском копье располагают горизонтально, в состоянии равновесия, параллельно копьеметалке. При этом переднюю ее часть и древко копья придерживают пальцами правой руки. Затем копье отпускают, а копьеметалку быстро подают вперед. Таким образом, копьеметалка служит как бы продолжением руки.

Как и бумеранг, копьеметалка встречалась не по всей Австралии, а в Тасмании и вовсе отсутствовала. Формы ее были различны в отдельных частях континента. Так, в Центральной Австралии она напоминала плоский деревянный сосуд или корыто и выполняла, следовательно, двойную функцию.

Копьеметалка — это техническое достижение, которое пришло в Австралию довольно поздно; ее находили и в других частях света. Странствуя от одной стоянки к другой или во время охоты, мужчины несли оружие — копья, копьеметалки и бумеранги, а их жены — большую часть имущества семьи, а также маленьких детей. Мужчины шли всегда впереди, выслеживая дичь, в то время как женщины и дети следовали за ними на почтительном расстоянии. Домашняя утварь женщин — миски, сделанные из дерева, коры или из широких твердых листьев деревьев тропических лесов Квинсленда. В этих мисках женщины переносили овощи или собранные ими другие пищевые продукты, а иногда использовали их как люльки для своих младенцев. Кроме копалки и плоских мисок женщины несли сумки — *дилли*. Сумка была небольшого размера, плели ее из веревок, свитых из растительных волокон, или сшивали из коры. В такой сумке переносили все необходимое. Женщины держали там каменный нож, а также многочисленные личные «драгоценности» — возможно,

кость умершего родственника или высушенную в пчелином воске препарированную пуповину своего последнего ребенка. Мужчина тоже нес маленький мешочек, в котором находилось все самое ценное: например, кремь или роговик, от которого он, если это требовалось, отбивал пластины для изготовления каменных орудий, или кусок кварца — необходимая принадлежность знахаря или шамана.

Аборигены большей частью употребляли каменные орудия для производства деревянных инструментов. Для добывания и обработки пищи тоже применялись каменные орудия, такие, как топоры, жернова, ножи, скребла, наконечники копий.

Что касается каменных топоров, то они не были распространены по всей Австралии и, например, на юго-западе страны, по-видимому, вообще не применялись, хотя на северном побережье Австралии нашли каменные топоры (которые употреблялись, видимо, на рукоятях) в отложениях, датировемых 22 тыс. лет до н. э. Удивительно, что эти древние североавстралийские топоры были отшлифованы. Прежде считалось незыблемой истиной, что процесс шлифовки камня возник лишь в эпоху неолита. Данные, полученные в Австралии, опровергают эту точку зрения.

Для помола злаков и других собираемых женщинами продуктов питания нужны были жернова. В качестве верхнего жернова зачастую применялась средней величины галька, которую женщина могла легко переносить с одной стоянки на другую, в то время как нижним жерновом служили обломки скал. В последнем чаще всего образовывалось углубление — след работы многих поколений женщин. Археологи считают, что найденные ими каменные орудия можно разделить на определенные типы, предполагая, что каждый тип орудия имел свое конкретное назначение. Этнографы же считают, что такое деление не всегда обоснованно и одно орудие могло применяться в нескольких целях. Например, жернов мог служить и молотом и наковальней при производстве других каменных орудий. Другой столь же типичный пример — австралийские копьеметалки, которые употреблялись и как блюда, в особенности для мяса. Кроме того, если на противоположном крючку конце копьеметалки прикрепить с помощью смолы каменное

долото *тула*, то это оружие можно применять и как орудие труда. Таким образом, копьеметалка имеет несколько функций.

Но все же мы можем более или менее достоверно определить, для каждой цели (или каких целей) употреблялся тот или иной тип каменного орудия, которым за последние 200 лет пользовались аборигены. Это не относится лишь к орудиям, известным только по археологическим находкам. Нет никаких свидетельств того, как применялось так называемое лошадиное копыто. Мы не можем сказать, употреблялось ли оно⁹ непосредственно в процессе собирания и обработки пищи или для изготовления других орудий или же было нуклеусом (ядрищем).

Традиционная одежда аборигенов — небольшая набедренная повязка. Впрочем, во многих частях Австралии и ее не носили, и аборигены обоего пола ходили нагиими.

При том образе жизни, который вели аборигены, у них не было необходимости в постоянных и прочных жилищах. В зависимости от времени года эти люди возвращались на ту же самую лагерную стоянку; поэтому можно считать некоторые из них наполовину постоянными, поскольку в них жили два сезона или больше. Теплый климат позволял аборигенам многих областей Австралии большую часть года спать под открытым небом, разводя небольшие костры, которые горели всю ночь. Нависающие над головой скалы, входы в пещеры, также в зависимости от времени года, служили для устройства жилищ, о чем свидетельствуют скопления здесь отбросов, имеющие иной раз тысячелетнюю давность.

При нормальных условиях существования аборигены находили для себя достаточно пищи. Однако часто не обращают внимания на то, что она отличалась большим разнообразием. В табл. 2 приведены сопоставимые данные о пяти основных категориях продуктов питания, которые были доступны жителям береговой полосы и пустынных областей. Процентное выражение позволяет делать сопоставления, но абсолютные цифры, относящиеся к племени диери, вероятно, неточны.

Жиры, как правило, в пище аборигенов отсутствовали. Дикие животные почти не имеют жира, поэтому

**Количество категорий пищевых продуктов,
потребляемых аборигенами Грут-Айленда и диери
(по Уорсли и Гэсону)**

Пищевые продукты	Грут-Айленд		Диери	
	число категорий	%	число категорий	%
Животные, обитающие на суше (включая репти- лий)	25	8	40	33
Птицы (включая водопла- вающих)	75	24	55	45
Пресноводные, морские животные и рыбы . .	97	31	3	2
Панцирные (крабы, мол- люски и т. д.) .	37	13	2	2
Растительная пища	75	24	22	18
В с е г о	309	100	122	100

аборигены считали его деликатесом. Кроме жиров не доставало и сахара. Неизвестно, были ли распространены по всей стране наркотики, но в Центральной Австралии жевали *питури* (*Duboisia Hopwoodii*) и некоторые виды никотиновых растений.

Австралия имела широкую сеть пересекающихся путей обмена, и *питури* был важным его предметом. В обществе аборигенов еще не сложилось сословие людей, занятых торговлей, и обмен продуктами между группами находился в руках определенных категорий родственников. В существовавших условиях у аборигенов Австралии не получило развития общественное разделение труда. Единственным важным разделением труда было биологическое, по полу и возрасту, которое существовало еще до того, как человек развился в *Homo sapiens*.

Половое разделение труда заключалось в том, что женщины не только добывали продукты питания, но и вынашивали детей и в первые годы их жизни несли за них почти всю ответственность. Эту двойную ответст-

венность женщины легче всего могли нести при совместной работе, что создавало экономическую основу для многоженства, обычного в австралийских и тасманийских семьях.

Возрастное разделение труда было особенно отчетливо выражено у мужчин. Оно было основано на знании местности и повадок животных, на которых охотились аборигены. Требовался немалый опыт для того, чтобы стать хорошим охотником.

Такой же многолетний опыт был необходим для эффективной организации распределения продуктов между членами общества. Это было особенно важно, даже жизненно необходимо в критические периоды засухи или при других стихийных бедствиях.

Мужское население делилось на три возрастные группы:

1 — Мальчики до девяти лет.

2 — Мужчины от 20 до 30 лет, постоянно производящие продукцию, которым еще необходимо было усваивать знания.

3 — Взрослые, опытные мужчины, производящие продукцию и поддерживающие семью, а также контролирующие мужчин второй группы.

Разделение труда не только обусловило необходимость совместной экономической деятельности, но и породило реальные экономические противоречия, которые проявились в идеологии, в общественной надстройке.

Аборигены различали в основном две формы собственности: личную и общественную. Орудия производства — копье мужчины и копалка женщины — обычно каждый производил для себя сам. Это было личное имущество, которое могло быть передано другому. Но земля, важнейшее средство производства, всегда была общественным достоянием. Точнее, одна группа аборигенов обладала правом на эту землю и на использование ее продуктов. Однако это право она не могла передавать другим локальным группам, хотя аборигену из другой группы могло быть разрешено охотиться на чужой территории, заниматься собирательством или использовать ее как-либо иначе. Несмотря на такое ограничение, все же можно в данном случае говорить об общественной собственности и в землевладении.

5. Локальные группы, совместные хозяйственные группы и их взаимодействие

Группу, владеющую землей, мы называем здесь «локальной». Обычно она состояла из 30—60 членов: мужчин, женщин и детей. 10—15 таких локальных групп образовывали «племя», или объединение локальных групп, которые поддерживали между собой тесные социальные и экономические контакты и говорили на сходных языках или общепонятном коммуналекте. Локальные группы, как правило, имели собственное имя, которое у упомянутого выше «племени» обычно отсутствовало.

В нормальных условиях пользование землей передавалось по наследству по мужской линии, в частности на основе господствовавшей здесь патрилокальности (или вирилокальности, т. е. мужской локальности), при которой женщина, выходя замуж, переходила в локальную группу мужа. Такая патрилокальность была вполне естественна, так как способствовала наиболее эффективному использованию территории.

Девочки примерно с девяти лет жили у своего первого мужа (их последующие мужья обычно принадлежали к той же локальной группе, что и первый муж). Поскольку до этого времени они еще не участвовали в производстве, их переход был незначительной потерей для группы. Мужчина, напротив, женился много позднее и был счастлив, если к 30 годам получал жену. Хотя мужчина в этом возрасте (благодаря инициации) уже имел представление о территории локальной группы своей будущей жены, лучше всего он знал все же территорию собственной локальной группы; и он в значительной степени утратил бы эти познания, если бы перешел на территорию своей жены.

Локальная группа представляла собой политическую единицу, во главе которой стоял неофициальный совет старейшин. Этот совет регулировал взаимоотношения внутри локальной группы и принимал решения об использовании своей территории. Одна из основных функций совета — представлять группу в ее контактах с другими локальными группами по таким сложным проблемам, как брак и инициация.

Число членов локальной группы определялось эконо-

Женщины несут воду в деревянных сосудах

логическими факторами. Эффективное политическое руководство предполагало, чтобы старейшины регулярно собирались вместе или встречались друг с другом. В слишком большой локальной группе политическое руководство оказалось бы неэффективным, такой группе грозил бы распад.

10—15 локальных групп составляли «племя», которое, напротив, не являлось политической единицей и не имело централизованного руководства. В этом отношении оно коренным образом отличается от таких известных «племен», как, например, ирокезы Северной Америки. Размеры австралийского «племени» определялись не политическими соображениями, а другими — материальными — факторами. Локальные же группы, которые его составляли, вступали между собой преимущественно в экономические и социальные контакты. Поэтому они говорили на общем языке или на сходном диалекте. Величина локальной группы и племени зависела, наконец, от коммуникационных возможностей.

Другой экономической единицей австралийских аборигенов была «foraging group» — большая хозяйственная группа, которая жила совместно, чтобы заниматься охотой и собирательством. Число членов такой группы варьировалось. В среднем она охватывала от 20 до 40 мужчин, женщин и детей. Однако отдельная семья, состоящая из мужчины, жены (жен) и детей, могла самостоятельно образовать такую группу. В то же время, при наличии достаточного питания, совместно могли проживать сотни аборигенов несколько недель или даже месяцев. В этот период проводились обряды инициаций и другие ритуалы.

Информация о величине групп, сообща ведущих хозяйство, более надежна по сравнению со сведениями об их составе в соответствии с принадлежностью к локальной группе. Это объясняется тем, что исследователи и другие люди, которые вступали в контакт с аборигенами, не всегда были в состоянии задать вопрос, к какой локальной группе относятся семьи, сообща ведущие хозяйство. Этнограф, который мог поставить такой вопрос, зачастую имел дело с аборигенами, у которых первобытная организация была частично или полностью разрушена. Поэтому ответы не обязательно отражают ту ситуацию, которая складывалась на стадии первобытно-общинных отношений.

Взгляды этнографов могут не опираться на полевые исследования, поскольку речь идет большей частью о выводах, основывающихся на теоретических предположениях. У этнографов-немарксистов существуют две различные концепции по этому поводу. Консервативные этнографы старшего поколения считают, что мужчины группы, сообща ведущей хозяйство, происходят из локальной группы, на территории которой они живут. Дети принадлежат к этой локальной группе, в то время как женщины приходят из других. Это значит, что мужчины живут и охотятся только на территории своей локальной группы. Молодые, либеральные буржуазные этнографы, напротив, доказывают, что мужчины группы, сообща ведущей хозяйство, не обязательно принадлежат к той локальной группе, на территории которой проживают. Они могут обитать и охотиться и на территории других групп.

Марксистская точка зрения ближе ко второму

предположению, однако стремится объяснить его с материалистических позиций.

Речь идет о двух противоположных взглядах на одну и ту же проблему — буржуазном и марксистском. Буржуазная этнография исходит из концепции, согласно которой человек — индивидуалист и автоматически претендует на собственность. Но ей нелегко отрицать наличие общественной собственности на землю у аборигенов, ибо для этого имеется слишком много объективных данных. Однако некоторые буржуазные этнографы утверждают, что у аборигенов существовала частная земельная собственность, а большинство исследователей пришло к выводу, что группа, которая владеет землей, монополизировала ее. Поэтому лишь те, кто пользуется землей и ее продуктами, являются ее владельцами.

Марксистская теория познания исходит из того, что человек по своей природе не индивидуалист, а существо общественное. Это положение находит подтверждение в косвенных данных о формировании групп, сообща ведущих хозяйство.

Обычно аборигены имели пищу в избытке. Но засухи ставили их в тяжелые условия, когда пищи не хватало для удовлетворения их жизненных потребностей. В такие времена приходилось более рационально расходовать средства, чтобы свести к минимуму потери человеческих жизней. Это вынуждало локальные группы к сотрудничеству.

Территория одной локальной группы в то или иное время года давала различные пищевые продукты. Возможно, что во всех 10 или 15 локальных группах, составлявших «племя», добывались продукты, одинаковые по качеству. Что же касается их количества, то это зависело от территории, на которой обитала та или иная группа. А они отличались друг от друга. Так, на территории одной локальной группы могло быть много кенгуру, но очень мало корней ямса и водяных лилий. У другой локальной группы могла оказаться совершенно иная картина: много ямса и лилий, но сравнительно мало кенгуру. Соответственно различен был и ущерб, наносимый засухой земле и получаемым с нее продуктам на территории каждой локальной группы. Можно предположить, что 14 из 15 локальных групп вследствие засухи теряли так много продуктов питания (и воды), что аборигены,

которые оказались на территории каждой из этих 14 локальных групп, умирали от голода или жажды, в то время как территория 15-й локальной группы могла обеспечить пищей много больше людей, чем в своей локальной группе. Поэтому было жизненно необходимо, чтобы локальные группы, добывая пищу, действовали совместно, если хотели справиться с подобной ситуацией. Хотя большинство мужчин, живущих на территории отдельной локальной группы, вероятно, принадлежали к этой группе, существовала, однако, прочная взаимосвязь между локальными группами, например, практиковались регулярные посещения друг друга. Взаимосвязь и сотрудничество усиливались кооперацией браков и обрядов инициации. Оба института еще недавно носили ярко выраженный экономический характер.

Хотя разделение аборигенов по локальным группам не было идентично разделению труда, сотрудничество и взаимопомощь различных локальных групп были все же обычным явлением. Поэтому возникавшие между ними противоречия находили свое отражение в общественной надстройке и в идеологии. Так, смерть аборигена никогда не рассматривалась как следствие естественных причин, а приписывалась воздействию «черной магии» со стороны члена другой локальной группы.

6. Полигинно-геронтократический брак

Институт брака возник с целью предоставить подрастающему поколению в самые ранние годы его жизни наиболее эффективную защиту. Эйльманн писал о том, что во внутренних областях и, возможно, также на северном побережье мужчины до 25 лет остаются неженатыми или имеют партнерш по браку, которые по возрасту могут быть их бабушками. В то же время старики, наиболее влиятельные в сообществе, имеют многочисленных жен, среди которых нередки и старухи и девочки-подростки.

Подобные сообщения поступали из всех частей континента. Можно обоснованно предположить, что такая форма брака была распространена по всей Австралии и Тасмании. Ее охарактеризовали как полигинно-геронтократический брак. Определение «геронтократический»,

предполагающее господство старых мужчин, не точно, но за отсутствием лучшего признано наиболее приемлемым. Этот брак называется геронтократическим потому, что старые мужчины женились на девушках и молодых женщинах. И он был полигинным, потому что для него характерно также многоженство.

Объяснения подобных брачных обычаев, которые дают буржуазные этнографы, очень просты и четко отражают их идеологию. С точки зрения таких этнографов, вполне естественно, что те, кто имеет власть, монополизируют свои преимущества за счет других лиц. Именно так и действовали старики, которые осуществляли власть, устанавливая монополию на девушек и женщин в ущерб другим.

Марксист же ищет материалистическое объяснение брачных обычаев аборигенов. Результаты полевых исследований автора в 1938 и 1941 гг. говорят о том, что действовал определенный объективный закон, а именно: независимо от воли аборигенов в их среде действует полигинно-геронтократический брак, который характерен для Австралии. У женщин, например, существовала тенденция независимо от возраста выходить замуж за 42-летних мужчин, причем особенно ясно была выражена эта тенденция у 24-летних женщин. Возникает вопрос: почему за 42-летних и почему у 24-летних? Существовал обычай, при котором девочка еще до своего рождения была обещана 30-летнему или даже более взрослому мужчине. Это было делом соответствующих локальных групп и зависело от существовавших между ними отношений, хотя близкие родственники девочки также играли при этом известную роль.

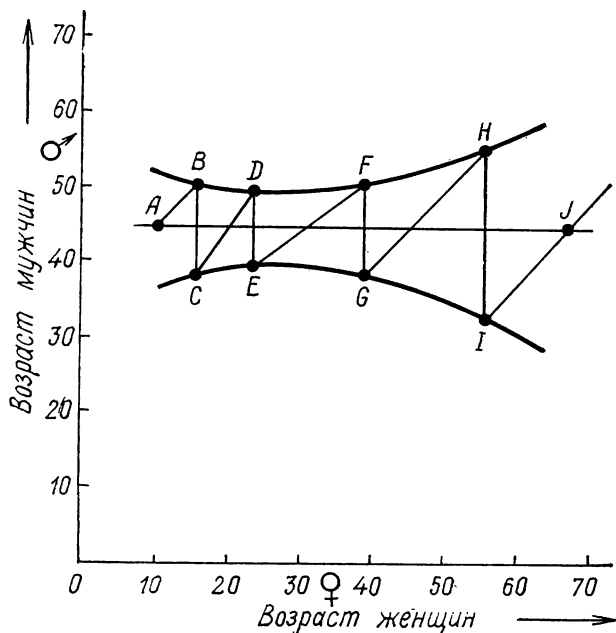
Когда девочке исполняется девять лет, она приходит к своему первому мужу и живет с ним. Около 14 лет, в первый или во второй год половой зрелости, она рождает первого ребенка. Затем она продолжает регулярно рожать и воспитывать детей — в чем и состоит у аборигенов предназначение женщины.

Примерно в 24-летнем возрасте женщина сталкивается с некоторыми новыми факторами. Если ее первый ребенок жив, то ему уже девять лет. Если это девочка, то она переходит в этом возрасте к своему первому мужу, если мальчик, то его отнимают от матери для подготовки к обрядам инициации. В обоих случаях мать уже те-

рист ответственность за ребенка. Правда, женщина продолжает рожать, но промежутки между родами возрастают, поскольку способность к деторождению у нее падает. 24-летняя женщина при нормальных условиях наиболее способна к рождению детей.

Мужчина к 42 годам находится на высшей ступени своей продуктивной и организационной деятельности и может поэтому наилучшим образом обеспечивать семью. Демографические данные говорят о том, что в 1941 г. на Грут-Айленде все женщины от 19 до 27 лет жили в условиях многоженства. Следовательно, у 24-летних женщин не только достигает своей высшей точки тенденция жить с 42-летними мужчинами, но также и желание жить в одной семье с другими женами, разделяя с ними груз забот о детях.

Демографические данные по Грут-Айленду относятся к обществу, живущему на стадии первобытных отношений. Приведенный выше закон в основном соответствует тому, что писал Эйльманн о браках аборигенов. Начиная с 1960 г. были опубликованы работы, подтверждающие характер брачных отношений у аборигенов на примерах других частей континента. Одна из самых характерных особенностей этого брака заключается, в частности, в том, что возраст мужчины в среднем не поднимался по сравнению с возрастом женщины. Поэтому признаку брачные отношения аборигенов резко отличались от подобных отношений в других обществах, и особенно в «цивилизованном» мире. У австралийских аборигенов 18-летние девушки вступали в брак главным образом с 42-летними мужчинами. То же самое можно сказать о 25-летних женщинах и даже женщинах в возрасте от 45 до 65 лет. Это не означало, что жена (или жены) покидала своего мужа, едва ему исполнилось 43 года, чтобы уйти к другому, 42-летнему мужчине, но тенденция такова, что женщина здесь выходит замуж за 42-летнего, и эта тенденция всего сильнее выражена у 24-летних женщин. На деле существуют, конечно, значительные различия в возрасте супругов, и эта разница в большей степени сказывается в отношении старых женщин. Так, случается, что 65-летняя женщина вступает в брак с мужчиной, который ненамного старше ее, или — как сообщает Эйльманн — даже с молодым человеком в возрасте 25 лет.

Соотношение возрастов мужчин и замужних женщин

В обществе аборигенов женщина с девяти лет до самой смерти состоит в браке. В связи с этим брачные законы имеют и другой аспект, заключающийся в том, что женщина до климакса имеет в среднем четырех мужей, не говоря уж о временных или тайных связях. Точно так же мужчина преклонного возраста имеет не менее четырех жен.

Возрастная структура, равно как и динамика семей аборигенов и их браков, представлена на диаграмме. По горизонтальной оси диаграммы отложен возраст женщин, по вертикальной — мужчин. Линия AJ отмечает 42-летний возраст мужчины. Обе симметрично расходящиеся кривые составляют квадратный корень отклонений (плюс или минус) зрелого возраста мужчины в 42 года от различных возрастных ступеней женщин.

Обращает на себя внимание, что квадратный корень основных отклонений достигает минимума в пять лет

(плюс или минус) для женщины в возрасте около 24 лет.

Нормальную последовательность браков одной женщины показывает линия ABCDEFGHI. Тенденция к перемене мужей наиболее сильно проявляется у молодых женщин.

Часто сообщалось, что аборигены не понимали связи между половым сношением и рождением детей. Они считали, что душа ребенка приходит из тотемического центра незадолго до первого его движения в чреве матери и что роль полового сношения заключается в том, чтобы «открыть» женщину для входа души ребенка.

Вопрос, понимали ли аборигены или нет связь между половым сношением и рождением ребенка, оживленно дискутируется. Некоторые этнографы утверждают, что вера в душу ребенка как источник появления младенца может рассматриваться лишь как своего рода теологическая догма наряду со знанием о фактическом акте воспроизведения себе подобных. Параллелью могло бы служить христианское учение о рождении Иисуса от девственницы.

Впрочем, соображение о том, что аборигены в недалеком прошлом не знали связи между половым сношением и рождением ребенка, кажется обоснованным. В Северной Австралии, на побережье и в хинтерланде аборигены знали о связи полового сношения с деторождением, вероятно, вследствие контактов с индонезийцами, посещавшими Австралию. Деторождаемость и плодородие природы — главная тема австралийских обрядов — связана здесь не только с женским, но и с мужским элементом. Напротив, в Южной Австралии основную роль играет женский элемент.

Там, где аборигены не были знакомы с проблемой воспроизведения себе подобных, по их представлениям, женщина за свою жизнь должна родить много детей, но мужчина при этом не играет никакой роли. Брак и семья были тем не менее устойчивыми институтами, покоящимися на существенных материально-экономических соображениях.

Сообщения о многоженстве и геронтократии у тасманийских аборигенов в количественном и качественном отношении менее надежны, чем соответствующие данные об аборигенах Австралийского континента. Тасма-

нийский брак, согласно сообщениям европейцев, бывал и полигамным и моногамным, для него была характерна даже полиандрия. При этом необходимо критически осмысливать эти сообщения с учетом того времени, когда они составлялись. В первобытных условиях тасманийцы жили в многоженстве; им свойственна была также геронтократия.

Молодые мужчины от 15—16 до 30 лет оставались, согласно традиционным австралийским брачным отношениям, без жены. Более взрослые мужчины находились, правда, в расцвете своей производственной и организаторской активности, но прошли уже максимум своих физических и сексуальных возможностей. Следовательно, экономическая необходимость предназначать женщин более старым мужчинам находилась в резком противоречии с положением, когда численно преобладающие и сексуально активные молодые люди оставались холостяками. Между женщинами и молодыми людьми возникали тайные внебрачные отношения. При этом молодые люди вступали в конфликт со стариками, так как обряды инициации находились в руках старших мужчин.

7. Связь между оптимальным использованием природных ресурсов и браками аборигенов, а также обрядами инициации

Другая характерная черта брачных отношений аборигенов заключалась в том, что они являлись предпосылкой для оптимального использования природных ресурсов — способствовали упрочению связей между локальными группами. Чтобы лучше понять эту связь, обозначим ее как «дипломатическую». Если бы локальные группы в период засухи ограничивались использованием лишь своих скудных природных ресурсов, то, пожалуй, все их члены умерли бы от голода или жажды. Таким образом, оптимальное использование природных ресурсов локальных групп зависело от степени их совместной работы. Оно могло отчасти достигаться за счет той роли, которую играла экзогамия в отношениях между локальными группами — универсальный феномен в Австралии и Тасмании. Согласно закону экзогамии,

мужчина должен был жениться на женщине из другой локальной группы.

Как только женщина была обещана мужчине, он, его другие жены и их дети имели право охотиться и заниматься собирательством на территории локальной группы обещанной ему женщины и своей собственной группы. Если мужчина брал нескольких жен из разных локальных групп, он получал право на использование земель этих групп. Такой охотник имел большой авторитет в обществе, поскольку он был связующим звеном между различными локальными группами.

Мужчина имел, кроме того, право жить и охотиться на территории локальной группы своей матери. Если он хотел заниматься этим на территории локальных групп, с которыми он не имел «дипломатических» контактов, то он должен был получить «приглашение».

Значение экзогамии проявлялось еще и в том, что брак внутри локальной группы мог караться смертью. Какому мужчине будет обещана девушка, зависело от тех «дипломатических» отношений, которых уже придерживалась ее локальная группа, или от тех, которые эта группа хотела бы иметь в будущем. От этого зависело, к какому из двух или трех претендентов на нее пойдет девушка.

Для аборигенов брак не был подчинен таким этнографическим понятиям, как геронтократия, экзогамия, полигамия и тому подобные, которые обычно к ним «привязывают». Напротив, аборигены смотрели на брак как на выражение «дипломатических» связей локальных групп, с помощью которого создаются, во-первых, оптимальные условия для воспитания детей и, во-вторых, наилучшим образом используются природные ресурсы.

Кооперация между локальными группами служила предпосылкой для проведения обрядов инициации юношей. Продолжались эти обряды много лет. Начинались они со времени достижения юношей половой зрелости и продолжались до 20-летнего возраста включительно. Лишь после завершения инициации мужчина мог вступить в брак и иметь семью.

Два аспекта инициации типичны для всей Австралии. Это, во-первых, воспитание дисциплины у юношей и, во-вторых, обучение молодых старыми мужчинами. Хо-

Старые мужчины из племени каитиджи

тя отдельные стадии инициации значительно варьировали на континенте, в их проведении было много общего, например некоторые виды испытания юношей на мужество — выбивание зубов, выщипывание волос на половых органах, обрезание, нанесение рубцов на теле и т. д. Другой общий для всего континента признак — совместные действия локальных групп по проведению обрядов инициации. Ответственные за инициацию старейшины не входили в локальную группу посвящаемых юношей, а всегда принадлежали к другой группе. Старейшина, выступавший в качестве опекуна иницируемого, иногда принадлежал к локальной группе его матери. Если юноша, прошедший инициацию, женился на двоюродной сестре со стороны матери⁵ (это был наиболее распространенный тип брака), то локальная группа матери оказывалась и локальной группой его будущей жены.

Зачастую опекун принадлежал к группе, из которой иницируемый предполагал взять жену. На острове Грут-Айленд в качестве опекуна часто выступал муж сестры юноши. Поэтому локальная группа опекуна предоставляла иницируемому жену, и юноша часто являлся братом жены опекуна. После обрезания, в возрасте

девяти лет, юноша постоянно жил вместе со своим опекуном, от которого получал наставления, касающиеся различных мужских обязанностей. Опекун заставлял его соблюдать строжайшую дисциплину. Когда юноше исполнилось примерно 19 лет, он освобождался от «юношеского рабства»; при этом опекун символически ранил его в грудь — так появлялся первый рубец. Это означало вместе с тем и конец первого периода инициации.

В этот период опекун прививал посвящаемому охотничьи навыки. Такое обучение основывалось, с одной стороны, на известных правилах, а с другой — на личном опыте опекуна. Практика осуществлялась главным образом на территории локальной группы опекуна и частично локальной группы иницируемого (т. е. локальной группы жены опекуна, к которой также принадлежал юноша). Хотя посвящаемый символически становился свободным, однако опекун продолжал нести определенную ответственность за прохождение им последующих обрядов инициации.

Пример этот показывает совместную деятельность локальных групп во время обрядов инициации. Ясно, что локальная группа, дав, наконец, мужчине жену, должна была взять на себя ответственность и за его обучение в период инициации. Кооперация при проведении обрядов инициации приносила также и материальную выгоду обоим локальным группам. В период посвящения иницируемого знакомили с мифами и обрядами его сообщества, которые он должен был выучить наизусть. Эти мифы являлись составным элементом идеологии общества. Одновременно юноша изучал многое, что было ему необходимо в практической жизни. Мифы о странствованиях различных тотемических героев помогали ему не только узнавать о местонахождении важнейших источников воды, но и о том, как герои-тотемы изготавливали свои копья, и многое другое. Подобное обучение содержало очень высокую степень абстракции. Имеются сообщения и об инициациях девушек, например о дефлорации и ритуальной сегрегации в первом менструальном периоде. Однако по сравнению с усложненными и продолжительными инициациями мужчин они не имели все же большого значения.

Девушка, перейдя к первому мужу, набиралась опы-

та у старших жен, которые поучали и наставляли ее. В то же время она узнавала совсем немного из того, чему обучали мужчин во время инициации.

Брак и обряды инициации имели много общего в том, что касалось укрепления «дипломатических» отношений между локальными группами. Такие параллели наблюдались и в других случаях. Так, на Грут-Айленде не только женщины могли быть «помолвлены», предоставлены в качестве «подарка» своему новому мужу или «украдены», но и проходящие инициацию юноши могли быть «помолвлены», «подарены» или «украдены», что — как и в случае хищения женщин — могло кончиться жестокой борьбой.

Для аборигенов пол соответствующих лиц имел лишь второстепенное значение, важнее было укрепление отношений между локальными группами.

8. Классификационная система родства как выражение производственных отношений

Один из институтов, которые у австралийских аборигенов существовали точно так же, как и в других доклассовых обществах, получил наименование классификационной системы родства. Типичное «племя» у аборигенов состояло приблизительно из 500 мужчин, женщин и детей, причем все они знали друг друга. Каждый абориген вступал с другим аборигеном в особые отношения и давал ему определенное обозначение. Но для этого существовало 500 различных обозначений⁶. Эти отношения классифицировались по категориям, которые охватывали по 5, 10 или 50 аборигенов. К примеру, язык Грут-Айленда знал 16 подобных категорий, или так называемых терминов родства, которые делились на мужские и женские.

Общее этнографическое понятие этого феномена — система родства. И поскольку члены первобытных обществ классифицировались по различным категориям, эта система и получила название «классификационная система родства».

Очевидно, что в сообществе числом примерно 500 членов, внутри которого главным образом совершались браки, каждый его член связан кровным родством со

всеми остальными. В этом случае говорят о кровном родстве, а внутри такого сообщества аборигенов — о «системе кровного родства», которая является почти синонимом «классификационной системы родства». Логически можно сделать вывод, что любая категория или любой термин этой системы выражают особую форму кровного родства. Это соответствует нашему научному представлению о биологическом родстве и формирует наше представление о подобных небольших обществах аборигенов, которое выражается в терминах кровного родства. К примеру, известно, что в Австралии мужчина может чаще всего жениться на дочери дочери брата матери его матери, т. е. имеет место перекрестно-кузенный брак, который составляет определенное понятие в классификационной системе языка аборигенов. Это сложное понятие можно было бы просто обозначить словом «жена». Брачный союз с женщиной, которая не является дочерью дочери брата матери его матери, хотя мы называем ее «женой», является «исключением». Далее можно предположить, что «классификационная система родства» определяет, кто с кем должен вступить в брак.

Образ мышления аборигенов отличается от нашего. В условиях первобытного общества аборигены не могли понять связи между половым сношением и рождением детей. Поэтому наша концепция кровного родства им совершенно чужда.

Если так называемая классификационная система родства не категоризирует определенное кровное родство, то справедливо задать вопрос: что, собственно, лежит в ее основе?

Хотя «классификационная система родства» тесно переплетена со всей общественной жизнью аборигенов, в центре ее находится брак, вернее, семья. Поэтому мы и рассматриваем брак и его связь с этой системой. Не улавливая связи между половым сношением и рождением детей, аборигены рассматривали женщину как существо, способное постоянно на протяжении всей своей жизни рожать. Мужчина для них не играл в этом никакой биологической роли. Для них было само собой разумеющимся и не имело существенного значения, что мужчина, живущий с женщиной, имел с ней половые сношения. Брачные отношения для аборигенов носили не биологический, а экономический характер. И именно

объединение мужа с женой (женами), т. е. семья, представлялось им наиболее эффективным сообществом для того, чтобы кормить и защищать детей и жену (жен).

Выше уже отмечалось, что существовала тесная связь между браком аборигенов, возрастной структурой и оптимальным использованием природных ресурсов. Классификационные термины «муж» и «жена» (как и другие термины системы) как раз и выражают эту тесную связь. Иначе говоря, эти термины отражают определенные производственные отношения. Понятие «классификационная система родства» вообще не имело для аборигенов биологического значения, а представляло собой формулировку совокупности производственных отношений.

Справедливо задать вопрос: можно ли классификационную систему родства какого-либо племени сформулировать биологически и даже изобразить в виде диаграммы? Но подобные биологические формулировки и диаграммы в лучшем случае приблизительно отображают действительность. Кроме того, они маскируют сущность так называемой классификационной системы родства и законы ее развития.

В действительности каждый брак определяется рядом случайностей, например возрастом мужчины и женщины или тем, имел ли мужчина вторую жену, а также отношениями между локальными группами мужчины и женщины и т. д. Несмотря на эти случайности, отдельные браки выражали историческую необходимость брачных отношений в целом. Ф. Энгельс писал в своем известном письме к Иозефу Блоху от 21 сентября 1890 г.: «...история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, *бессознательно* и *безвольно*. Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто

такое, чего никто не хотел. Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно природному процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения»⁷.

«Закон движения» браков аборигенов есть, в сущности, вовсе не биологический процесс, а выражение кооперации и связи между локальными группами. Эта кооперация и эта связь безусловно необходимы и являются предпосылкой для сохранения общества аборигенов.

Хотя мы по мере возможности и не касались подробностей, стало очевидно, что дискуссия о классификационной системе родства неизбежно поднимает принципиальные философские вопросы, ибо именно в этой области происходит ожесточенная полемика между марксистами с их теорией исторического материализма и различными буржуазными этнографическими школами. Если бы классификационная система родства была решающей в вопросах брака аборигенов, это означало бы чистейший идеализм. Эта система выражает особенности мыслительного процесса, присущие аборигенам. В то же время брак, или семья, является особой формой производственных отношений.

9. Религиозные представления аборигенов

Каждый, кто жил среди австралийских аборигенов, находящихся на стадии первобытных отношений, удивлялся точности их знаний окружающей среды — растений, животных, их распространения, их признаков и особенностей поведения. В известном смысле такое понимание природы отображало происходящие в ней перемены: регулярное чередование лета, осени, зимы и весны. Аборигены всегда точно представляли себе, какие пригодные в пищу растения и каких животных они могут найти в то или иное время года. Однако эти знания носили статичный характер: после того как они однажды получили их от старших, субъективно уже не было места для накопления новых знаний.

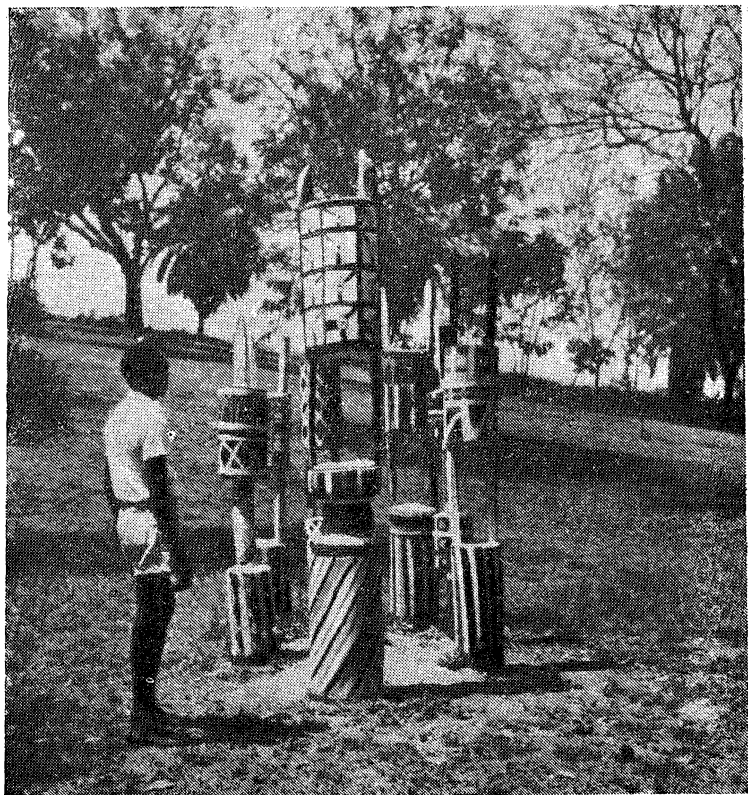
В этом и заключалось основное различие между их и нашей теорией познания. В то время как наши знания постоянно находятся в процессе развития и расши-

рения, у аборигенов они, напротив, остаются неизменными и устойчивыми. Они считали себя слитыми со своей землей и с природой и не имели никакого представления о прогрессивных изменениях.

Поскольку аборигены отождествляли себя с природой, они приписывали ее явлениям, ее животному миру человеческие свойства. Абориген видел окружающий мир статичным, неизменным; он представлял себе, что этот мир был создан давным-давно подобными существами. Для аборигенов с их уровнем знаний такое объяснение мира было логичным и рациональным. Подобного рода религиозные представления принимали форму мифов, передаваемых из поколения в поколение. Многие в этих мифах было фантастическим, но одновременно они включали в себя и объективные знания об окружающем мире, и практический опыт многих поколений.

Странствования, подвиги и приключения мифических существ — полулюдей-полуживотных — часто были темой песен, сопровождавших различные обряды.

Историю творения и другие мифы, в которых действуют полулюди-полужвери, аборигены относят к тому времени, которое в каждом языке обозначалось по-разному, но имело одинаковое значение. У аборигенов оно называется Временем сновидений и уходит в очень далекое прошлое. Однако некоторые мифы в действительности возникли сравнительно недавно, лишь несколько десятилетий назад. В непосредственной связи с концепцией Времени сновидений стоял тотемизм. Тотемом мог быть любой предмет или какой-либо природный феномен. Обычно речь шла об одушевленном предмете, реже — о неодушевленном, например о камне. Чаще это был зверь, реже — растение. Для тотема характерно, что какая-либо личность или — как это обычно в Австралии — группа лиц находятся в определенном отношении к нему. Это находит свое выражение в системе родства: индивидуум или группа лиц имеют определенные права и обязанности по отношению к своему тотему. Так как аборигены идентифицировали себя с природной средой, то включение определенных предметов в качестве тотемов в классификационную систему родства было для них совсем нетрудным делом. Обычно тотем обозначался классификационным термином, который мы переводим как «отец» или «старший брат».

Погребальные столбы племени тиви,
служащие для обряда пукамуни

Представление аборигенов о беременности женщин согласовывалось с их пониманием живой природы. У аборигенов господствовала вера, что в определенных источниках воды обитают души детей, готовых войти в тело женщины. Когда становилась очевидной беременность женщины, она и ее муж решали, из какого «хранилища» детских душ прибыл ребенок. Большею частью это место ассоциировалось с определенным тотемом, который младенец и приобретал. Если ребенок умирал (что случалось довольно часто), то душа его возвраща-

лась в «хранилище», чтобы ждать там ту же или другую женщину.

Выше уже говорилось о том, что религия австралийских аборигенов была тотемистической. В определенном отношении это соответствует действительности, но религиозные представления аборигенов все же содержали и многие другие элементы, хотя тотемизм был несомненно самым устойчивым из них, в той мере, в какой речь идет о наиболее ранней форме — групповом тотемизме.

Формы религиозных представлений сильно варьировали в различных частях континента. Тот, кто изучает этот аспект жизни аборигенов, постоянно сталкивается с тем явлением, что все сообщения о религии аборигенов, независимо от того, поступают ли они от скотова, который рассказывает об обрядах размножения, практикуемых на его участке, или же от миссионера, который в течение нескольких лет жил среди аборигенов, или от этнографа, честно описавшего все, что он увидел и услышал, неизбежно окрашены субъективным взглядом самого наблюдателя.

О некоторых вещах умалчивали, возможно, из моральных побуждений или же потому, что эти представления оказывались настолько чуждыми, что их просто не могли понять. Помимо этого, сообщения очевидцев передавались в выражениях, принятых в христианской религии того времени. Подобное несовершенство сведений было особенно ясно выражено в сообщениях ранних наблюдателей по Южной и Восточной Австралии. И они, несомненно, способствовали еще большему преувеличению и без того больших различий в религиозных представлениях аборигенов Юго-Восточной и Северной Австралии.

Следующий фактор, который необходимо принять во внимание при оценке сообщений о религиозных представлениях аборигенов, это то, что многие из них считались секретными, доступными лишь мужчинам, прошедшим полную инициацию; остальные не должны были видеть, да даже и знать о существовании многих обрядов и предметов культа. Поэтому можно предположить, что большая часть сведений, особенно полученных от ранних наблюдателей, неполна.

Несмотря на самые различные формы религиозных представлений и обрядов, их общей чертой была необ-

ходимость поддерживать стабильность в природе и обществе и оберегать деторождаемость людей и плодородие природы. Это отчетливо прослеживается в сообщениях А. П. Элькина о рисунках Вонджина из Западной Австралии и их значении. Элькин, сначала миссионер, а затем этнограф, был, вероятно, наиболее опытным исследователем в этой области.

Рисунки Вонджина впервые обнаружены в 1838 г. Они находились на выступах скал и на стенах пещер. В ряде случаев изображены лишь головы, которые не имеют ни ртов, ни ушей. Голову украшает своеобразный «нимб». У Вонджина имеется туловище мужчины или, чаще, женщины.

А. Элькин писал об этом: «Первоначальный смысл Вонджина состоит в том, что он обладает силой вызывать дождь или воплощает силу, заключенную в дожде. Если окрасить голову Вонджина заново, пойдет дождь. Самое подходящее время для такой ретуши — это наступление периода дождей (лета)... Если в галерее каждой орды (т. е. локальной группы) изображение Вонджина будет окрашено заново, это вызовет дождь... С этим значением силы, приносящей дождь, связано соединение Вонджина с Унгуд, Радугой-Змеей... Унгуд вызывает рисунок с давно прошедшим периодом творения (Временем сновидений). Обновление рисунка женской Вонджина приносит многодетность, ибо Радуга-Змея Унгуд творит зародыши младенцев и во время дождя приносит их к водоему. Мужчина племени унгариньин находит своего ребенка у воды. Это может произойти во время дождя... „Унгуд“ обозначает также „родину души“ человека; это и место (связанное с водой), где аборигена нашел когда-то его отец...

Рисунки Вонджина имеют и другую функцию. Изображения Вонджина в галереях вместе с животными и растениями должны вести к размножению нарисованных видов. Можно сказать, что там, где идет дождь, будут процветать и животные и растения. Представления аборигенов кажутся нам мистическими, хотя, я думаю, они сознавали, что животные и растения нуждаются в дожде.

Можно сделать вывод, что функции рисунков Вонджина заключались в том, чтобы обеспечить регулярность обильных дождей, нормальное размножение съе-

добных животных и растений, а также достаточное количество душ детей. Задача человека состояла в том, чтобы восстанавливать изображения головы и украшений Вонджина, а при случае, возможно, окрасить их заново, а также нарисовать желательные для себя предметы на стенах галерей Вонджина. Значение и эффективность таких рисунков связаны с тем, что они — „Унгуд“, т. е. относятся к давно прошедшим временам „творения“ Продолжить это время — необходимое условие для достижения благоденствия в настоящем... Можно, пожалуй, воспринимать Вонджина как регенеративную и воспроизводящую силу природы и человека, силу, которая особенно связана с дождем...»

Акцент на плодородие человека и природы в религиозных представлениях и верованиях аборигенов ясно отражает заботы, возникающие в связи с этой проблемой в реальной жизни, стремление поддержать устойчивость своего существования, с помощью религии избежать засухи и других стихийных бедствий. Итак, можно констатировать, что активность аборигенов в религиозной сфере являлась идеологическим отражением того способа производства, который требовал весьма практических средств и методов в повседневной борьбе за существование.

1. Ранние контакты с неевропейцами

Еще до того времени, когда европейцы прибыли в Австралию, несомненно, уже существовали контакты между Папуа — Новой Гвинеей и аборигенами северной части полуострова Кейп-Йорк. Об этом говорит явное культурное воздействие на аборигенов, которое, во всяком случае, не смогло привести к изменению их охотничье-собирательско-рыболовного хозяйства и даже физического типа. Наряду с контактами с живущими еще на стадии первобытного общества папуасами аборигены Северной Австралии, на территории от залива Карпентария до Кимберли на западе, за много столетий до прибытия европейцев испытывали влияния пришельцев из Азии. Об этом недвусмысленно свидетельствует, например, обнаруженная в 1879 г. и датированная XIV в. статуя бога Чжоу Лао из нефрита, ушедшая на четыре фута под землю между корнями чуждого для Австралии баньянового дерева. Были ли эти ранние азиатские пришельцы из Китая или из Индонезии, пока неясно.

Этнографический материал об аборигенах Арнемленда говорит о том, что еще до индонезийцев (макасаров) эту территорию посещали так называемые баджини. Эти люди решительно отличались от поздних макасаров, хотя они, как и последние, занимались сбором трепангов (морских огурцов), которые в большом количестве встречались в мелководье у берегов Арнемленда. Высушенные и засоленные трепанги считаются деликатесом и используются для приготовления супов, в особенности

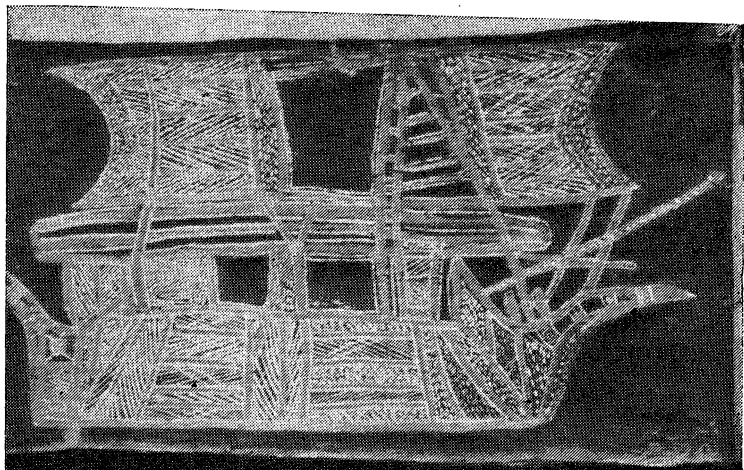

Рисунок на коре (о. Грут-Айленд), изображающий прау — судно макасаров

в Китае. На китайский рынок трепанги попадали по торговым путям через такие перевалочные пункты, как Тимор, Лаут, Кепанг, Макасар и др. Даже к началу второй мировой войны в Северной Австралии еще собирали трепангов для Кантона.

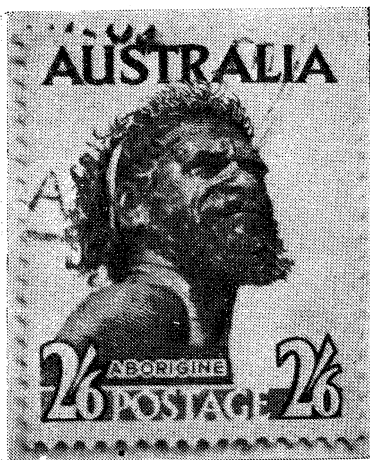
Баджини уже имели прогрессивную технологию: они владели ручными ткацкими станками, умели возделывать землю и возводили на своих стоянках в Северной Австралии дома. Они ежегодно посещали северные берега Австралии, как впоследствии и макасары: плыли туда с северо-западным муссоном и возвращались с юго-восточным пассатом. Аборигены приводят два интересных свидетельства о баджини: во-первых, они привозили с собой жен, а во-вторых, имели светлую кожу. Возможно, эти люди были китайцами по происхождению, хотя торговлей трепангами занимались обычно не китайцы. По другой версии, баджини — это баяны, или морские цыгане, т. е. бродячие малайские рыбаки, которые встречались в восточной части Малайского архипелага.

Письменная историческая традиция, рассказывающая о действиях макасаров (малайцев) в североавстра-

лийских водах, восходит к 1768 г., хотя, возможно, их появление здесь относится уже к началу XVI столетия.

Макасары проводили на северном берегу Австралии около полугода. Каждое их судно (Флиндерс в 1803 г. встретил флот из 60 судов) имело на борту от 20 до 25 человек. Экспедиции за трепангами оказывали какое-то влияние на образ жизни аборигенов, ибо макасары не только установили с ними контакты, но даже предоставляли им работу. Аборигены ныряли для макасаров за трепангами, коптили и солили их, ловили рыбу, строили коптильни, рубили деревья и рыли колодцы. Население Арнемленда тем самым намного раньше, чем другие группы австралийских аборигенов, вступило в стадию хозяйственной активности, резко отличающейся от их традиционного хозяйства на основе прямых форм присвоения посредством охоты и собирательства. А ведь эта территория была интегрирована капиталистическим хозяйством европейцев одной из последних.

Взаимоотношения малайцев с аборигенами носили патриархальный характер. Малайцы, как сообщали аборигены, преподносили старейшим и наиболее влиятельным туземцам подарки и оставляли большое количество пищевых продуктов. Помимо этого, между аборигенами и пришельцами велась значительная «торговля», или обмен на продовольствие и одежду таких натуральных продуктов, как раковины, рыба, трепанги, перламутр и другие предметы собирательской деятельности аборигенов. При подобных отношениях аборигены сохраняли положение независимых производителей: они продавали продукты, а не рабочую силу, как было в тех случаях, когда они работали на макасаров. Аборигены заготавливали продукты и в отсутствие малайцев, сохраняя их до возвращения последних в следующем году. В хозяйстве аборигенов в значительном количестве появились такие новые предметы, как металлические инструменты, керамика и лодки-однодеревки. Помимо этого прямого экономического воздействия контакты с макасарами имели и другие последствия для аборигенов. Их картина мира стала более полной. Этому содействовали не только контакты с малайскими мореходами, но и тот опыт, который они накопили непосредственно в Индонезии. Многие аборигены нанимались на суда пришельцев и попадали таким образом на долгое время на Су-

Почтовая марка с изображением аборигена Центральной Австралии

лавеси, острова Ару, Тимор, Лаут и в другие части Малайского архипелага. Во время этих путешествий они узнавали о других группах аборигенов, проживавших на берегу Арнемленда. При этом они все больше осознавали свое единство как жителей Австралии в противоположность малайцам.

Контакты с макасарями, осуществлявшиеся на протяжении многих столетий, могли бы привести к глубокой этнической консолидации аборигенов северного побережья

Австралии и даже явиться стимулом для качественных сдвигов в их хозяйстве. Но этого не произошло. Хотя появление лодки-однодеревки означало достижение более высокого уровня в эксплуатации рыбных ресурсов побережья, производственные отношения аборигенов Арнемленда (в том виде, как мы наблюдаем их в XX в.) в целом не особенно отличаются от производственных отношений тех аборигенов, которые не вступали в контакт с макасарами. Как свидетельствует разнообразие языков, на которых говорят аборигены Северной Австралии, не наблюдается никакой значительной этнической консолидации, хотя многие малайские слова вошли в словарь местных языков. В то же время макасарское влияние сказалось на религиозных обычаях аборигенов и на их искусстве. Траурные церемонии, магия, важнейшие религиозные обряды (дьянггавул и гунабиби) — все это подверглось заметному макасарскому влиянию. Фактически большая часть наших сведений о связях аборигенов с макасарами и все наши знания о баджини покоятся на песенных циклах, которые были связаны с религиозными церемониями. Одним из важнейших следствий контактов с макасарами было развитие в искусстве аборигенов Арнемленда объемной

скульптуры, ранее неизвестной в Австралии, за исключением северной части полуострова Кейп-Йорк, которая находилась под влиянием соседней Новой Гвинеи.

Таким образом, можно сделать вывод, что как в экономическом базисе, так и в общественной надстройке и идеологии постоянное воздействие макасаров, продолжавшееся в течение столетий, имело на североавстралийских аборигенов скорее формальное влияние и не привело к существенным изменениям.

2. Контакты с европейцами до 1788 г.

В противоположность макасарскому периоду контакты с европейцами и европейская колонизация оказали на аборигенов более значительное воздействие и имели для них более драматические последствия.

Народы Иберийского полуострова уже в начале XVI в. вторглись в Тихий океан с намерением занять Молуккские острова. Голландцы в конце XVI в. основали поселение на Яве и приступили к изгнанию оттуда португальцев и испанцев. Монополия на пряности и конкуренция между европейскими державами в районе Северной Австралии были прямым следствием событий, развернувшихся в Европе и на Ближнем Востоке, а также той борьбы, которой сопровождалась смена позднего феодализма торговым капитализмом. А открытие Австралии европейцами вполне можно рассматривать как «побочное» следствие событий, разыгравшихся на островах, лежавших севернее.

Хотя существуют некоторые основания для подтверждения той точки зрения, что португальцы уже раньше посещали Австралию, первый подлинный контакт между европейцами и аборигенами был установлен голландцем Виллемом Янцем (Янсзоном), который в ноябре 1605 г. на парусном судне «Дейфкен» отплыл в поисках золота из Бантама, чтобы исследовать южное побережье Новой Гвинеи. Он достиг Торрессова пролива, но не зашел в него, а направился вдоль западного берега полуострова Кейп-Йорк до мыса Турнагаин. Увидев там «диких, свирепых черных варваров» и потеряв убитыми девять матросов из экипажа «Дейфкена», Янц вернулся обратно в Бантам. «Черные» австралийцы сумели таким

образом успешно отстоять свою землю от первых белых пришельцев, которые оказались у их берегов.

Примерно девять месяцев спустя испанский мореплаватель Луис де Торрес проплыл через пролив, отделяющий Австралию от Новой Гвинеи, который и сегодня носит его имя, хотя он, по-видимому, Австралии и не видел.

Новая глава в истории контактов между европейцами и аборигенами началась с перемещения морского торгового пути на Яву. Этот путь, которым сначала пользовались португальцы, а потом унаследовали голландцы, шел мимо мыса Доброй Надежды, вдоль восточного побережья Африки через Аравийское море в Индию, а затем, обходя индийское побережье, в Ост-Индию. В 1611 г. голландский капитан Хендрик Броувер решил открыть новый путь. Вместо того чтобы обогнуть африканское побережье, он направился восточнее, к Индийскому океану, преодолел 6400 км и повернул к северу. Оказалось, что новый путь сократил плавание примерно на десять месяцев. А это неизбежно привело к открытию западного берега Австралии (в 1616 г. Дёрком Хартогом). Берег был нанесен на карту, и европейцы вступили в контакт с аборигенами.

В 1623 г. Ян Карстенс отправился в море на «Арнеме» и «Пера», чтобы завершить открытие земель, обнаруженных в 1606 г. Янцем. Он имел задание захватить в плен нескольких туземцев, что и попытался сделать. «Показывая им куски железа и жемчужные ожерелья, мы удерживали туземцев на берегу до тех пор, пока не подошли поближе; затем капитан схватил того из них, который выронил свое оружие; в то же время штурман набросил на шею туземцу петлю и поволок его на корабль. Остальные чернокожие попытались освободить своего собрата и напали на нас, неистово размахивая копьями. Чтобы защитить себя, мы стали в них стрелять». Карстенс жаловался потом, что чернокожие повсюду принимали их как врагов.

В 1642 г. Абель Янзон Тасман начал свое достопамятное путешествие по приказу генерал-губернатора Нидерландской Ост-Индии Антона Ван Димена, который прибыл туда, спасаясь от кредиторов под чужим именем. Кроме того, что Тасман имел звание капитана, почти ничто не говорило в его пользу. Он был гру-

бым, жестоким человеком. Даже нидерландское общество того времени — о высоких моральных качествах которого не приходится и говорить — не сочло Тасмана достойным должности церковного старосты, которой он домогался в преклонные годы. Под командованием Тасмана находилось два корабля, «Хеемскерк» и «Зехан»; груженные шелком, льном, шерстяными одеялами, железом и другими товарами, предназначенными для торговли с аборигенами. Голландская Ост-Индская компания стремилась к тому, чтобы путешествие способствовало благу и укреплению святой церкви, обращению в веру многочисленных язычников, а также росту прибылей пайщиков компании и завоеванию доверия к снарядившей экспедицию стране.

24 ноября они увидели берега Тасмании, которой Тасман дал имя «Земля Ван Димена». Участники экспедиции сошли на берег, чтобы запастись водой. Они обнаружили следы пребывания местных жителей, которых ни разу не увидели, но сочли за великанов; это были полутораметровой высоты ступеньки, вырубленные по стволам деревьев для того, чтобы влезать на них.

В 1688 и 1699 гг. английский пират Уильям Дампир посетил западное побережье Австралии (Новой Голландии). Не питая никаких симпатий к этой стране и ее обитателям, как и голландцы до него, он рассказывал потом об аборигенах как о самом жалком народе в мире. «Годмадоды (мифическая раса), — сообщал он, — также были жалким народом, но их можно посчитать джентльменами по сравнению с туземцами, так как последние не имеют домов и одежды из коры, овец, пти-

Аборигенка

цы, корнеплодов, страусовых яиц и всего того, чем располагали годмадоды. Несмотря на человеческий облик, они мало чем отличаются от животных. Все они высокого роста и худы... У них большие головы, покатые лбы и густые брови. Их веки всегда полуприкрыты, чтобы оберегать глаза от мух... У них большие, утолщенные носы, красные полные губы и широкие рты. Два передних зуба верхней челюсти отсутствуют у всех — мужчин и женщин, молодых и стариков... Лица удлиненные и выглядят очень неприятно... Они не носят никакого платья. Лишь кусок древесной коры, обернутой вокруг талии в виде пояса, да пучок длинной травы или маленькие, покрытые зелеными листьями ветки, загнутые за пояс, прикрывают их наготу».

Во время своего второго посещения континента Дампир попытался взять в плен аборигена. И так же как до него Карстенс, застрелил туземца в порядке «самозащиты».

После экспедиции Дампира Австралия и ее обитатели почти на три четверти столетия были забыты. Голландцы потеряли интерес к континенту, а англичане проявляли к нему лишь легкое любопытство. Только во второй половине XVIII столетия начались запланированные экспедиции с целью географических открытий и научных исследований, не имевшие в виду какой-либо непосредственной выгоды. Однако соперничество европейских держав, возглавляемых Англией и Францией, вскоре переместилось на Тихий океан, и Австралия попала в круг их интересов.

3. Джемс Кук исследует восточное побережье Австралии

В 1768 г. британское правительство отправило на Таити переоборудованный «угольщик» «Индевр» с экипажем для наблюдения орбиты Венеры. Командовать судном было поручено Джемсу Куку. Помимо астрономических наблюдений Кук должен был отправиться на юг в поисках так называемого Южного континента, причем каждую землю, которую ему удастся открыть, он обязан был передать во владение правительства ее величества.

После успешного выполнения задания на Таити Кук отплыл на юг и достиг $40^{\circ} 12'$ южной широты, где надеялся увидеть пресловутый Южный континент. Затем он высадился на побережье Новой Зеландии и составил карту острова. В дальнейшем Кук отплыл в западном направлении и 20 апреля 1770 г. достиг восточного берега Австралии. В заливе Ботани-Бей он более чем на неделю встал на якорь. Но установить здесь какие-либо отношения с аборигенами оказалось невозможным. Они держались в отдалении, показывая, что присутствие белых им совершенно нежелательно.

Однако Кук нашел все-таки случай установить контакт с аборигенами. В устье р. Индевр, близ которого расположен теперь Куктаун, корабль Кука сел на мель на коралловый риф, и его пришлось вытащить для ремонта на берег. Здесь Кук пробыл с середины июня до 6 августа 1770 г. За это время аборигены стали вести себя более дружелюбно, хотя некоторые из них чуть было не сожгли палатку, когда им не отдали черепаху, которую поймал англичанин. Они «подожгли траву около нашего судна и, не обратив внимания на знаки, которые мы подавали, продолжали распространять огонь, пока капитан не стал стрелять в туземцев, ранив некоторых из них. Тогда они отступили, но примерно через два часа появились вновь, без оружия, показывая, что пришли как добрые друзья». Кук считал, что аборигенов «отнюдь нельзя назвать неприятными».

О том, сколь мало было в то время значение Австралии для Англии, можно судить по тому, что Кук во время своей второй и третьей экспедиции в Тихом океане ни разу не посетил снова Австралийский континент, хотя много раз бывал в Новой Зеландии.

По сравнению со своими предшественниками и многими своими последователями Кук держался по отношению к аборигенам довольно дружелюбно. Но, как мы узнаем далее, по мнению аборигенов, именно он несет ответственность за несчастья, которые постигли их впоследствии. Если иметь в виду, что британское правительство на исследованном Куком восточном берегу Австралии организовало колонию преступников, мнение аборигенов о Куке становится понятным.

1. Новый Южный Уэльс — колония преступников

Для понимания того, каковы были последствия британского заселения для аборигенов, необходимо ознакомиться с некоторыми предшествующими событиями и господствовавшими в тот период в Великобритании социальными отношениями.

В середине XVIII в. мануфактурный капитализм был не в состоянии более удовлетворять находившиеся в его распоряжении постоянно расширяющиеся рынки. Это сделало необходимым последовательное введение механизации в производство товарной продукции, что послужило прологом промышленной революции в Англии.

Происходило не только перемещение индустриального производства с юга в Северную и Центральную Англию, где находились необходимые для новых технических процессов источники энергии, но наблюдались и радикальные перемены в сельской местности. Концентрация больших масс населения в новых индустриальных центрах вызвала необходимость более интенсивного использования земли для обеспечения городского населения продуктами. Это обусловило введение новых научно обоснованных методов сельскохозяйственного производства, которые, со своей стороны, требовали необходимых инвестиций капитала. В дальнейшем техническая революция привела к социальной, которая видоизменила всю структуру сельской Англии. Общинные земли были ликвидированы; мелкие собственники разорялись и пополняли ряды растущей армии пролетариата.

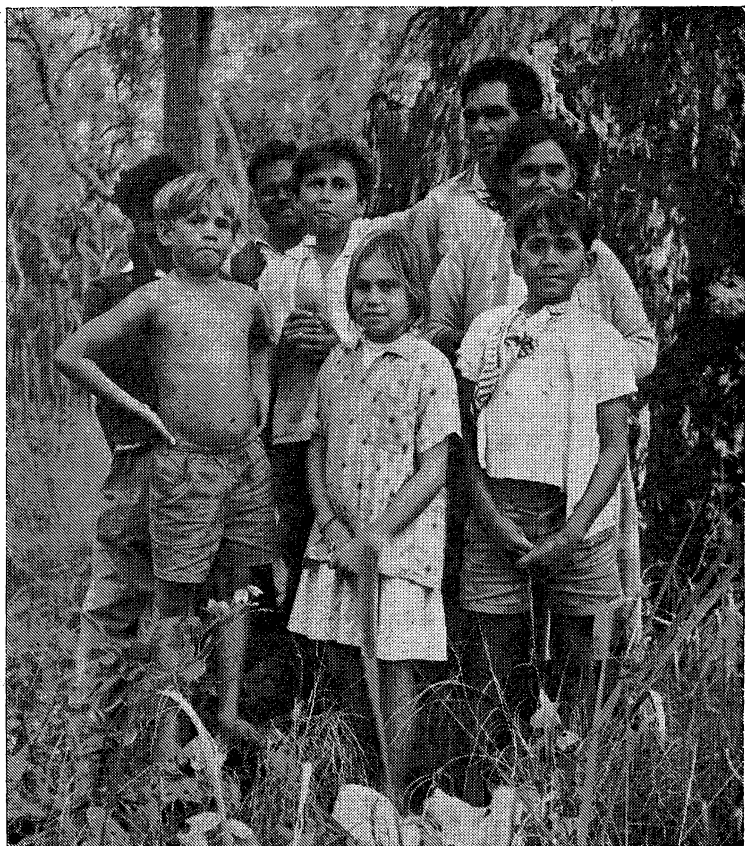
Частная собственность стала теперь священной, и для ее защиты были приняты законы, строго карающие

посягательства на нее. Смертной казни могли подвергнуть за такие преступления, как воровство в лавке товаров ценой более пяти шиллингов, кражу овцы и т. п., а за менее тяжелые преступления грозила пожизненная ссылка.

К началу XVIII в. многим преступникам смертную казнь заменяли ссылкой в американские колонии, куда их вывозили на кораблях.

В результате битвы под Квебеком (1759 г.) Великобритания вытеснила своего главного соперника — Францию из Северной Америки, а в результате Парижского мира она достигла в Европе вершины своего могущества и престижа. Двадцатью годами позже 13 североамериканских колоний завоевали свободу и провозгласили независимость. Так были блокированы «пункты выгрузки» многочисленных ссыльных из Англии. В результате колонии преступников в метрополии вскоре оказались переполненными. Пришедшие в негодность суда на Темзе использовали для размещения «избыточных» заключенных, которых некуда было девать. Контролировать их стало невозможно. После неудачных попыток ссылать заключенных в Западную Африку было принято решение основать колонию преступников в Новом Южном Уэльсе.

«Первый флот» достиг Сиднея в 1788 г. Всего из Англии прибыло около 1000 человек, из которых более 700 были заключенными (в том числе около 200 женщин). За 80 лет, т. е. вплоть до 1868 г., когда депортация ссыльных была наконец отменена и число свободных поселенцев стало превосходить число заключенных, в Австралию было выслано более 160 тыс. преступников. Тогда белое население составляло около 1 млн. человек. По нашим сегодняшним меркам многие, если даже не большинство сосланных в Австралию, не были преступниками. Однако все они и до и после прибытия в Австралию подвергались таким унижениям и жестокому обращению, что в австралийской колонии уровень человеческих и общественных отношений упал чрезвычайно низко. Самым обычным делом считалось здесь бесчеловечное наказание в сотню ударов плетью за ничтожный проступок. И если мы сегодня с ужасом читаем о том, что пограничные суды за одну убитую аборигеном овцу расстреливали его на месте, то следует знать, что

Метисы из Яраба (Кэрнс, Квинсленд)

за подобное «преступление» точно так же наказывали и в метрополии.

Одно из королевских предписаний губернатору Нового Южного Уэльса Филлипу касалось взаимоотношений с аборигенами. В нем говорилось: «Вы должны стремиться всеми возможными средствами устанавливать отношения с туземцами, склонять их симпатии на свою сторону, приказывая всем нашим подданным (т. е. преступникам и тем, кто их охраняет) жить с ними в дружбе и относиться к ним доброжелательно; если же

кто-либо из наших подданных преднамеренно разрушит что-либо у них или без нужды воспрепятствует различным занятиям, то, по нашей воле и к нашему удовлетворению, вы должны наказать нарушителей порядка соответственно степени их поступка».

Далее губернатору было приказано «силой заставлять следовать должным предписаниям религии» как «наших подданных», так и аборигенов. По сути дела, это была инструкция о христианизации «язычников». Хотя в первоначальных инструкциях Филлипу указывалось на необходимость соблюдать различие между «нашими подданными» и «туземцами», аборигены, тем не менее, рассматривались как британские подданные, обладающие полными правами и защитой закона. По меньшей мере теоретически это было так в первые десятилетия колонизации. При губернаторе Дарлинге (1825—1831), по прошествии около 30 лет, была получена инструкция «распространять религию и образование среди аборигенов»; при этом защищались их личность и «право свободного пользования имуществом».

Британское правительство стремилось к тому, чтобы поселение в Австралии смогло через два года само обеспечивать себя продуктами. То, что этого не произошло и что в связи с этим многие годы жители колонии стояли перед угрозой голодной смерти, в данном случае никого не интересовало. Что же касается аборигенов, то лишь те из них, кто жил в непосредственном соседстве с Сиднеем, соприкасались с колонистами. В соответствии с приказом губернатор Филлип старался применять полученные инструкции на деле. И когда в 1793 г. он вернулся в Англию, то взял с собой двух аборигенов, которых решил приобщить к британской «цивилизации».

Большинство преступников было осуждено на сроки от семи до четырнадцати лет; часть срока они отбыли уже в Англии. По инструкции британского правительства после освобождения преступников им полагалось предоставить для поселения небольшую собственность — 2 моргена земли. Очевидно, предполагалось создать в Новом Южном Уэльсе земельные общины по типу имевшихся в Англии, которые благодаря «сгонам» и «огораживаниям» быстро пришли в упадок. Такая политика была с самого начала утопической.

Для того чтобы свести издержки на управление и

общественные работы (например, на строительство дорог) к минимуму, население колонии разместили на небольшой территории, около 240 км в окружности, с центром в Сиднее, в то время как Новый Южный Уэльс простирался к западу до 135° восточной долготы⁸. Ко времени прибытия «первого флота» в пределах этих границ жило всего лишь около 1% австралийских аборигенов, численность которых оценивалась в 300 тыс.

За немногие годы здесь были переданы новым владельцам большие земельные участки, однако вопреки инструкции они предназначались не для бывших заключенных, а для свободных поселенцев и чиновников Нового Южного Уэльса, обогатившихся благодаря коррупции. А за пределами Австралии проявились другие неблагоприятные факторы, которые оказали еще более тяжелое воздействие на аборигенов.

2. Производство шерсти и влияние этого фактора на аборигенов

В 1815 г. Великобритания вышла победительницей из наполеоновских войн. Хотя за военный период цены на шерсть поднялись очень сильно, потребности новых прядильных фабрик Ланкашира и Йоркшира покрывались за счет местного сырья. Но после войны из Силезии и Испании стала поступать более тонкая шерсть, которая к тому же была дешевле, чем английская.

Однако еще до окончания войны оказался в состоянии поставлять тонкую шерсть Новый Южный Уэльс. Дешевая рабочая сила и земля, не обложенная налогом, способствовали тому, что эта шерсть могла успешно конкурировать с продукцией, произведенной на континенте.

В 1807 г. экспортировалось около 245 ф. шерсти, в 1821 г. экспорт достиг уже 175 400 ф., а в 1836 г. даже астрономической цифры — 3 693 241 ф. из Нового Южного Уэльса и 1 710 000 ф. из Земли Ван Димена (колонии, основанной в 1804 г.).

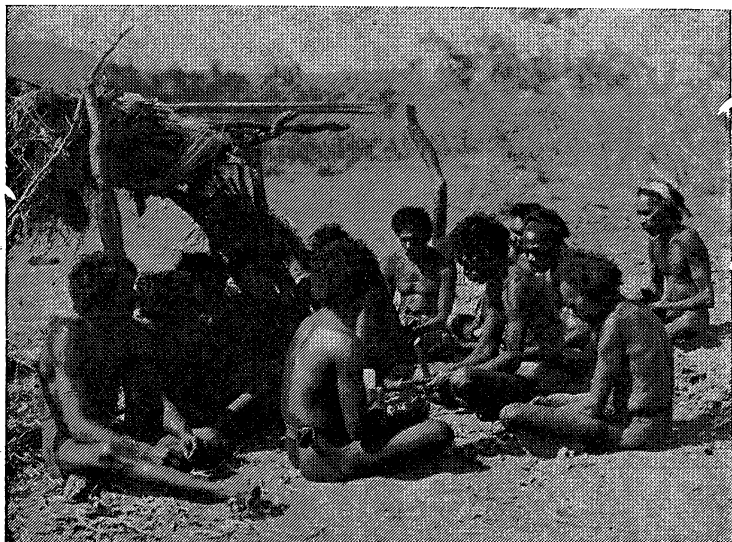
Поскольку в австралийских условиях для производства шерсти требовались все более обширные пастбища, границы поселения стали препятствовать развитию этой отрасли хозяйства. Даже в 1829 г. (при губернаторе

Дарлинге) эти границы официально еще существовали, хотя уже в 1813 г. барьер Блу-Маунтин к западу от Сиднея был преодолен и овцы вскоре продвинулись в направлении Вестерн-Плейнз. Преемник Дарлинга, Берк, уступив неизбежной необходимости, провозгласил, что каждый может, уплатив пошлину в размере 10 ф., «поселиться» на землях Короны за пределами «границ поселения». В 40-е годы XIX в. вся непосредственно доступная и пригодная для овцеводства земля не только в Новом Южном Уэльсе, но и на всем континенте была практически занята⁹.

«Оккупация» земель овечьими стадами имела катастрофические последствия для аборигенов. Вскоре началась борьба за пастбища между овцами и сумчатыми — главным источником мяса для аборигенов. Владельцы овечьих стад стремились путем уничтожения сумчатых завершить эту конкурентную борьбу за пастбища в свою пользу. Лишившись обычных источников мяса, аборигены начали убивать овец — «шерстяных кенгуру». Это побудило скотоводов предпринять меры против аборигенов. Поскольку владелец стад не всегда знал, кто именно из аборигенов убил его овцу, он мстил первому попавшемуся или первой же попавшейся ему группе аборигенов. Тогда и белых стали убивать на изолированных друг от друга фермах, что, в свою очередь, вызвало объединение соседей, проводивших карательные экспедиции, или, как их евфемистически называли, экспедиции умиротворения. От таких экспедиций было уже недалеко до «охоты за неграми», которую устраивали скотоводы, чтобы провести время. В качестве трофеев они демонстрировали уши убитых аборигенов — мужчин, женщин и детей.

Таким образом, аборигены были обречены на уничтожение, как только скотоводы со своими стадами овец начали оккупировать страну. Они рассматривали аборигенов как «вредителей», которые препятствуют им овладевать землей, и отстаивали свое незыблемое право уничтожать их. Когда им не удавалось подстрелить местных жителей, последних приманивали мукой, смешанной с мышьяком, и уничтожали их таким способом.

Правительства наблюдали за этой трагедией уничтожения народа. С прискорбием и в исполненных благочестия словах они сожалели об этих событиях, но равным

Мужской лагерь (племя вогаит)

счетом ничего не предпринимали для спасения аборигенов. Лишь очень редко убийцы представляли перед судом, как, например, во время так называемого убийства в Майэлл-Крик в 1838 г. Эта кровавая бойня — лишь одно событие в целом ряду подобных убийств — была обычной мерой, предпринятой против совершенно безобидных людей. 28 человек были выведены из дома одного дружелюбно настроенного скотовода; их связали и убили в буше. 11 белых мужчин, обвиненных в убийстве, были оправданы судом. Генеральный прокурор, несомненно учитывая резко отрицательную реакцию британской палаты общин, был вынужден дать отчет о подобных кровавых бойнях, учиненных за последние месяцы, и обвинил семерых подсудимых в убийстве ребенка. Они были признаны виновными и казнены. Данный случай представляет интерес, потому что он явился едва ли не единственным, когда белых за убийство аборигенов привлекли к ответственности, а также по той реакции, которую вызвал у прессы. Сиднейская «Геральд» непосредственно перед процессом доказыва-

ла в передовой статье, что аборигены не имеют права на землю: «Эта обширная земля была их общей собственностью, они не обрабатывали ее, и их собственность, их право — это не более чем право эму или кенгуру. Они не трудились на этой земле, а только на труде основано право на земельную собственность. Где — спросим мы — найдется человек, который, обладая разумом, будет утверждать, что весь этот большой континент предназначен творцом для того, чтобы оставаться бесплодной пустыней?.. Англичане приняли эту землю в свое владение, и они это сделали с полным правом, с разрешения бога, который поручил людям населять и обрабатывать землю. В этом мы видим обоснование права на господство, которое британская Корона, или — вернее сказать — британский народ, осуществляет над континентом Новая Голландия».

Более столетия спустя, в 1971 г., правительство Великобритании вновь утверждало, что аборигены не имели права на землю.

Выше уже было сказано, что аборигены были полны решимости защищать свою землю при первых же столкновениях с европейскими пришельцами в начале XVII в. Однако при их слабо развитой социальной организации политическое руководство не выходило за рамки локальной группы, насчитывавшей от 30 до 60 мужчин, женщин и детей. Поэтому они не имели никаких предпосылок — как, например, маори в Новой Зеландии — для активной защиты своей земли. У них не было ничего, что могло бы сравниться с ружьями и высокой социальной организацией белых. Таким образом, исход неравной борьбы был предрешен. Даже в так называемой битве при Пиннару (Западная Австралия) в 1834 г., в которой было вырезано около 25 аборигенов, участвовали, вероятно, лишь члены одной совместно ведущей хозяйства группы.

О том, с какой быстротой конфликт с колонистами ведет к катастрофическим потерям местного населения, свидетельствует пример тасманийских аборигенов. Этот факт, по существу, печально знаменит тем, что напоминает о первом в современной истории геноциде, доведенном до самой последней грани. В 1804 г., когда было основано поселение преступников на острове, тасманийцев насчитывалось 2500. В 1832 г. — меньше чем через

30 лет после того, как были установлены первые контакты — последние 200 тасманийцев были окружены, захвачены в плен и переселены на один из островов в Басовом проливе. Занавес трагедии упал окончательно в 1876 г., когда умерла последняя тасманийка — Труганини.

Долгое время считалось, что Австралийский континент не «место для женщин», во всяком случае не для белых женщин. Поэтому скотоводы и те ссыльные, которые работали на них как пастухи, вступали в сношения с женщинами-аборигенками. В тех областях Южной Австралии, которые были колонизованы первыми, все еще встречаются потомки метисов. Они живут в резервациях, расположенных в предместьях больших городов, в антисанитарных условиях, без проточной воды и электрического освещения. Чистокровные же аборигены здесь почти полностью истреблены.

3. Значение животноводческого хозяйства для Северной Австралии

В 50-х годах XIX в. скотоводы закончили освоение пригодных для овец и крупного рогатого скота земель в Южной Австралии. Но оставались еще обширные неосвоенные пространства Северной и Центральной Австралии, которые и были предложены скотоводам для заселения (см. карту № 3). Эти области лежали большей частью в тропиках и отличались от южных колоний ярко выраженной сезонностью — дождями летом и засухами зимой. Климатические и другие условия оказались исключительно пригодными для содержания крупного рогатого скота, но менее благоприятными для разведения овец.

Эти области скотоводы ранее не занимали, во-первых, потому, что пастбища были недостаточно хорошо разведаны (см. карту № 1), и, во-вторых, потому, что они далеко отстояли от южных гаваней и рынков сбыта. В начале 70-х годов XIX в. несколько земельных площадей в Центральной Австралии были впервые использованы для разведения овец, но подлинное освоение площадей для животноводства началось в Северной Австралии в 80-е годы. Эксперименты, проведенные в

70-х годах, когда мясо на кораблях-рефрижераторах стали транспортировать в Европу, оказались успешными. Кроме того, открылась возможность организовать скотобойни на северном побережье. Всё это создало для скотоводов потенциальный рынок.

Вторая фаза колонизации скотоводами земель Австралии не оказала на аборигенов такого рокового воздействия, как ранняя оккупация Южной Австралии. Произошло это по следующим причинам. Во-первых, использование пастбищ, исходя из климатических условий, определялось не наличием свободной земли, а запасами воды во время засухи. Во-вторых, за последние 50 лет отношение к аборигенам изменилось. Убийство скота и при случае карательные мероприятия в форме резни еще имели место, но об истреблении аборигенов с целью захвата земель теперь никто уже не думал.

1. Федерация 1901 г. и ее влияние на аборигенов

Развитие империализма в конце XIX в. имело для Австралии последствия, которые непосредственно затрагивали интересы аборигенов. Таким было движение, в результате которого 1 января 1901 г. произошло объединение шести колоний, образовавших штаты в составе Австралийского Союза. Другим последствием было постепенное включение аборигенов в состав рабочего класса, в особенности в рамках скотоводческого хозяйства.

До 1901 г. австралийские колонии существовали независимо друг от друга, причем каждая из них имела право контролировать землю и аборигенов в пределах своих границ. Теперь же многое из того, на что ранее распространялись полномочия шести колоний, как-то: торговля и пошлины, оборона и международные отношения, было взято на себя вновь созданным центральным правительством. Однако бывшие колонии сохранили свой контроль над землей, и это право оставалось до 1901 г. у федеральных штатов, которые начали действовать вместо шести бывших колоний. Контроль за аборигенами был теснейшим образом связан с контролем над землей. Хотя в конце столетия в Австралии оставалось, по оценкам, менее чем 25% коренного населения и его рассматривали как «вымирающую расу», штаты твердо отстаивали свою привилегию контролировать аборигенов в пределах своих границ. Тенденция выделять аборигенов как особую категорию из числа остальных австралийцев нашла поэтому свое формальное выражение в основополагающем документе — конституции Австралийского Союза.

В хижине из гофрированного железа (Северная Австралия)

Уже в 1814 г. губернатор Маккуэри признал аборигенов потенциальным резервом рабочей силы, которая может сыграть полезную роль в формировании самых низших слоев населения. На практике политику по отношению к аборигенам диктовали скотоводы, но первоначально они были заинтересованы в земле и воде аборигенов, а не в их рабочей силе. Скотоводов вполне устраивали заключенные — дешевая рабочая сила, находившаяся в их распоряжении.

Однако во второй половине XIX в. положение постепенно изменилось, отчасти потому, что иссяк дешевый источник рабочей силы — заключенные, а частично в связи с тем, что скотопромышленники поняли: теперь для них этой рабочей силой являются оставшиеся в живых, потерявшие свою землю и вырванные из первобытного общества аборигены. Вовлечение аборигенов в скотоводство стало особенно типичным во второй фазе колонизации, которую проводили скотоводы в Северной

Австралии. Представление о том, что аборигены стали потенциальным и желательным источником рабочей силы, несомненно содействовало предотвращению политики их преднамеренного истребления в Северной Австралии.

Эта тенденция нашла свое отражение в новом типе законодательства и совершенно новой политике, направленной на «защиту» аборигенов. Первый такой закон — акт о защите аборигенов 1866 г. — был принят в Западной Австралии. В дальнейшем его заменили актом 1905 г. В Квинсленде подобный закон опубликовали в 1897 г., а в Южной Австралии — в 1911 г. В 1911 г. Северная Территория подпала под контроль правительства Австралийского Союза, а в 1918 г. приняла свое первое законодательство об аборигенах. Формально провозглашалась так называемая защита аборигенов, а на деле эти законы были изданы с целью контроля за ними в интересах белых предпринимателей, особенно в отдаленных северных и центральных частях континента.

Эти законы распространялись лишь на аборигенов и часть метисов. В расистской терминологии они, по сути дела, выражали то, что было принципиально обосновано в конституции федерации, а именно: абориген — это низшая форма развития человека, с весьма ограниченными правами и обязанностями.

Хотя эти законы были призваны защищать аборигенов, фактически они не выполняли своего назначения, напротив, коренные жители продолжали вымирать. Отныне они погибали не от пуля или мышьяка, а вследствие тех ужасающих условий, в которых жили и работали у скотоводов (реже — занимаясь добычей жемчуга или трудясь в горнодобывающей отрасли). Качество пищевых продуктов, которые они получали, — главным образом чая, сахара, муки — было очень низкое, а медицинское или даже просто гигиеническое обслуживание отсутствовало. В большей части Северной Австралии аборигены вплоть до второй мировой войны не получали денежного вознаграждения за свой труд — с ними рассчитывались натурой.

Скотоводы в своих узких интересах держали работающих у них аборигенов на минимальном пайке, чтобы не допустить их воспроизводства. Тут сыграли свою роль и христианские миссионеры Северной Австралии.

Далеко не все земли на севере (50% и менее) использовались под пастбища. В остальных областях до второй мировой войны аборигены придерживались, по крайней мере частично, традиционного образа жизни и хозяйства. Миссионеры, помимо того что занимались обращением аборигенов в христианство, должны были служить посредниками между ними и цивилизованным обществом. С этой целью миссии размещались на границе той области, в которой аборигены еще вели свой традиционный образ жизни и хозяйства. Такие зоны зачастую превращались в резерват, куда без специального разрешения белые не имели права заходить.

На практике имели место случаи, когда скотоводов-аборигенов, которые достигали пожилого возраста, заменяли более молодыми, завербованными миссионерами в резерватах. Однако в областях, где не было таких резервов рабочей силы, скотоводы возмущались тем, что аборигенов обрекали на вымирание. Так, в 1935 г. скотоводы северо-западного побережья Западной Австралии жаловались на это королевскому комиссару, который в тот период занимался проблемой аборигенов и их занятости. В то же время скотоводы отказались создать гуманные, достойные человека условия труда и установить приемлемую зарплату для аборигенов.

2. Основание Коммунистической партии Австралии и борьба аборигенов за свои права

В 1920 г. была основана Коммунистическая партия Австралии (КПА). Это был первый и самый значительный шаг, который сделал австралийский народ в формировании и практическом воплощении пролетарской политики по отношению к аборигенам. С самого начала своего существования КПА занималась проблемой аборигенов. Однако лишь 18 лет спустя появился первый документ, теоретически обосновавший политику партии в этой области.

Точка зрения членов КПА и других прогрессивных сил на положение аборигенов была сформулирована перед второй мировой войной и выразилась прежде всего в документе «Новый курс для аборигенов»

(«New Deal for the Aborigines»), написанном секретарем профсоюза металлистов, Председателем Центрального комитета КПА Т. Райтом и опубликованном в Сиднее в 1938 г. Райт опирался при этом в значительной степени на работы либерального ученого Д. Томсона и принял его точку зрения, согласно которой чистокровные аборигены, еще не вышедшие из стадии первобытных отношений, должны быть полностью изолированы в резервациях, и следует приложить все усилия, чтобы сохранить их традиционную экономическую и социальную организацию, их культурное и религиозное наследие. Наряду с этим тем чистокровным аборигенам, которые лишь частично сохраняют обычаи первобытного общества, следует предоставить возможность вернуться к их традиционному образу жизни. Слабость документа состояла в том, что он не предлагал никаких радикальных перемен, а лишь предусматривал мероприятия, направленные на смягчение бедственного положения аборигенов. Подобная ситуация рассматривалась как статическая, а не как находящаяся в процессе изменения и развития. Не принималась во внимание активная борьба самих аборигенов.

Несмотря на эти недостатки, «Новый курс для аборигенов» был важным документом, первой попыткой определить политику рабочего класса в отношении аборигенов.

Перед второй мировой войной КПА и рабочее движение еще не имели прямого контакта с аборигенами. Это объясняется тем, что организационные центры коммунистической партии и рабочего движения находились в важнейших городах восточного и южного побережья, т. е. отстояли на 1500 км или более от областей основной концентрации аборигенов в Центральной и Северной Австралии. Кроме отдельных метисов, которых случайно можно было увидеть на улицах Сиднея или Мельбурна, в то время подавляющее большинство членов коммунистической партии, возможно, не видели в лицо ни одного аборигена. Перед войной всякая связь между Южной и Северной Австралией была настолько затруднена, что никто из членов партии не появлялся ни на севере, ни в центре страны, чтобы исследовать положение аборигенов на месте. Из-за плохих дорог — а это были тогда единственные пути сообщения — боль-

лишество крупных скотоводческих хозяйств шесть дождливых летних месяцев в году были полностью отрезаны от внешнего мира. Поэтому Райт и вынужден был опираться на сообщения Томсона, хорошо знакомого с условиями жизни аборигенов в резервации Арнемленда и других областях Северной Австралии.

Нет ничего удивительного поэтому в том, что У. Станлер, который сам наблюдал аборигенов на севере, в 1939 г. пришел к выводу: «Интересы благосостояния (аборигенов.— Ф. Р.) не поддерживаются народными массами... никогда австралийский пролетариат не выражал каких-нибудь очевидных симпатий к проигранному делу аборигенов. Профсоюзы игнорируют их...»

Однако уже перед второй мировой войной давали о себе знать акты сопротивления и протеста аборигенов, хотя они и не нашли почти никакого отражения в прессе крупнейших городов континента. В первые десятилетия XX в. в стороне от больших городов Южной Австралии в сельских поселках и их окрестностях существовал сельскохозяйственный пролетариат, который состоял из аборигенов. В отдельных районах Нового Южного Уэльса и Виктории (особенно вблизи городов Даббо и Батерст в Новом Южном Уэльсе) в 30-е годы сформировались уже современные политические организации, куда вошли почти исключительно рабочие-метисы.

Эти организации обосновались в густозаселенных аграрных областях умеренной зоны. Их центры сосредоточились в поселках, где сравнительно большое число людей было потомками коренных жителей. Этому процессу способствовали неплохие транспортные связи и налаженные коммуникации.

Возникли эти организации на базе общих интересов местного характера, таких, например, как жилищный вопрос, образование и здравоохранение. Однако иногда они занимались и проблемой аборигенов на общеавстралийской платформе. Так, в 1938 г. аборигены объявили день траура в связи со 150-й годовщиной первой высадки губернатора Филлипа в 1788 г. И все же, несмотря на такие политические акции, следует иметь в виду, что все эти ранние организации были ограниченными как в политическом, так и в географическом отношении.

В 1938 г. поступило сообщение о стачке аборигенов и метисов. В знак протеста против условий жизни в резер-

вациях Куммерагунга в южной части Нового Южного Уэльса они массами переходили границы с Викторией.

3. Сопротивление аборигенов эксплуатации и колониализму, выраженное в мистических формах

Не всем известно, что сопротивление австралийских аборигенов эксплуатации и колониализму зачастую проявлялось в мистических формах. Такая форма сопротивления продолжается и до сегодняшнего дня, как это будет показано в последующих главах.

Явление это не ново: еще в XVI в. Томас Мюнцер организовал и возглавил восстание крестьян в Германии под религиозными лозунгами. В этой связи Ф. Энгельс писал: «Революционная оппозиция феодализму проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания. Что касается мистики, то зависимость от нее реформаторов XVI века представляет собой хорошо известный факт; многое заимствовал из нее также и Мюнцер...»¹⁰; «Здесь особенно отчетливо выступают обе стороны деятельности Мюнцера: с одной стороны — среди народа, к которому он обращался на единственно тогда понятном массам языке религиозного пророчества, и, с другой стороны — среди посвященных, которым он мог открыто говорить о своих конечных стремлениях»¹¹.

Сопротивление аборигенов колониализму в этнографической литературе часто характеризуется как мистическое или религиозное. Оно характерно и для народов других частей света и в соответствии с его формами описывалось как хилиастическое, или милленаристское, нативистическое, карго и тому подобные религиозные представления или культы. Сущность же всех этих представлений и культов неизменно одна и та же: сопротивление захватчикам.

Мы уже обращали внимание на то, как аборигены, находясь еще на стадии первобытных отношений, заботились о сохранении плодородия почвы и повышении рождаемости. Все их религиозные представления и практика были направлены на эти цели. Примером мо-

Жилище аборигенов Центральной Австралии

гут служить уже упоминавшиеся выше рисунки Вонджина в Кимберли на северо-западе Австралии. В 1927—1928 гг. культ Вонджина наблюдал Элькин, а десятью годами позже в той же области проводили полевые исследования несколько немецких этнографов. Они констатировали, что древние религиозные представления Вонджина постепенно вытесняются другим культом — курангара. За десять лет, прошедших между первой и второй экспедициями, образ жизни аборигенов Кимберли под влиянием белых колонизаторов был коренным образом изменен. В то же время экономические контакты привели к тому, что аборигены стали наниматься на скотоводческие станции пастухами и попали под контроль полиции (так называемых протекторов). Быстрое распространение проказы, сифилиса и оспы угрожало им и без того тяжелому существованию. Перед войной по меньшей мере один из 18 аборигенов болел проказой. Исследование крови, проведенное в 1939—1940 гг. среди аборигенов этого района, показало, что по крайней ме-

ре 40%, а в некоторых областях до 95% из них пораженные этими болезнями.

Будущее аборигенов северных районов поставлено под угрозу. Аборигены знают, что они обречены на вымирание. Плодовитость женщин — центральная тема культа Вонджина — приобрела для них новое значение. Они не осознают, что бесплодие их женщин связано с болезнями, полученными в результате контактов с белыми поселенцами. Для того чтобы понять истинные причины своего положения, аборигенам не хватает научных знаний, и они объясняют его магией курангара.

Тьямба — существо, создавшее священные доски для культа курангара. А. Ломмель пишет об этом следующее: «Миф о Тьямба содержит характерные приметы современной культуры — его хижина построена из гофрированного железа... Тьямба владеет искусством распространять проказу и сифилис. Мужчины, владеющие досками курангара, способны заражать других людей. Тьямба охотится с ружьем и вырезает свои доски железным инструментом. Для того чтобы раздать доски аборигенам, он использует самолеты, автомобили и пароходы. В обмен за доски он просит чай, сахар, хлеб и столько говядины, сколько они могут дать, но только не мясо местных животных. Место культа должно находиться поблизости от ферм и зданий станции. Культовый язык — пиджин-инглиш».

Жизнь аборигенов этой области последние 30 лет находится под угрозой. Смутно сознавая, что они обречены на вымирание, аборигены ждут наступления конца света.

В дальнейшем доски будет дарить им жена Тьямба, и когда раздача закончится, полностью изменится социальный порядок: женщины будут проводить церемонии, а мужчины собирать растительную пищу, они не смогут участвовать в ритуалах.

Культы и религиозные представления в том виде, в каком они существовали непосредственно перед войной, обусловили двоякое отношение аборигенов к белому человеку. С одной стороны, цивилизация с ее калорийными продуктами питания и материальными ценностями была признана ими превосходящей их традиционный образ жизни, с другой — от белого человека идут болезни, которые ведут к концу света, но не в форме

полного физического уничтожения — такая концепция противоречила бы их вере во второе рождение, — а как кардинальное изменение всего социального порядка.

4. Патерналистские организации в период после первой мировой войны

Еще до создания федерального государства существовали различные организации, целью которых было облегчить участь аборигенов. Их руководящие центры находились в крупных южных городах. Они зачастую поддерживали контакты с подобными корпорациями в Великобритании. Среди таких организаций можно назвать две — «Общество борьбы против рабства» и «Союз защиты туземных рас». В эти организации входили почти исключительно белые, принадлежащие преимущественно к средним слоям населения. Союзы эти были часто связаны с христианскими миссионерами. Хотя их деятельность в пределах Австралии из-за классовой ограниченности оказалась малоэффективной, они все же приносили известную пользу тем, что оповещали международную общественность о жесточайших акциях, направленных против аборигенов.

Подобный случай имел место в 1928 г., когда полицейская карательная экспедиция застрелила 31 аборигена, которые якобы убили белого охотника за динго Брукса в Центральной Австралии. Такие расстрелы происходили и в других случаях; это впрочем, никак не доказывало, что аборигены имеют какое-либо отношение к убийству Брукса или что он вообще был убит. Публикации об этом факте, которые сделал «Союз защиты туземных рас», поддержанный другими организациями, вызвали взрыв негодования общественности против устроенной полицией бойни. Реакционное федеральное правительство попало в затруднительное положение, но все же не привлекло полицейских к ответу за участие в убийстве. Характерно, однако, что эта бойня, напоминающая ранний период колонизации, была последней, о которой сообщают источники. Это, разумеется, не означает, что в дальнейшем аборигенов не расстреливали. Об этом просто не доводилось до сведения населения.

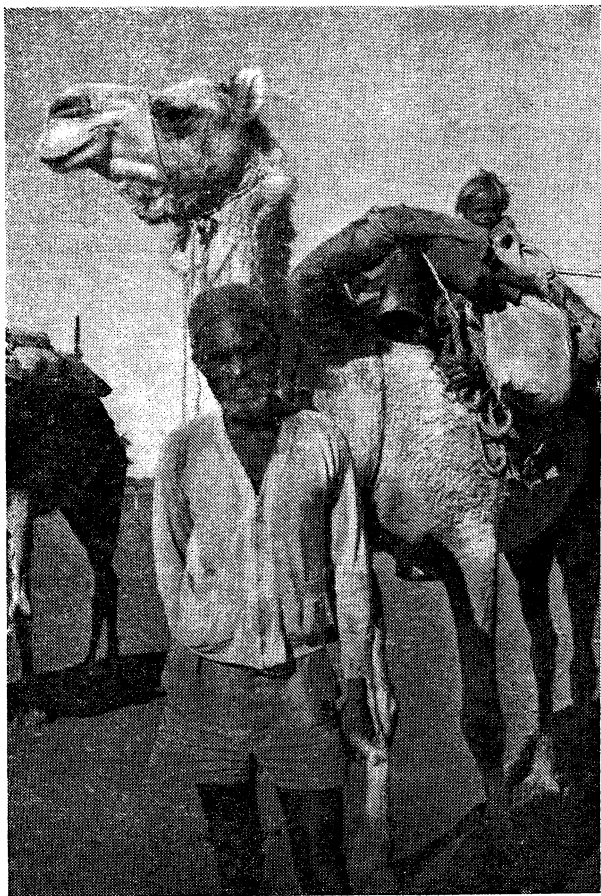
5. Вторая мировая война как поворотный пункт в жизни аборигенов

Война против фашистской Японии положила конец изоляции не только северной части «пограничной области», но и Центральной Австралии. Правда, в 1936 г. их связывало воздушное сообщение, самолеты совершали рейсы сначала раз, а позднее два раза в неделю между Дарвином и Брисбеном. Однако фактически единственным эффективным транспортным средством, связывающим населенные пункты на севере «пограничной области» (Дарвин, Уиндхэм и др.), было пароходное сообщение.

В 1938 г. в Дарвине дислоцировались небольшой армейский гарнизон и отряд противовоздушной обороны. Но когда в 1942 г. Япония продвинула свои войска на юг, чтобы оккупировать Индонезию и часть Новой Гвинеи, морские пути в Северную Австралию оказались под угрозой и находившиеся здесь вооруженные силы, по существу, были изолированы от остальных частей континента. Если союзники хотели воспрепятствовать японскому вторжению в Северную Австралию, то, само собой разумеется, им следовало перебросить в эти районы тысячи солдат. Однако снабжать их по морю было бы невозможно, и поэтому приходилось изыскивать другие пути.

Теоретически наилучший выход из положения — строительство железной дороги, но из-за падения производства стали во время войны это оказалось невозможным. Поэтому в 1942 г. было решено проложить такие стратегические дороги, которые не подвергались бы воздействию климатических условий и позволяли не прерывать сообщения и в период муссонных ливней. Эти дороги должны были проходить с севера на юг — от Дарвина на Алис-Спрингс — и с востока на запад — от железнодорожного пункта Маунт-Айза в Квинсленде до Теннант-Крик на шоссе Север — Юг. В 1943 г. строительство было завершено, что позволило снабжать расположенные на севере отряды союзников провиантом и боеприпасами из главных городов и промышленных центров южной и восточной частей континента.

Перед войной в «пограничной области» было немного белых поселенцев. Например, на Северной Террито-

После второй мировой войны в хозяйстве аборигенов появились азиатские верблюды

рии площадью 1 331 900 кв. км проживало не более 5 тыс. белых.

Перед войной аборигены почти не сталкивались с белыми людьми, так как ни скотоводы, ни правительственные чиновники, ни миссионеры не были заинтересованы в эксплуатации их труда. Однако, как только бы-

ло принято решение сооружать стратегические дороги, буквально за одну ночь положение изменилось.

На строительство были завербованы сотни белых рабочих из южных штатов — большей частью строительные рабочие и ремесленники, которые с началом войны были вынуждены отбывать трудовую повинность. В мирное время они были организованы в профсоюзы; среди них были члены КПА и другие сознательные рабочие. Аборигены увидели теперь нечто совершенно новое для себя: убедились, что не только они сами, но и белые работают в поте лица своего. Вступив в контакт с белыми, аборигены постепенно начали понимать значение интернациональной солидарности. В свою очередь, и белые рабочие увидели, в каких ужасных условиях жили аборигены. Так — у каждого по-своему — развивалось сознание и у аборигенов и у белых рабочих.

В результате контактов аборигенов с тысячами солдат, размещенных на севере, этот взаимный процесс продолжался. Следует учитывать, что шла антифашистская война и солдаты были большей частью из рабочих, одетых в военную форму, которые обладали до известной степени развитым классовым сознанием.

Курсируя между Алис-Спрингс — Маунт-Айза и Дарвином, грузовики доставляли на север продовольствие, оружие и боеприпасы. Шоферами были в основном чернокожие военнослужащие американской армии. Для аборигенов и это было новым: за рулем автомобилей сидели «цветные». Следует учесть к тому же, что в военных условиях по отношению к солдатам-неграм со стороны их белых коллег не было проявлений дискриминации. Они получали такое же денежное довольствие, такой же рацион и жили в тех же условиях, как и их белые сослуживцы. Все это не могло не оказывать определенное воздействие на аборигенов.

Острая нехватка рабочей силы во время войны обусловила необходимость использовать резервы, включая и аборигенов, лишь недавно покинувших буш. В 1943 г. аборигены уже служили в вооруженных силах и шли в рабочие. Во время войны они жили в равных условиях с белыми и получали то же самое довольствие. Первоначально, правда, их снабжали хуже, чем белых военнослужащих, но в ходе войны положение уравнивалось. Прошло еще некоторое время, и тысячи аборигенов ис-

пользовались уже в вооруженных силах на Северной Территории. Они составляли большую часть потенциально работоспособного населения аборигенов, и резкое отличие их жизни от жизни аборигенов-скотоводов не укрылось от общего внимания.

Изменение миропонимания и развитие сознания аборигенов проходило, однако, — как мы это еще увидим — не прямолинейно. Для стороннего наблюдателя оно выглядело как спорадический, а иногда стихийный процесс.

До войны лишь немногие белые интересовались здоровьем аборигенов. В «пограничной области» жило сравнительно мало белых и они держались от аборигенов на значительном расстоянии. Те, кто еще жил в буше, недолго оставались на одном месте, и, прежде чем область их обитания оказывалась зараженной, они уже отправлялись в соседнюю. Кочевой образ жизни обеспечивал им естественную санитарную и гигиеническую защиту, поскольку пища в буше содержала все питательные элементы, необходимые для поддержания здоровья.

Но все это не касалось аборигенов, которые были или сами заняты в скотоводстве на севере, или зависели от него. Они жили в грязи и нечистотах, в так называемых лагерях аборигенов, которые возводились в должном отдалении от построек белых, чтобы последним не докучали запахи и мухи. В лагерях аборигены укрывались от непогоды под несколькими жалкими джутовыми мешками или помятыми канистрами из-под горючего. Эти лагеря, лишённые проточной воды и элементарнейших гигиенических условий, служили рассадниками болезней. При столь ужасных условиях жизни и постоянном недоедании, питаясь лишь мукой, чаем и сахаром, аборигены, работавшие на скотоводческих станциях севера, оказались (и это было неудивительно) обречёнными на вымирание.

На миссионерских станциях сложилась не лучшая ситуация. «Лагеря аборигенов» здесь были столь же отталкивающими, и их удаляли от строений миссии, насколько это было возможно. И все же аборигены, жившие при миссиях, имели преимущество перед их собратьями на скотоводческих станциях. Они были менее «цивилизованы» и не полностью порвали с прежним образом жизни, время от времени снова уходя в буш.

В населенных пунктах севера аборигенов всячески отделяли от белых, загоняя их на строго ограниченную территорию. Они не имели права по вечерам задерживаться на улицах, а в кинотеатрах им разрешалось занимать лишь отведенные для них места поодаль от белых. В «областях поселений» белые и аборигены были разграничены чертой окраин. Здесь в хибарках из джута и гофрированной жести без каких-либо признаков комфорта, естественного для белого человека (без проточной воды, системы осушения и т. п.), ютилось «цветное» население. Если перед войной на аборигенов севера и юга буквально обрушилась лавина различных болезней, то белое население, жившее изолированно, почти не пострадало от них.

Однако шла народная война против фашизма, и, чтобы разбить японских захватчиков, аборигены действовали бок о бок с белыми рабочими. Пока аборигенов поражали болезни, пока они недоедали и жили в антигигиенических условиях, они представляли непосредственную опасность для здоровья войск, размещенных на севере. Поэтому возникла необходимость создать аборигенам — не только мужчинам, но и их женам и детям — равные бытовые условия с белыми рабочими и военными. Так, впервые в истории аборигенов стали снабжать продуктами, и они получили такое же медицинское обслуживание, как и белое население. Но это вовсе не был широкий гуманный жест, направленный на охрану здоровья аборигенов и удовлетворение их прав. Все эти мероприятия служили единственной цели: защитить от инфекции войска белых и сохранить тем самым их боеспособность.

Два других важных фактора, которые выступили на сцену к началу 40-х годов, должны были оказать сильное воздействие на судьбу аборигенов. Уже много лет дети белых родителей получали пособие в размере 5 шилл. на ребенка в неделю. Оно выплачивалось непосредственно родителям. Но только в 1942 г., во время войны, такое же пособие было предоставлено и детям аборигенов. Правда, оно не вручалось непосредственно родителям, так как взрослые аборигены практически рассматривались как несовершеннолетние, неспособные вести свои финансовые дела. Пособие на детей переводилось на счет миссии или другого учреждения, в кото-

ром были зарегистрированы дети аборигенов. Платежи продолжались до достижения ребенком 14-летнего возраста.

Общая сумма денег, выплачиваемых детям (хотя на ребенка и приходилось всего 5 шилл.), в том случае, когда при учреждении или миссии жило много детей, значительно повышала их доходы. Это помогло миссиям снизить смертность младенцев и детей младшего возраста.

Позднее подобное пособие получили также дети аборигенов, работающих на скотоводческих станциях. Для аборигенов была установлена и пенсия по старости. Эти побочные доходы привели к положению, известному нам как «nigger farming», что стимулировало развитие скотоводства (cattle farming).

Другим примером оскорбительной для аборигенов расистской политики официальной Австралии были различные «охранные законы», содержащие предписания, по которым коренным жителям выплачивалась наличными лишь часть содержания, тогда как другая перечислялась на особый счет, контроль над которым на месте осуществлял «протектор» (чаще всего местный полицейский) от имени аборигенов. В основе этого порядка лежало убеждение, что аборигены якобы не умеют обращаться с деньгами и способны только проматывать их.

6. Прирост населения как следствие факторов военного времени

Улучшение условий жизни коренных жителей, установление пособия на детей (что, в свою очередь, стимулировало государственные учреждения предпринять меры для снижения смертности младенцев и маленьких детей), а также применение антибиотиков приостановили сокращение численности коренного населения. К концу войны впервые с 1788 г. наблюдался хотя и незначительный, но ощутимый его рост.

Война ускорила процесс этнической консолидации. Чтобы выполнить те требования, которые определялись оперативными условиями Северной Австралии, аборигены были в известной степени подчинены трудовой дис-

циплине. Это нашло свое выражение в том, что они были сконцентрированы в рабочих лагерях и по мере надобности их доставляли из одной части территории в другую. Конечно, это не только способствовало контактам аборигенов с рабочими Австралии (в военной форме или гражданской одежде), но и предоставляло им возможность встречаться с другими аборигенами, которые жили от них на значительном расстоянии. При этом исчезала большая часть традиционных различий внутри общества аборигенов и они начинали рассматривать себя в первую очередь не как членов «племени», а как членов больших этнических групп.

В довоенные 30-е годы вся Австралия была охвачена безработицей и участь «цветного» населения была вдвойне трагична. Как неквалифицированные рабочие, «цветные» могли получить работу лишь по сбору фруктов или другую сезонную работу в сельскохозяйственных районах, где их нещадно эксплуатировали. В условиях безработицы предприниматели, нанимая «цветных» за низкую плату, восстанавливали против них белых рабочих, что приводило к глубокому антагонизму между этими двумя группами.

В 1942 г. австралийское хозяйство переживало в связи с войной большие трудности. Немало «цветных» австралийцев было мобилизовано, а некоторые из них даже произведены в офицеры. Те, кто остались, включая множество женщин, шли работать на промышленные предприятия, что давало возможность восполнить усиливавшуюся хроническую нехватку рабочей силы. Важнейшие промышленные центры сосредоточились в больших городах, на побережье или в крупных сельских поселениях. Все это благоприятствовало перемещению многих «цветных» австралийцев из аграрных районов в крупные города и поселки. В этот период все большее число «цветных» австралийцев переселялось в трущобы пригорода Сиднея Редферн. Подобное явление было характерно и для других крупных городов Австралии. В процессе производства «цветные» австралийцы работали бок о бок с белыми. Так же как и на севере, на юге такое общение сплачивало обе группы рабочих, устраняло любой скрытый антагонизм между ними.

Мы видели, как война с фашизмом позитивно сказывалась на уровне жизни аборигенного населения и его

отношениях с белыми австралийцами. Хотя борьбу против фашизма поддерживало большинство населения, использование страны в качестве военного опорного пункта США оказалось для нее весьма неблагоприятным. Американским штабам были приданы специалисты и советники, которые решали отнюдь не военные задачи. Они собирали информацию о возможных путях проникновения американского капитала в Австралию, с тем чтобы после поражения государств «оси» вовлечь Австралию в сферу американского империализма.

1. Современная ситуация

После 1945 г. можно уже говорить о «современном» положении австралийских аборигенов.

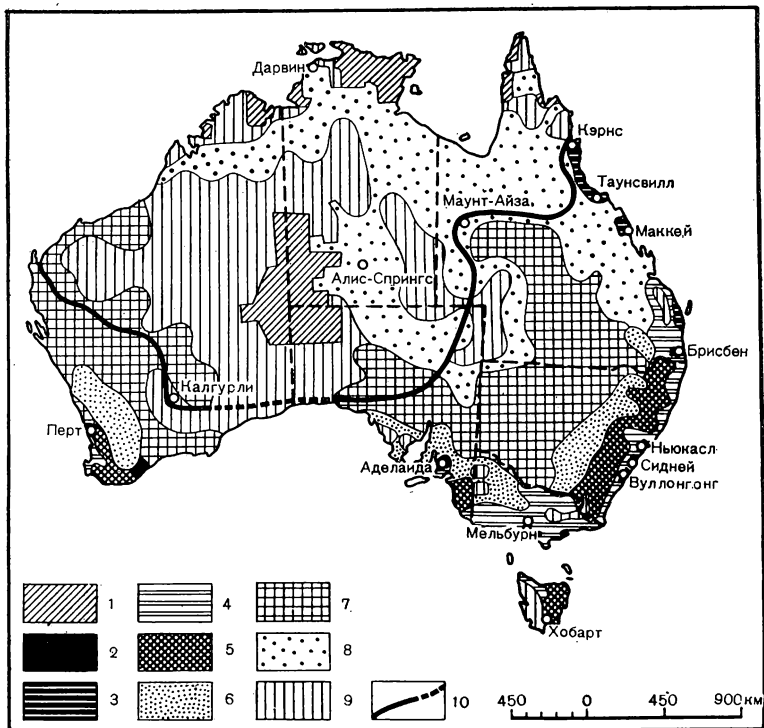
Политическая и социальная борьба, которую со времени войны вели аборигены, со всей очевидностью свидетельствует о том, что эта борьба стала основной частью мирового национально-освободительного движения. Более того, те формы, какие приняла их борьба против колониализма, существующего в Австралии, являются классическим примером исключительно быстрого развития национально-освободительного движения малого народа. Этот народ, который еще около 30 лет назад жил в Северной Австралии либо на низшей ступени первобытного общества, либо только вышел из него, был настолько угнетен монополистическим капиталом, что его эксплуатация больше походила на рабство, чем на наемный труд.

Наряду с ростом освободительной борьбы поразительно быстро развивались сознательность и политическая организация аборигенов. 30 лет назад их горизонт был ограничен «племенем» или локальной группой, сегодня же их борьба охватывает всю Австралию.

Причины такого быстрого развития национально-освободительной борьбы аборигенов — специфические и особо благоприятные условия, которые имелись на континенте, и прежде всего то, что в Австралии, несмотря на все присущие ему слабости, существует хорошо организованное движение белых рабочих, обладающее четко выраженным интернациональным пролетарским сознанием.

Хотя нынешняя разграничительная линия между «пограничной областью» и «областью поселений», обозначенная на карте землепользования Австралии (карта № 3), вероятно, существенно не отклоняется от довоенной, имеются все же качественные отличия в положении аборигенов в период до 1939 и после 1945 г. Во-первых, аборигены из «вымирающей расы» превратились в развивающуюся демографическую группу, что в ряде областей привело к «демографическому взрыву». Во-вторых, в наши дни аборигены уже не живут на стадии первобытных отношений. В 1938 г. 50% аборигенов Северной Территории были признаны «кочевниками», т. е. находящимися на стадии первобытного общества. В 1960 г. таких аборигенов насчитывалось всего 400, а в настоящее время их уже нет совсем.

15 августа 1945 г. закончилась война на Тихом океане, и к власти в Австралии пришло лейбористское правительство. Партия лейбористов — типично социал-демократическая; ее роль в Австралии в свое время подверг критическому анализу В. И. Ленин. Объективно эта партия представляет интересы австралийской буржуазии. В этом смысле она играла прогрессивную роль, так как вела борьбу против влияния иностранного, особенно американского капитала. В декабре 1949 г. она потерпела поражение на выборах после наступления буржуазии на рабочее движение, и в частности на профсоюзы. Против нее сложилась антидемократическая коалиция либеральной и национальной аграрной партий. Эта коалиция привела к тому, что Австралия оказалась под угрозой превращения в сателлита Соединенных Штатов Америки. Она оставалась у власти 23 года. 2 декабря 1972 г. потерпела поражение на выборах, а на смену ей пришло лейбористское правительство во главе с Г. Уитлемом. Первый министр по делам аборигенов этого правительства, Гордон Брайэн, был в октябре 1973 г. без особых причин заменен сенатором Кавени. 18 мая 1974 г. состоялись новые выборы, в результате которых лейбористское правительство Уитлема было переизбрано. На выборах 13 декабря 1975 г. лейбористы потерпели поражение и к власти вновь пришла либерально-аграрная партия.

Карта № 3. Землепользование Австралии

1. Большие резерваты аборигенов в «пограничной области» (1966 г.).

2. Крупные города и индустриальные центры.

3. Плантации сахарного тростника на побережье.

4. Молочное хозяйство, выращивание крупного рогатого скота на убой, возделывание зерновых культур.

5. Интенсивное разведение мясного скота, сеяные луга, фруктовые плантации, овощеводство.

6. Пшеница, овцы и пастбищные угодья.

7. Экстенсивное выращивание овец на шерсть и некоторых пород крупного рогатого скота.

8. Экстенсивное выращивание крупного рогатого скота на убой.

9. Слабо заселенные или необитаемые районы.

10. Линия между «пограничной областью» и «областью поселений»; южнее линии — численное преобладание метисов; севернее линии — преобладание чистокровных аборигенов.

2. Северная Австралия после войны

Вернемся к «пограничной области» Северной Австралии, какой она была непосредственно после окончания войны.

В 1946 г. все войска были выведены и военная администрация заменена гражданской. Строительство во время войны дорог, протянувшихся с севера на юг и с востока на запад, а также многочисленных аэродромов навсегда покончило с изоляцией севера. Содержание в исправности этих дорог и аэродромов требовало от правительства постоянных затрат; за один год приходилось вкладывать капитала намного больше, чем когда-либо перед войной. Поддержание в порядке транспортной и коммуникационной сети предполагало не только инвестиции капитала, но и стабильный приток рабочих и обслуживающего персонала. А это, со своей стороны, привело к развитию сферы услуг и индустриального производства.

Белое население севера не могло больше оставаться на застойном, довоенном уровне. Если его численность до войны составляла всего 5 тыс. человек, то, по переписи 1947 г., на Северной Территории проживало уже более 10 тыс.; в настоящее время она превысила уже 65 тыс. человек.

После окончания войны оказались лишними сотни грузовиков с необходимыми запасными частями и обслуживанием, которые в свое время перевозили провиант и снаряжение. Ставшие теперь ненужными, грузовики по дешевке продавались прежде всего белым скотоводам, а также другим предпринимателям на севере. Перед войной транспортными средствами скотоводческих станций были преимущественно караваны ослов и верблюдов. Теперь, когда в распоряжении станций оказались тяжелые грузовики, возникла необходимость в разветвленной сети асфальтированных дорог, идущих с севера на юг и с запада на восток. В конце войны осталось без употребления и большое количество бульдозеров, которые использовались для очистки полевых дорог. Гражданское управление приобрело несколько бульдозеров, а остальные были по низким ценам проданы скотоводческим компаниям, которые начали приме-

нять их для строительства дорог к своим станциям. Хотя грунтовые дороги в период дождей оказывались непроходимыми, большую часть года они были вполне приемлемыми для закупленных грузовиков. В послевоенные годы многочисленные подъездные пути, построенные скотоводческими компаниями, были еще более усовершенствованы, и сегодня в Северной Австралии уже нет скотоводческих станций, которых не связывали бы дороги, не говоря уж о воздушном сообщении.

Применение бульдозеров и других дорожных механизмов вызвало подлинную революцию в строительстве дорог на севере. Перед войной дорогу южнее Дарвина в сезон дождей часто перекрывали завалы деревьев, образовывались промоины и на целые месяцы она становилась непроезжей. Осенью, когда трава пересыхала, администрация отправляла туда два грузовика: один из Дарвина, другой из Алис-Спрингс с полдюжиной аборигенов во главе с белым, чтобы они очищали дорогу от камней и засыпали ямы, размытые летними ливнями. Вся работа велась вручную. Могло пройти шесть недель, прежде чем дорогу приводили в порядок.

Строительство автомобильных трасс с востока на запад и с севера на юг, расширение сети подъездных и параллельных дорог после войны создали предпосылки для «открытия» отдаленных районов континента. А это, в свою очередь, привело к развитию туризма, оказавшего прямое воздействие на аборигенов. Следует учесть, что в «пограничной области» Австралии туризм до войны практически не был развит. Далее мы еще вернемся к этому.

3. Стачное движение среди аборигенов Северной Австралии после 1945 г.

Возникшие во время войны контакты коренных жителей с представителями сознательной части белых рабочих и наметившееся в связи с этим брожение привели к стачке большой группы аборигенов еще до того, как войска были полностью выведены. Это первая промышленная стачка в истории аборигенов вспыхнула в области Пилбара, в северной части обширной овцевод-

ческой зоны на западе Австралии. Она охватила скотоводческие станции, раскинувшиеся на территории 25 тыс. кв. км. Аборигены-стачечники в основном вступали в контакты не столько с сухопутными и воздушными воинскими подразделениями, сколько с белыми австралийскими моряками с кораблей, курсировавших у северо-западного побережья и заходивших в Порт-Хедленд, гавань округа Пилбара. Возможно, что аборигены сумели установить связь и с белыми горняками, которые работали на золотых приисках в Марбл-Бар (около 200 км в глубь страны от Порт-Хедленда). Один из организаторов стачки, коммунист Дон Маклеод, был белым.

Округ Пилбара отделяет от Кимберли на севере 80-мильная полоса морского побережья, примыкающая к пустыне и совершенно не подходящая для пастбищ. В то время большинство занятых на работах аборигенов из Кимберли не получали денежного вознаграждения, а лишь продовольствие и кое-что из одежды. К юго-западу от Пилбара находятся округа Гаскойн и Мерчисон, где в 1935 г. скотоводы жаловались комиссии ее величества во главе с Мосли на то, что аборигены — их рабочая сила — обречены на вымирание.

Сильное воздействие на идейное развитие аборигенов этих районов оказывали также прогрессивные передачи радиостанций Перта, которые достигали северной части Австралии, и в частности Порт-Хедленда. Известно, слушали ли сами аборигены эти передачи, но положительное влияние, которое последние оказывали на белое население района Порт-Хедленда, безусловно распространялось и на аборигенов.

Они давно были недовольны своей тяжелой долей и, воодушевленные обещанием помощи со стороны рабочего класса, хотели организовать забастовку еще до окончания войны. Но им дали понять, что было бы политически неправильно начинать стачку раньше, чем государства «оси» капитулируют. Поэтому было решено начать стачку Первого мая 1946 г., в День международной солидарности рабочего класса.

Чтобы скоординировать действия бастующих (а стачка должна была охватить обширную область в заранее установленный день), понадобилось провести большую, хорошо продуманную организационную рабо-

ту. Следовало учесть, что аборигены не поддерживали контактов между собой и были совершенно неграмотными. Поэтому организаторы оставляли для каждой группы аборигенов на различных скотоводческих станциях деревянные доски с зарубками, по которым те должны были отсчитывать дни, оставшиеся до начала забастовки.

Стачка началась в точно назначенный день и явилась полной неожиданностью для скотоводов. Известия о ней были напечатаны под крупными заголовками на страницах газет юга. Австралийский рабочий класс немедленно откликнулся на стачку, оказав действенную моральную и материальную помощь бастующим. Дон Маклеод был арестован западноавстралийскими властями по ложному обвинению в том, что он «подстрекал аборигенов оставить свои рабочие места». Власти предполагали, что если Маклеод окажется за решеткой, стачка без его руководства потерпит крах. Но они жестоко ошиблись в своих предположениях. Все вышло наоборот: забастовка перебросилась на другие овцеводческие станции.

Стачка была поддержана большей частью австралийского народа; так, даже пастор Ходж был заключен в тюрьму по обвинению в «недозволенном посещении лагеря туземцев».

Через некоторое время часть бастующих возобновила работу у белых скотоводов, которые повысили им заработную плату и предложили лучшие условия труда. Это было сделано для того, чтобы собрать для бастующих аборигенов денежные средства. Но большинство бастующих образовало независимое горнозаводское товарищество. Несмотря на все трудности, которые пришлось перенести забастовщикам, эта стачка была самой продолжительной в истории движения аборигенов Австралии. Даже в 1963 г. профсоюзы все еще собирали средства в фонд помощи бастующим.

С 1946 г. структура и масштабы горнозаводского товарищества изменились. Сегодня в него входит более 200 чистокровных аборигенов, и оно носит название «Nomads» («Номады»). Его члены сохранили в значительной мере свою традиционную социальную организацию и духовную культуру, в то время как в экономической области превратились в рабочих-горняков, добывающих

аллювиальное олово и редкие элементы, в первую очередь тантал и колумбит.

Стачка оказала большое влияние на жизнь австралийцев. В австралийский фольклор вошло стихотворение «Bin-Bin, Dooley and Don McLeod», названное по имени трех руководителей стачки.

Наиболее впечатляюще о стачке повествует Дональд Стюарт (1959 г.) в своем произведении «Янди», жанр которого можно определить как исторический роман. Этот переданный с большим художественным мастерством рассказ очевидца продолжает традиции романа Катарины Сусанны Причард «Кунард» (1929 г.).

Большое значение этой стачки для аборигенов заключалось в том, что она убедительно продемонстрировала возможность преодоления племенных границ в ходе совместной борьбы. Стачка стала ощутимым выражением этнической консолидации, которую стимулировали военные события. Она воодушевила аборигенов, бросивших вызов австралийскому истеблишменту, который свирепствовал более 150 лет, организуя убийства, грабежи и т. п.

В начале 50-х годов центр борьбы аборигенов за свои права переместился в Дарвин. В декабре 1950 г. и в январе 1951 г. там произошла забастовка рабочих-аборигенов. Это уже была не подсобная рабочая сила скотоводов, а персонал, который использовался администрацией Северной Территории и Отделом по делам аборигенов в качестве поваров, садовников, неквалифицированных рабочих и т. п. Это означает, что удар был направлен непосредственно против правительства. Руководство стачкой полностью взяли на себя сами аборигены. Еще до того, как приняли решение готовиться к стачке, было проведено собрание.

Чиновники Отдела по делам аборигенов и администрация Северной Территории предприняли решительные меры против забастовщиков. Один из руководителей стачки 1951 г., Ф. Уотерс, был на основании закона об аборигенах (ордонанс об аборигенах 1918—1950 гг.) немедленно сослан в Хааст-Блаф, пустынную область, удаленную почти на 1700 км от Дарвина, за «возбуждение недовольства в резервации и организацию стачки туземцев». Другой абориген, Лоуренс, который выдвинулся во время стачек 1950 г., однажды уже находился

под судом по обвинению во вмешательстве в трудовые соглашения, а также за нарушение закона об аборигенах. В феврале 1951 г. он был вновь арестован и за «отказ повиноваться законному порядку» осужден на четыре месяца тюрьмы.

Такого рода акции вызывали волну протеста рабочего класса и других прогрессивно и либерально настроенных австралийцев. Поэтому, когда Ф. Уотерса выслали в Хааст-Блаф, угроза южных организаций составить письмо по типу хабеас-корпус акта оказалась достаточной, чтобы Отдел по делам аборигенов еще раз пересмотрел это дело и вернул Уотерса в Дарвин.

Рабочий профсоюз Северной Австралии (NAWU), центр которого находился в Дарвине, играл ведущую роль, оказывая через профсоюзы и другие объединения по всей стране материальную и моральную поддержку стачечникам. Он брал на себя также судебные издержки, связанные с их защитой. NAWU поручил, например, адвокату Купу в Дарвине защиту Лоуренса и внес залог, пока по делу не было принято решения. Союз активно действовал в Высшем суде Австралии, добиваясь отмены закона об аборигенах и выступая в защиту права рабочих-аборигенов на стачки.

Законы об аборигенах Северной Территории (так называемые законы о защите) подобны тем, которые действовали и в других районах Австралии. Они возводили перед профсоюзами и другими организациями, поддерживающими аборигенов, барьеры на пути защиты их прав. Так, правительство по договоренности с предпринимателями (в данном случае со скотоводами) установило минимум заработной платы и определило условия труда для аборигенов. NAWU имел уже в этом отношении горький опыт. В январе 1947 г. в Алис-Спрингс состоялась конференция, в которой приняли участие представители администрации Северной Территории и предпринимателей, посвященная установлению заработной платы и условий труда аборигенов в новой, послевоенной ситуации. При этом представителей администрации не интересовало, какое политическое и социальное значение может иметь тот факт, что аборигены или будут представлены на конференции собственным докладчиком, или будут иметь на ней свое легальное представительство. В то время аборигены Северной

Территории не могли вступать в профсоюзы, но NAWU интересовался переговорами в Алис-Спрингс не только ради защиты интересов аборигенов; решения конференции касались и его собственных членов, особенно занятых в скотоводстве. Официальное предложение NAWU быть представленным на переговорах было категорически отклонено лейбористским правительством в Канберре, которое заявило, что оно само может взять на себя защиту интересов аборигенов.

Насколько серьезно лейбористское правительство отнеслось к решениям конференции, видно из того, что даже предложение, предусматривавшее весьма низкий уровень зарплаты в сумме 12,6 шилл. в неделю, было оформлено в виде закона лишь спустя два с лишним года. Перед войной узаконенная минимальная зарплата аборигенов составляла 5 шилл. в неделю, причем даже этот закон в сфере скотоводства довольно часто нарушался.

В то время представителю профсоюзов было даже запрещено посещать аборигенов. Никто из неаборигенов — под угрозой штрафа или тюремного заключения — не мог без разрешения (которое, конечно, ни разу не было дано представителю профсоюза) войти в резервацию аборигенов; он не мог даже подойти к лагерю аборигенов на расстояние ближе 40 м.

4. Развитие классового и политического сознания аборигенов и их организации в Южной Австралии после 1945 г.

Стачечные акции аборигенов Северной Австралии против предпринимателей-скотоводов и правительства в первые послевоенные годы — частичный результат тех плодотворных контактов, которые установились между белыми рабочими и аборигенами «пограничной области». Такие контакты могли принести плоды и в южных, густонаселенных частях Австралии.

Когда войска были демобилизованы, и аборигены, которые во время войны осознали свое бесправное положение, стали возвращаться домой, наступило время решать проблему развития коренных жителей. В начале 50-х годов стали появляться новые организации для за-

щиты гражданских прав аборигенов. Сначала они концентрировались в крупных городах, но затем появились и в поселках, особенно там, где преобладало «цветное» население. Эти организации в отличие — хотя преимущественно их основывали белые — от патерналистских союзов довоенного времени не были сектантскими и в основном состояли из представителей рабочего класса. Они втягивали в свою деятельность все больше аборигенов и метисов различных областей. Первоначально эти организации создавались в связи с возникавшими местными проблемами (к примеру, жилищным вопросом, образованием, здравоохранением) и боролись с различными формами дискриминации, непосредственно вытекавшей из закона об аборигенах. Сначала новые организации делали основной акцент на этих проблемах, но постепенно все более стали обращаться к актуальным общеавстралийским проблемам, затрагивавшим интересы аборигенов.

Перед войной лишь очень немногие члены коммунистической партии имели опыт непосредственной работы с аборигенами «пограничной области» или даже «области поселений». Как уже отмечалось выше, партия еще в 1938 г. была вынуждена, формулируя свою политику по отношению к аборигенам, основываться на работах либерального этнографа Томсона. В первые послевоенные годы ситуация в корне изменилась, и тысячи активистов партии накапливали многообразный опыт работы с аборигенами, участвуя в их политической борьбе.

Одним из результатов деятельности комитета КПА по делам национальных меньшинств (он занимался как аборигенами Австралии, так и населением островов Торресова пролива) была опубликованная им статья «Новая стадия в развитии аборигенов»¹².

В развивающейся борьбе самих аборигенов и поддерживающих их белых, говорилось в статье, можно видеть часть объективного процесса, охватившего весь мир. В статье анализировались аспекты, специфические для Австралии. Рассматривая проходивший в среде аборигенов процесс ломки племенных и локальных границ и их замену крупными объединениями, статья выступала за необходимость совершенно новой политики по отношению к коренным жителям. Она знаменует

значительный шаг в формировании политики рабочего класса Австралии и имеет историческое значение, поскольку политическое движение аборигенов в 1954 г. стало составной частью процесса, охватившего весь мир, и было связано с таким объективным фактором, как этническая консолидация.

В 1949 г. на Северной Территории возникла политическая организация метисов, которая ставила своей целью ограничить применение принятого закона об аборигенах только чистокровными аборигенами. Североавстралийская прогрессивная ассоциация метисов, как она себя называла, поддерживала тесные связи с профсоюзами. Она искала пути борьбы с сопротивлением предпринимателей, отказывавшихся выплачивать рабочим-метисам полную заработную плату, так как на них распространялось соответствующее законодательство Северной Территории. Под давлением ассоциации федеральное правительство в 1952 г. изменило статью закона, исключив из нее метисов. Центр ассоциации метисов (в 1950 г. к ней присоединился также Дарвин) находился в Алис-Спрингс, где после войны особенно ярко проявилась классовая дифференциация среди метисов. Она охватила представителей средних социальных слоев общества, мелких предпринимателей, таких, как владельцы такси, собственники небольших лесопилок или мелкие скотоводы. Хотя это движение проводило различие между метисами и чистокровными аборигенами, в чем оно пользовалось поддержкой профсоюзов, оно имело тенденцию делить общую борьбу по объективным классовым признакам. Эта ассоциация сделала первый решающий шаг, хотя лишь в весьма ограниченной области, к осуществлению равенства всех «цветных» австралийцев перед законом.

5. Реакционная политика федерального правительства в послевоенные годы

Если в первые послевоенные годы у аборигенов и прогрессивных представителей белого населения Австралии наблюдался рост самосознания и они стали выдвигать политические требования, то и реакция не сидела сложа руки.

Лейбористское правительство, находящееся в эти годы у власти в Канберре, демагогически оценило решение, принятое в 1947 г. в Алис-Спрингс, согласно которому все аборигены, работающие в скотоводческих хозяйствах, должны получать заработную плату в деньгах, как шаг вперед, несмотря на то что крупные скотоводческие компании старались оттянуть реализацию такого решения. После того как отзвучали пропагандистские фанфары, лейбористское правительство в Канберре, договорившись с правительствами Западной Австралии и Квинсленда, образовало просуществовавший недолго Североавстралийский комитет развития. Он ставил своей задачей «развитие» Северной Австралии, включая и «туземное население». Помимо составления доклада о положении аборигенов, который даже не был опубликован и был положен под сукно, этот комитет ничего не сделал в интересах коренных жителей северной части континента.

О подлинных намерениях лейбористского правительства наглядно свидетельствовало его решение использовать обширную область Внутренней Австралии — от полигона Вумера на юго-востоке Южной Австралии до 80-мильной прибрежной полосы на северо-западе — в качестве ракетной базы, территория которой должна была проходить как раз через центральноавстралийскую резервацию аборигенов. Это был вклад лейбористского правительства в интенсификацию «холодной войны». База служила полигоном для испытаний не только баллистического, но и ядерного оружия, пока возмущение общественности не положило этому конец. О том, сколько аборигенов — прямо или косвенно — погибло от взрывов, никогда не сообщалось.

Однако действенный стимул к выработке новой политики по отношению к аборигенам пришел из-за рубежа. После падения в 1949 г. лейбористского правительства в состав либеральной партии как вновь избранный ее член вошел Поль Хэзлак. Перед второй мировой войной Хэзлак получил ученую степень университета Западной Австралии за диссертацию, опубликованную под названием «Черные австралийцы». Тема работы — история политики по отношению к аборигенам в колонии Западная Австралия вплоть до 1890 г., когда эта колония получила самостоятельное правительство. В работе

была дана либеральная и доброжелательная трактовка проблемы аборигенов. Знаменательно, что она появилась во время антифашистской войны, когда издание книг строго ограничивалось.

Во время первой мировой войны и после нее Хэзлак был дипломатом на австралийской службе, причем сохранил эту должность и ко времени образования ООН, и позднее. В эти годы Хэзлак оказывался зачастую в тяжелом положении, будучи вынужденным защищать официальную австралийскую политику по отношению к аборигенам, которая встречала все возрастающую критику на международных конгрессах. Основной упрек был направлен против расистского характера этой политики. Хэзлак знал, что, согласно австралийской конституции, правительство каждого штата, исключая Северную Территорию, находящуюся под управлением федерального правительства, само несло ответственность за аборигенов. Пользуясь этой ситуацией, он смог отбить большинство атак, направленных на австралийский расизм. Однако он сделал выводы из горького опыта защиты того, чего нельзя защитить, и в 1951 г., став министром территорий, тотчас же решил проводить новую политику по отношению к аборигенам Северной Территории. При этом он старался побудить и другие штаты придерживаться подобной политики. Что «нового» было в этой политике, мы еще увидим.

Хэзлак показал себя весьма гибким деятелем. В уничижительный для Австралии период ее участия во вьетнамской войне он был министром иностранных дел и рекомендовал себя как пособник американского империализма. Когда же Австралия потерпела очевидное и полное банкротство во Вьетнаме и Юго-Восточной Азии, Хэзлак благодаря «оказанным услугам» получил высокую и доходную должность генерал-губернатора, которую занимал до мая 1974 г.

Критика австралийских законов об аборигенах была направлена прежде всего на то, что они распространялись только на аборигенов и, следовательно, по своей природе носили расистский характер. Хэзлак пытался избежать этой критики, предложив новый законопроект, который должен был потенциально распространяться на все население Северной Территории, как на черное, так и на белое. В действительности же он применялся

только к «подопечным», т. е. к тем, чьи имена на основе их образа жизни были включены в официальные публикации правительства.

Новый законопроект сохранил по отношению к аборигенам все репрессивные и дискриминационные положения старого, так называемого защитительного законодательства. Методы применения нового законодательства заранее исходили из того, что все аборигены, на которых оно будет распространяться, должны быть зарегистрированы поименно и их число точно определено. Тем самым были молчаливо признаны все изменения, которые произошли за последние годы (еще в 1938 г. 50% аборигенов Северной Территории, согласно оценке, вели кочевой образ жизни, и поэтому невозможно было составить их полный поименный список).

После войны Северной Территории была предоставлена автономия и учрежден Законодательный совет. Однако деятельность этого совета, по существу, превратилась в фикцию, так как члены его, назначенные правительством, всегда имели по сравнению с избранными большинство в один голос. Подобное положение гарантировало правительству уверенное большинство для проведения необходимого ему законодательства. Поэтому Хэзлак не ждал никаких осложнений при утверждении в Законодательном совете так называемого нового закона о «благополучии». Однако он не учел бдительности назначенного правительством чиновника — представителя по вопросам права. Королевского уполномоченного не интересовал тот факт, что репрессивные положения законодательства применялись только к аборигенам. Его прежде всего волновало, что этот закон потенциально мог быть применен и к белым, которые по каким-либо причинам могли оказаться на положении «опекаемых». Как специалист по частному праву, он выразил резкий протест против законопроекта и риторически провозгласил, что «такой закон не мог принести даже Гитлеру в его самых диких сновидениях». Явно фашистский закон можно было, конечно, использовать против аборигенов, но применять его к белому населению — это уже совсем другое дело!

После критики королевским уполномоченным по вопросам права законопроект был взят назад и отослан за 3 тыс. км — в Канберру.

Перед Хэзлаком теперь стояла задача так изменить законопроект, чтобы он ни в какой мере не касался белых поселенцев и тем самым не вызывал критику со стороны королевского уполномоченного по вопросам права. В то же время, чтобы противодействовать критике из-за рубежа, которая классифицировала это законодательство как расистское, следовало соблюсти видимость, что это законодательство распространяется на все слои общества. На первый взгляд такая задача может показаться неразрешимой, однако способность законодательства к приспособлению не уступала изобретательности и находчивости советников Хэзлака по вопросам права. Итак, к проекту был добавлен параграф, согласно которому закон о «благополучии» не распространялся на определенные группы лиц, которые упоминаются в других законах. А эти «группы лиц» охватывали суммарно все белое население. Так что, когда законопроект был снова представлен на утверждение Законодательному совету Северной Территории, он распространялся лишь на аборигенов, хотя слово «абориген» в проекте даже не упоминалось. Этот позорный акт Хэзлака вошел в историю как символ бесчестия. Закон мог ввести в заблуждение многих прогрессивных либеральных австралийцев, но только не аборигенов. Когда в 1957 г. перепись и составление поименного перечня аборигенов Северной Территории были наконец завершены, оказалось, что из 16 тыс. только семь человек не попали в категорию «опекаемых».

Наряду с принятием этого законодательства — которое, несмотря на новые методы его проведения, в действительности означало продолжение старой политики ограничения прав аборигенов и контроля над ними как источником дешевой рабочей силы — правительство провозгласило новую «политику ассимиляции». На деле она выглядела следующим образом: «Ассимиляционная политика означает... что все аборигены и метисы будут, как предполагают, вести такой же образ жизни, как и остальные австралийцы, что они будут считать себя членами единого австралийского сообщества, пользуясь равными правами и привилегиями, возьмут на себя равную ответственность перед обществом, будут соблюдать одинаковые обычаи и иметь одинаковые верования, надежды и ту же приверженность законам,

как и другие австралийцы»¹³. «Политика ассимиляции» была и остается двусмысленной и противоречивой. Официальная точка зрения была выражена в следующих положениях: вопрос об аборигенах можно снять с повестки дня путем культурной, социальной и экономической интеграции туземного населения в белое общество; допускается возможность полной физической абсорбции путем смешанных браков (чисто физическая абсорбция аборигенов — понятие вообще невероятное, поэтому эта теория выдвигается довольно редко).

Объективно происходит процесс насильственной ассимиляции, в ходе которого разрушаются традиционные социальные связи между коренными жителями; как отдельные личности, так и группы аборигенов растворяются среди белого населения. При капитализме этот процесс принимает форму пролетаризации — превращения аборигенов (и метисов) в низкооплачиваемую часть рабочего класса, в растущий резерв индустриальной армии. С объективной точки зрения ассимиляция есть продолжение старой политики под другим названием. В глазах аборигенов правительственная «политика ассимиляции» является не чем иным, как «культурным геноцидом».

В противовес политике ассимиляции выступает политика интеграции, которую отстаивают прогрессивные силы Австралии. Она признает право аборигенов и лиц смешанного происхождения на существование как самостоятельного народа, который может по собственному желанию и индивидуальному выбору либо быть членом австралийского общества, либо свободно жить в своих автономно управляемых общинах на основе полного равенства.

6. Основание всеавстралийского Федерального совета прогресса аборигенов

Одна из важнейших тенденций развития движения аборигенов, отражавшего их растущую политическую сознательность и поддерживавшего их в конфронтации к наступлению реакции, состояла в том, что в конце 50-х годов крепло убеждение в необходимости концентрации сил различных активно работающих в движении

аборигенов организаций на единой общеавстралийской платформе. В результате в 1958 г. был основан Федеральный совет прогресса аборигенов (FCAA). Надежды на то, что он охватит все штаты Австралийского Союза, однако, не оправдались: к нему не присоединились организации Западной Австралии. Это объяснялось транспортными и коммуникационными трудностями, а также расходами, связанными с преодолением больших расстояний между крупнейшими центрами Западной Австралии и восточных штатов. Поскольку Западная Австралия, которая занимает второе место по численности коренного населения, не примкнула к Федеральному совету, FCAA и его преемник FCAATSI не стали подлинно общеавстралийскими организациями: в этом и состояла их слабость.

В 1964 г. произошло важное событие, которое больше соответствовало развивающейся политической реальности. Активная деятельность FCAA распространилась на другие меньшинства Австралии — население островов Торресова пролива. Организация была переименована в «Федеральный совет прогресса аборигенов и населения островов Торресова пролива» (FCAATSI). Это была довольно широкая организация, куда входили не только объединения, специально поддерживающие прогресс аборигенов, но и другие ассоциации, которые хотя преследовали и различные цели, но все же участвовали в общей борьбе за права аборигенов. Среди этих объединений были христианские и некоторые группы, прямые наследники патерналистских довоенных организаций, но придерживавшиеся более либерального курса, а также студенческие корпорации и профсоюзы. Один из источников силы FCAATSI — входившие в его состав прогрессивные профсоюзные организации, которые способствовали установлению постоянного и органического сотрудничества аборигенов с рабочим движением Австралии. FCAATSI, как и FCAA до него, опирался главным образом на «область поселений» и большие города. В «пограничной области» организации были разобщенными и слабыми. До 1962 г., кроме союза метисов, на Северной Территории не было ни одной организации, выступавшей за прогресс аборигенов. К началу 1962 г. некоторые прогрессивные члены североавстралийских профсоюзов (NAWU) создали Совет в защиту прав аборигенов.

ригенов Северной Территории (NTCAR). Он опирался главным образом на аборигенов — более 300 ее членов сами были коренными жителями. NTCAR также примыкал к FCAATSI.

Хотя NTCAR был основан лишь в начале 1962 г., тенденция его развития и цели были теми же, что и у организаций, возникших десятилетием раньше в «области поселений» на юге. Позднее образование NTCAR объяснялось относительной экономической и социальной изоляцией и отсталостью Северной Территории.

Делать вывод, что аборигены не имели никакого понятия о политике и потому не были способны к самостоятельной организации — в современном значении этого слова — лишь на основании того факта, что NTCAR — первая в своем роде корпоративная и стабильная организация коренных жителей, совершенно неправильно. Этому противоречат события в Пилбаре 1946 г., стачки 1950 и 1951 гг. в Дарвине и — как мы далее увидим — более поздние на Северной Территории. Однако не подлежит сомнению, что аборигенам, видимо, недоставало постоянного руководящего органа. Они отчетливо сознают необходимость борьбы против угнетателей, но их традиционная социальная организация вследствие ее консервативного характера оказалась непригодной для современной политической борьбы.

7. Попытка реакции расколоть движение аборигенов

Стратегия реакции состоит в том, чтобы вбить клин между аборигенами и их естественным союзником — австралийским и, в более широком масштабе, международным рабочим движением. В своем стремлении расколоть движение аборигенов австралийская буржуазия применяет различные тактические приемы.

Один из них — основывать организации аборигенов под руководством и влиянием правительства, которые направляли бы активность коренных жителей в русло, не представляющее опасности для буржуазии. Подобная организация, получившая наименование «Лига единого народа Австралии» («One People of Australia Lea-

gue») (OPAL), нашла поддержку у реакционного правительства Квинсленда. Наибольшее значение для аборигенов Северной Территории имел NTCAR. Это сказалось хотя бы на ожесточенном сопротивлении в 1962 г., которое оказывал ему директор Управления общественного благоденствия в Дарвине. В целях противодействия работе NTCAR была создана организация ANTIC. Однако она оказалась недолговечной.

Другим примером, широко распространенным в период «холодной войны», было постоянное обвинение аборигенов в том, что они находятся под коммунистическим влиянием и стремятся к коммунистическому господству. Таким способом буржуазия старалась подорвать единство и сплоченность передовых сил, выступающих за прогресс аборигенов.

Третий прием, который имел некоторый успех, состоял в разжигании конфликта и соперничества между аборигенами и населением островов Торресова пролива.

Буржуазия всеми средствами стремилась воспрепятствовать сотрудничеству аборигенов с рабочим движением. Ту же цель преследовала и попытка вбить клин между аборигенами и белыми членами FCAATSI на годичной конференции этой организации в 1970 г., когда было выдвинуто требование сосредоточить руководство FCAATSI исключительно в руках аборигенов. Этот демарш потерпел крушение, однако в Брисбене и Мельбурне отпавшие от FCAATSI члены образовали два «вполне черных» племенных совета. Президент FCAATSI Дж. Мак-Гиннес, сам абориген, активный член профсоюза, писал: «Совет основан как многорасовая организация с основной целью пробудить у австралийского населения сознание того, что существует серьезная проблема дискриминации аборигенов... Хотя попытка изменить в настоящее время многорасовое (полиэтническое) руководство не удалась, необходимо, чтобы все поняли, что единство аборигенов и неаборигенов в законной борьбе за равные права имеет важное значение и находит свое выражение прежде всего в самих профсоюзах... Рабочие из среды аборигенов и те из них, кто еще частично живут на стадии первобытного общества на Северной Территории, понимают это наилучшим образом на основе собственного опыта!»

В попытке добиться раскола аборигенов и их белых союзников реакция достигла некоторых успехов, при этом ее тактика, как мы увидим в дальнейшем, с 1970 г. стала более гибкой.

8. Профсоюзы и аборигены

Господствующим направлением в австралийских профсоюзах, пожалуй, остается традиционное — реформистское. Однако уже вырисовывается и тенденция поворота к революционному направлению. Сильное давление на профсоюзы оказывали массы рядовых членов, которые требовали от них подлинно независимой борьбы рабочих против монополистического капитала как в экономической, так и в политической области.

Эта основополагающая бескомпромиссная позиция находила свое выражение в том, что профсоюзы, особенно прогрессивные и коммунистические силы внутри них, в течение всего послевоенного периода играли главную роль в деле поддержки движения аборигенов.

Профсоюзы, впрочем, пока считают, по вполне понятным причинам, что аборигены — неорганизованные, низкооплачиваемые рабочие объективно представляют опасность для рабочих, организованных в профсоюзы. Влияние господствующих реформистских течений в профсоюзном движении сказалось в некоторых организациях в прогрессирующей тенденции бороться в рамках капиталистической системы исключительно за ограниченные требования чисто экономического характера; т. е. ряд профсоюзных организаций или отдельные их члены поддерживали принцип равной оплаты труда и организации рабочего движения среди аборигенов, но считали, что все другие вопросы, касающиеся последних, находятся за пределами их деятельности и вне сферы интересов профсоюзов.

Однако внутри профсоюзного движения существовало и революционное направление, приверженцы которого понимали, что конкретная историческая ситуация и положение в профсоюзах требуют специфических мер для совместной работы с движением аборигенов.

Первым шагом в этом направлении явилось принятое в 1963 г. решение конгресса Австралийского совета проф-

союзов (ASTU — Общеавстралийская организация для координации деятельности профсоюзов) вести твердую, решительную политику в вопросе об аборигенах, что открывало возможности для активизации профсоюзов в этой борьбе, а конгресс ASTU в 1967 г. подвел под нее прочную базу.

К важнейшим задачам, относящимся к аборигенам, которыми непосредственно занимались профсоюзы, относились оплата и условия труда на многочисленных горнозаводских предприятиях, которые принадлежали в Северной Австралии как международным, так и австралийским картелям и консорциумам.

Но инициатива профсоюзов, вызвавшая бурное движение среди аборигенов, возникла не в горнодобывающей промышленности, а в области скотоводства.

9. Борьба за право на землю

Следует отметить, что для созревающего политического движения среди аборигенов и их белых соратников после второй мировой войны наиболее актуальной оказалась проблема права на землю, имевшая прежде второстепенное значение. Этими вопросами — когда они были подняты — занимались лишь в связи с резервными землями. Австралийцы всех оттенков кожи стали осознавать, что первые британские колонисты попросту отняли земли у коренных жителей и никто не собирается предоставить последним за это какую-либо компенсацию. В течение многих лет эти факты не вызывали никакой открытой реакции со стороны белых или аборигенов. Аборигены требовали равных условий труда, заработной платы, жилищных условий, образования и медицинского обслуживания, отмены дискриминации во всех ее формах, а также права сохранять и развивать собственную культуру. Между тем вопросы права на землю и возврата, вернее, возмещения некоторой части отторгнутых у них земель — если вообще они ставились в политических требованиях аборигенов — играли незначительную роль.

Показательно, что первое конкретное требование в области права на землю исходило не со стороны организаций аборигенов или метисов из «области поселений»,

а от аборигенов «пограничной области» севера; они совсем недавно отошли от первобытного образа жизни и у них еще живы воспоминания о периоде отторжения белыми их земель.

Однако вернемся к событиям, препятствовавшим тому, чтобы движение за право на землю приняло конкретную политическую форму. В 1942 г. вошло в силу хозяйственное соглашение, которое регулировало положение белых, занятых в пастбищном хозяйстве Северной Территории. В 1946 г. Австралийское профобъединение (AWU) и в 1948 г. Североавстралийское профобъединение (NAWU) потребовали пересмотра существующих соглашений, добиваясь, чтобы они распространялись и на аборигенов, занятых в пастбищном хозяйстве.

Под давлением международной и австралийской общественности, а также из-за страха перед грозящей опасностью наплыва дешевой рабочей силы аборигенов профсоюз североавстралийских рабочих (NAWU) снова потребовал, чтобы примирительная арбитражная комиссия Австралийского Союза ликвидировала дискриминационные для аборигенов параграфы хозяйственного соглашения. Тем самым был создан прецедент для равной оплаты труда аборигенов и белых.

В феврале 1965 г. на первом заседании NAWU в Мельбурне его представитель заявил: «Мы рассматриваем это дело как простое ортодоксальное постановление третейского суда, от которого не ожидается ничего, кроме соблюдения определенных принципов в принятых решениях; последние, однако, в их нынешней форме не соответствуют этим принципам. Сам по себе это частный случай, но он имеет весьма важное значение как для аборигенов, так и для белого населения Австралии в целом. Помимо этого он небезынтересен и для международной общественности. Имея в виду изменившийся в мире общественный климат, настоятельно необходимо внести необходимые изменения»¹⁴.

Оппозицию против предложений профессионального союза возглавили две организации скотоводов Северной Территории, защищавшие интересы британской монополии «Вестиз». С 50-х годов остальная часть пастбищных угодий Северной Территории перешла в собственность монополии США, которая была членом обеих вышеназванных скотоводческих организаций. В 1947 г.

на конференции в Алис-Спрингс, в которой NAWU не могло участвовать, лейбористское правительство договорилось с обеими организациями о заработной плате для «черных» австралийских рабочих.

Скотоводы отнюдь не собирались отстаивать принципы равной оплаты и равных условий для аборигенов и поэтому в качестве аргумента выдвинули тезис о том, что те сами якобы не готовы получать равную оплату с белыми рабочими. Поэтому пока следует отложить дело, а потом уже постепенно установить заработную плату.

Подробности этих аргументов не представляют интереса. Для отношения как профсоюзов, так и скотоводов к аборигенам показательно, что ни один из аборигенов не был приглашен участвовать в конференции.

В марте 1966 г. было принято решение федеральной арбитражной комиссии об отмене дискриминационных условий. В новое соглашение были внесены оговорки в отношении так называемых «медленно работающих». В результате скотоводы-предприниматели могли произвольно выделить из трудящихся у них аборигенов группу «медленно работающих» и таким образом сохранить для них существовавший «потолок» заработной платы. Уполномоченные комиссии, определив предельные ставки заработной платы, оговорили, однако, что их выплата начнется лишь с 1 декабря 1968 г., т. е. откладывается почти на три года.

Реакция на решение комиссии отложить принятие новых условий оплаты труда почти на три года последовала немедленно. 1 мая забастовали рабочие-аборигены скотоводческой станции Ньюкасл-Уотерс. Большинство из них покинули станции. К бастующим сразу же присоединились сельскохозяйственные рабочие скотоводческой станции Уэйв-Хилл и других станций компании «Вестиз». Большая часть бастующих принадлежала к племени гуринджи. В конце мая бастующие расположились лагерем на берегу р. Виктория в правительственном поселении на границе станции Уэйв-Хилл.

Уже в начале стачки гуринджи получили моральную и материальную поддержку различных слоев белого населения Австралии. Возглавили движение солидарности профсоюзы, которые собирали митинги и демонстрации, пропагандировали организацию акций, оказывали давле-

ние на правительство и компанию «Вестиз», собирали средства, организовывали доставку питания и товаров в лагерь Уэйв-Хилл и (позднее) Уотти-Крик, помогали бастующим продержаться. Важной акцией профсоюза была организация пятидневной поездки в октябре и ноябре 1966 г. руководителя стачки Кэптэна Мэджора и Декстера Даниэльса («черный» австралиец, организатор NAWU) в южные города. Эта акция была поддержана профсоюзом актеров.

FCAATSI и Коммунистическая партия Австралии, так же как и другие прогрессивные организации, в этот период активно поддерживали стачечников гуринджи. Об огромном значении для стачечников поддержки рабочего класса можно судить по тому, что с 1966 и до конца 1968 г. 42% пожертвованных средств в фонд борьбы гуринджи поступило от профсоюзных организаций всей Австралии, а 33% — от FCAATSI, в том числе часть профсоюзных пожертвований.

В октябре 1966 — марте 1967 г. наступило перемирие в конфликте между гуринджи и скотоводческими компаниями. Начался сезон дождей, традиционное время увольнений рабочих на станциях. Поэтому нельзя было ожидать, что конфликт возобновится до апреля или мая 1967 г. Североавстралийский союз борьбы за права аборигенов грозил призвать «черных» рабочих всех скотоводческих станций севера парализовать в апреле на некоторое время скотоводческое хозяйство. Он готовил кампанию с целью побудить профсоюзы юга страны финансировать движение гуринджи. Единодушная позиция гуринджи и профсоюза заставила капитулировать отдельные станции территории. В 1967 г., когда вновь началась работа в пастбищных хозяйствах, некоторые стачечники гуринджи покинули лагерь Уэйв-Хилл, чтобы работать на двух маленьких станциях, хозяева которых предложили оплату лишь на 1,5—2 долл. ниже полной законной.

В марте 1967 г. гуринджи предприняли шаг, который не только радикально изменил характер их борьбы, но и представлял собой большой вклад в общеавстралийское движение за права аборигенов. Вместе со своими семьями стачечники отправились в Уотти-Крик. Это место расположено в области, которой гуринджи, как было признано, всегда владели и пользовались; оно лежит

Кэптэн Мэдзор — руководитель гуринджи

вблизи важного тотемического святилища гуринджи и имеет к тому же постоянный источник воды.

В апреле 1967 г. гуринджи обратились с петицией к генерал-губернатору лорду Р. Кейзи, в которой потребовали возврата 500 кв. миль их традиционной земли в районе Уэйв-Хилл. Через несколько месяцев эта просьба была категорически отклонена.

В засушливый период 1967 г. профсоюзы по-прежнему поддерживали гуринджи, снабжая продолжавших жить в Уотти-Крик семьи продуктами и товарами. Часть мужчин при этом продолжала работать на скотоводческих станциях, а другая часть была занята постройкой нового лагеря. Гуринджи возбудили к себе такой политический интерес, что получили шесть мест в законодательном совете Северной Территории.

Когда после сезона дождей 1967/68 г. дороги стали снова проезжими, произошло новое событие, имевшее политическое значение. 8 апреля 1968 г. в Уотти-Крик прибыл федеральный министр по делам аборигенов У. К. Уэнтворт. На него, по-видимому, произвело глубокое впечатление то, как дисциплинированно, с каким достоинством и решительностью держались гуринджи и какой порядок сохранялся в лагере. Как у самих гуринджи, так и в широких кругах сложилось впечатление, что министр склонен был предоставить в аренду племени гуринджи значительную часть земли, чтобы они могли основать там собственное поселение, заниматься садоводством, разводить лошадей и других домашних животных. Как минимум гуринджи просили о предоставлении им площади в 22 кв. км. Их выбор единодушно пал на район Уотти-Крик. Здесь была пригодная для возделывания земля, район граничил с постоянными источниками воды и лежал поблизости от священных мест, что было для гуринджи особенно важно.

Однако монополия «Вестиз» решительно выступила против этого проекта. Она получила поддержку министра внутренних дел Никсона, который 10 июля 1968 г. категорически отклонил принцип права аборигенов на землю.

Это решение вызвало волну негодования по всей Австралии. Тотчас же активизировались все организации, содействующие борьбе за права аборигенов. Начались акции протеста (демонстрации, петиции, ночные пикеты

т. д.) в важнейших населенных пунктах по всей стране. Правительство Австралийского Союза столкнулось с такой волной яростного протеста, что поняло необходимость принять какие-то успокоительные меры. И оно провозгласило план, разрешающий постройку поселка для гуринджи в так называемых drovers common (общих владениях скотоводов), которые граничили с поселением Уэйв-Хилл. Дома должны были отвечать нормам Комиссии по жилищному строительству; стоимость сооружения 20 подобных домов оценивалась в сумме около 50 тыс. австрал. долл. Но эти drovers common представляли собой бесплодную землю, совершенно непригодную ни для возделывания, ни для пастбищ. Здесь не было деревьев, да и вообще растительности. В период дождей участку грозили наводнения, рядом находились аэродром и правительственное поселение. Помимо всего этого он не имел постоянного водоснабжения. Этот район не устраивал гуринджи. Они отклонили план, и, кроме того, большинство из них упорно отказывались вселяться в построенные для них дома. После отклонения проекта о праве на землю для аборигенов федеральной комиссией и объявления плана о создании нового поселка аборигены, которые уже приступили к работе на различных станциях, возобновили стачку, примкнув к жителям Уотти-Крик. Забастовка продолжалась три месяца, была поддержана профсоюзами и другими организациями.

В октябре 1968 г. управление Северной Территории объявило, что аборигены, которые работают в миссиях, правительственных поселениях, и те, которые трудятся в сфере «общественного благоденствия», с начала декабря, т. е. с того времени, когда должно вступить в силу решение о выплате полной, предусмотренной законом Северной Территории платы для аборигенов, занятых в пастбищном хозяйстве, будут получать установленную твердую плату. Это означало, что теоретически (из-за больших расстояний и изолированности станций контроль весьма затруднен) равную зарплату с белыми рабочими получают все те аборигены, которые выполняют одинаковую с ними работу. После вступления в силу твердой оплаты за труд в скотоводстве большинство управляющих станциями вынуждены были подчиниться закону и в той или иной степени упорядочить

зарплату аборигенам. Однако уровень обеспечения питанием и жилищные условия оставались по-прежнему плохими.

Успех аборигенов Северной Территории, добившихся равной оплаты за труд, привел к тому, что достижение равенства в этой области для всех штатов стало лишь вопросом времени.

Для реформистских элементов внутри профсоюзного движения это означало успешное завершение их кампании в защиту интересов аборигенов; поэтому они уже не считали себя обязанными участвовать в других акциях аборигенов или, во всяком случае, активно участвовать в их делах. Поэтому поддержка борьбы аборигенов — особенно в вопросах земельного права — все больше становилась делом представителей средних слоев общества. Однако прежде чем приступить к освещению борьбы за права аборигенов в самое последнее время, вернемся еще раз к кампании, которая привела к референдуму 27 мая 1967 г.

10. Референдум 27 мая 1967 г. и предшествующая кампания

После продолжавшейся в течение нескольких десятилетий XIX в. оживленной дискуссии была принята конституция, согласно которой 1 января 1901 г. шесть бывших австралийских колоний объединились в Австралийский Союз с новым централизованным управлением — федеральным правительством, не имевшим никакого политического влияния в вопросе об аборигенах. Данное право полностью сохранялось за федеральными штатами, как теперь стали именоваться бывшие колонии.

Это было сформулировано в двух кратких конституционных оговорках. В ст. 51 говорилось: «Федеральный парламент имеет право, в соответствии с этой конституцией, провозглашать законы, касающиеся мира, порядка и управления Австралийского Союза, относящиеся к людям всех рас, за исключением находящихся в ведении штатов аборигенов, для которых признано необходимым разработать специальные законы». Ст. 127 гласила: «При переписи населения Австралийского Союза,

Автор беседует с Мак-Гиннесом

или штата, или другой части государства аборигены не учитываются».

С 1901 г. правительство Австралийского Союза не осуществляло юрисдикцию над аборигенами ни на Австралийском континенте, ни на острове Тасмания. Поэтому оно не несло прямой ответственности за аборигенов. В 1911 г. Северная Территория, находившаяся до этого под управлением Южной Австралии, вошла в состав Австралийского Союза. В 1908 г., согласно парламентскому акту Нового Южного Уэльса, на территории в 30 кв. км, где проживали метисы, основывался главный город федерации — Канберра. Аборигены сначала вообще были исключены из состава Союза. Ст. 127 говорила определенно, что аборигены не являются гражданами Союза или какого-либо из штатов. В лучшем случае их рассматривали как «граждан второго сорта». Ст. 127, следовательно, санкционировала в основном за-

коне Австралии лишь сложившуюся ситуацию, которая де-факто уже существовала довольно давно. И это более чем за 50 лет до вступления в силу законодательства о южноафриканском апартеиде!

Положение аборигенов, определенное ст. 51, следует рассматривать как выражение решимости колоний сохранять полный контроль над землей и не допускать никакого вмешательства правительства Союза в вопросы, касающиеся этого основного средства производства.

В течение последующих десятилетий не раздалось ни одного явного протеста против этих наступательно-расистских положений конституции, не выдвигалось даже никаких требований удалить их из документа. В первом издании брошюры Т. Райта «Новый курс для аборигенов» (1938 г.) нет даже никакого указания на эти дискриминационные оговорки конституции, а во втором издании (1944 г.) содержалось лишь подстрочное примечание относительно планируемого референдума о конституционной власти в отношении аборигенов. Этот референдум состоялся в 1944 г., но не имел успеха, поскольку вопрос об аборигенах связывался здесь с различными другими проблемами, многие из которых были спорными. Отметим, что этот вопрос на референдуме 1944 г. поднял экономический советник премьер-министра лейбористского правительства Х. К. Кумбс. К его роли в настоящее время, т. е. 30 лет спустя, мы еще вернемся.

Особенностью референдума является тот факт, что конституционный вопрос здесь впервые был поставлен более или менее обдуманно, и это несомненно свидетельствует о растущем общественном сознании в военные годы.

50-е годы характерны тем, что вновь образованные организации выдвигали все усиливающиеся требования предоставления гражданских прав аборигенам. В 1958 г. федеральный совет поднял свой голос за исключение из конституции оговорок, касающихся аборигенов. К этому времени обе дискриминационные оговорки для австралийской буржуазии фактически стали анахронизмом. Землю теперь прочно взяли в свои руки европейцы, а аборигены практически почти полностью вышли из стадии первобытных отношений, отказались от традицион-

ного образа жизни и, что самое важное, составили значительный резерв рабочей силы, особенно в Северной Австралии. Австралийские капиталисты были заинтересованы теперь в учете аборигенов. Им надо было знать их численность и площадь их расселения, с тем чтобы контролировать аборигенов и — что, возможно, не менее важно — принимать действенные меры по защите здоровья белого населения.

В 1963 г. были выдвинуты новые требования, направленные на изменение конституции, поддержанные мощным движением масс. Они стали составной частью политики по защите прав аборигенов, проводимой Австралийским советом профсоюзов. В августе 1963 г. коммунистическая партия выработала свой план политики в отношении аборигенов. После широкой дискуссии этот план в июне 1967 г., когда в результате общеавстралийского референдума дискриминационные оговорки были устранены, стал признанной нормой этой политики.

Хотя оговорки конституции и стали анахронизмом, позиция буржуазии в вопросе об аборигенах была различной в соответствии с различными установками федеральных штатов и Австралийского Союза в целом. Штаты в своих официальных декларациях продолжали занимать традиционную позицию протеста предоставлению полной власти правительству Союза. В то же время контроль над аборигенами включал использование фонда, предусмотренного для проектов, осуществление которых могло принести непосредственную политическую выгоду федеральным штатам. Кроме того, правительства штатов, по мере того как общественность все яснее осознавала дискриминацию аборигенов, подвергались все более острой критике в самой Австралии. Втайне штаты подумывали, как бы избавиться от ответственности за аборигенов. В то же время для правительства Австралийского Союза контроль федеральных штатов над аборигенами был пока еще выгоден. Он позволял ему сваливать на них всю ответственность и уходить тем самым от растущей критики за рубежом, которая со все возрастающей силой обрушивалась на правительство. Более того, принятие ответственности потребовало бы инвестиции капиталовложений и других ресурсов, которые можно было использовать в ином месте полити-

чески более выгодно для Союза. Аборигены стали, таким образом, мячом в политической игре между федеральными штатами и Австралийским Союзом.

В течение ряда лет правительство Союза колебалось. Но наконец под давлением общественности оно согласилось представить на референдум изменение оговорки ст. 127, которое предусматривало лишь включение аборигенов в проводимую один раз в пять лет перепись населения, однако оставляла управление (и связанные с этим издержки) в компетенции штатов. Но общественное мнение не захотело удовлетвориться этими политическими маневрами. 27 мая 1967 г. правительство Союза было вынуждено провести референдум, представив на пересмотр обе статьи конституции. Как известно, австралийцы занимали консервативную позицию при опросах на референдумах, и до сих пор большинство из них отвечали на вопросы, связанные с укреплением власти Союза, одним выразительным «нет». Однако все-народное голосование 1967 г. ясно показало, что имеющее право голоса население выступило в пользу аборигенов, за которых 92% опрошенных проголосовало благосклонным «да». Это было самое большое число положительных голосов в истории австралийских референдумов.

Вскоре, впрочем, наступило общее разочарование. Изменение конституции не привело к улучшению участи аборигенов. Коалиционное правительство либеральной и аграрной партий получило дополнительные полномочия. В целях политической маскировки правительство Союза создало союзное Ведомство по делам аборигенов (Office of Aboriginal Affairs) и назначило министра по делам аборигенов, который, впрочем, не имел статуса члена кабинета. Директором этого ведомства стал Кумбс. Он ушел с должности управляющего банком Австралийского Союза, поста, на который был назначен предшествующим, лейбористским правительством. Первым министром по делам аборигенов стал откровенный антикоммунист Уэнтворт.

Если изменения в конституции вообще что-либо значили, то лишь то, что народ дал мандат правительству взять на себя решение вопросов, связанных с положением аборигенов в штатах. Однако этот мандат был искусно обойден правительством.

Кумбс долгое время олицетворял своей персоной чисто австралийскую традицию. Как опытному политику, ему удалось, не будучи членом какой-либо политической партии, как при лейбористском, так и при аграрно-либеральном правительстве занимать ключевую должность управляющего банком Австралийского Союза. Своей подписью, которую можно было увидеть на всех банкнотах, он как бы олицетворял австралийский истеблишмент. Кумбс чутко реагировал на всякого рода перемены политического курса; он откровенно критиковал условия жизни австралийских аборигенов и вместе с ними правительство. Так, в конце 1969 г. он писал:

«Если у аборигенов сегодня родится ребенок —

1. Он имеет весьма определенную перспективу умереть в течение двух лет.
2. Если он выживет, то имеет весьма определенную перспективу страдать от недоедания в той степени, в какой это нанесет ущерб:
 - а) его физическому и духовному состоянию,
 - б) его способности противостоять заболеваниям.
3. Он будет в детстве наверняка поражен различными заболеваниями, особенно уха-горла-носа, будет страдать от поражения дыхательных органов, гастроэнтерита, трахомы и других глазных болезней.
4. Если он достигнет возраста старше десяти лет, то, вероятно, не получит основательных гигиенических навыков, не будет иметь профессионального образования, останется без работы, не сможет приспособиться к обществу и станет враждебен ему.
5. Если он достигнет зрелого возраста, он будет вести безответственное, убогое, сонное существование; не будет в состоянии разорвать заколдованный круг бедности, недоедания, болезней, социальной изоляции и антагонизма. Если же он живет на севере, то имеет по-настоящему все шансы быть изуродованным проказой.
6. Если это девочка, то она, возможно, будет иметь младенца в таком возрасте, в каком ее белая современница еще наивно мечтает о какой-нибудь популярной „звезде“. В дальнейшем она каждые восемнадцать месяцев будет рожать нового ребенка, пока не подарит за свою жизнь более десяти детей или не умрет от истощения».

В то время как политика реакционного правительства Австралийского Союза в 50-е годы характеризовалась бездеятельностью, бессилием и двуличием, руководство движением масс в этом десятилетии взяла в свои руки Австралийская коммунистическая партия. Ее политический документ, двадцатистраничная брошюра «За полные человеческие права аборигенов и жителей островов Торресова пролива» («Full Human Rights for Aborigines and Torres Strait Islanders»), был последним из трех наиболее значительных документов, теоретически анализирующих проблемы коренного населения. Эта брошюра служила руководством для практического разрешения проблемы обоих «цветных» меньшинств. Документ представлял собой основополагающий и значительный вклад в дело прогресса аборигенов Австралии, ибо в нем с марксистских позиций был дан подробный научный анализ истории и современного положения аборигенов Австралии и островов Торресова пролива; он был в то же время конструктивным руководством для последующих практических действий.

11. Роль австралийской лейбористской партии в 50-е и 60-е годы

В 50-е и 60-е годы австралийская лейбористская партия продолжала активно поддерживать движение аборигенов. Ее члены предоставляли FCAATSI и другим организациям аборигенов значительную финансовую помощь, часто через их профсоюзы. Партия сыграла также важную роль в кампании по проведению референдума 1967 г. Ее руководство оказывало поддержку растущему движению аборигенов. Видный деятель лейбористской партии, депутат федерального парламента Гордон Брайэн в течение нескольких лет был даже президентом FCAATSI. В одних случаях помощь аборигенам оказывалась по убеждению, а в других — из оппортунистических соображений. Но так или иначе, движение в защиту аборигенов приобрело такой размах и получило такую разнообразную поддержку, что его уже невозможно было игнорировать. Преобладающее большинство голосов, поддержавших аборигенов во время

референдума 1967 г., еще раз подчеркнуло это обстоятельство.

Позиция лейбористской партии была характерной для реформистской социал-демократической организации, которая сотрудничала с австралийской буржуазией и монополистическим капиталом. Однако у многих ее членов и части партийных руководителей намечалась внутренняя связь с политикой рабочего класса.

Типичная позиция лейбористской партии проявилась в том, что она так и не выработала никакой специфической и конкретной программы по отношению к аборигенам, а ограничивалась лишь общими декларациями. Эта политика нашла свое наглядное выражение в декларации по вопросу об аборигенах, принятой общеавстралийской конференцией лейбористской партии в январе 1969 г.

Хотя партия и провозглашала — правда, в расплывчатой и весьма общей форме — социализм, 12 содержащихся в ее заявлении предложений относительно аборигенов находились в полном соответствии с традиционной капиталистической парламентской демократией, характерной для Австралии. Первое предложение — по мнению лейбористской партии, будто бы самое важное — гласило, что управление по делам аборигенов должно быть возведено в ранг министерства. Ответственность за аборигенов обязано взять на себя в последней инстанции правительство Австралийского Союза. Никакой конкретной специфической программы действий не было выдвинуто. Иными словами, было заявлено, что лейбористская партия не будет делать ничего, выходящего за рамки ее общей политики по отношению к аборигенам, провозглашенной перед референдумом 1967 г., на проведение которой австралийский народ уже дал полный мандат.

Пробным камнем искренности политики лейбористской партии по отношению к аборигенам явилась ее позиция по вопросу о праве на землю, который с мая 1967 г. стал жгучей проблемой для коренных жителей. В предложении № 8 декларации 1969 г. значилось: «Вся земля аборигенов должна быть сдана в аренду общественному „тресту“, состоящему из аборигенов или жителей островов; корпоративное земельное право должно быть предоставлено исключительно общинам абориге-

нов, которые еще сохранили первобытнообщинную структуру или потенциально способны к совместному использованию зарезервированной для аборигенов земли, или же в таких случаях, когда благодаря этнографическим или другим признакам традиционные отношения землепользования могут быть восстановлены в соответствии с первобытными обычаями. Никакая земля аборигенов не подлежит отчуждению. Это возможно лишь в том случае, если имеется согласие „треста“ или парламента. Земельное право аборигенов включает в себя и полное право на полезные ископаемые, находящиеся в соответствующих областях».

На первый взгляд эти предложения представляются прогрессивными, однако при ближайшем рассмотрении обнаруживаются довольно серьезные слабости, главная из которых состоит в том, что земля *может* быть отчуждена тогда, когда имеется согласие аборигенов и парламента. Предложение не содержит оговорок, которая решительно запрещала бы покупку земли белыми. Можно представить себе, как быстро способен международный горнорудный консорциум — к примеру, если открыты богатые запасы золота — уговорить правительство Австралийского Союза, либерально-аграрную коалицию или лейбористскую партию и горсточку аборигенов, продать свою землю, отказавшись от «права на полезные ископаемые, обнаруженные на этих территориях». Предложения лейбористской партии исходят из того, что коренным жителям предоставляется право частной собственности на так называемую землю аборигенов с тем ограничением, что это право контролировалось бы парламентом. Для аборигенов этот контроль означал бы шаг назад, ибо отмененные теперь законы характеризовались как раз установлением непопулярной «опеки» над собственностью аборигенов.

Однако, и это важнее всего, аборигены не добивались ни установления частной собственности на землю, ни права продажи. Они требовали права на постоянную земельную собственность без всякой возможности продажи. Они слишком хорошо знали, что частная собственность на землю, которой можно свободно распоряжаться, неизбежно приведет к тому, что земля окажется в руках экономически могущественных белых и аборигены в конечном счете останутся без земли. То, чего ко-

лонисты в прошлом добивались насильственным путем, горнодобывающие компании сегодня достигают хитроумными, легальными средствами.

Можно было предвидеть, что аборигены поведут ожесточенную борьбу против этого предложения лейбористской партии. Здесь уместно провести параллель с опытом Канады. В 1969 г. правительство Трюдо попыталось решить проблему своих аборигенов — индейцев, предоставив им право частной собственности на землю в резервациях. План правительства был опубликован в «Белой книге». Но в Канаде классовая дифференциация среди индейцев пошла намного дальше, чем среди австралийских аборигенов, что привело к образованию значительного среднего слоя индейцев, для которого предложения правительства Трюдо были весьма привлекательны. Тем не менее широкое сопротивление индейского народа заставило канадское правительство взять свои предложения назад. Показательно, что Жан Кретьен, министр горной промышленности и министр по делам индейцев в правительстве Трюдо, в 1970 г. совершил поездку в Австралию на предприятие по добыче бокситов в Йиркала. После этого — вопреки протесту коренных жителей — канадское «решение» было перенесено правительством федерального штата Виктория на находящуюся под его контролем резервацию аборигенов у оз. Тайрес.

Предложения лейбористской партии 1969 г. полностью отвечали интересам капиталистической Австралии. За них лейбористскую партию не подвергали критике и не обвиняли в том, что она стремится к решению проблемы аборигенов социалистическим путем. Если вообще считать требования земельного права, выдвигаемые аборигенами, справедливыми, то речь может идти лишь о таком радикальном решении проблемы, при котором земля сдается в аренду аборигенам в постоянную общинную собственность и исключается всякое право и всякая возможность отчуждения ее неаборигенами. Но это вообще означало бы разрыв с самим принципом частной собственности. Возможно, будет осуществлен компромисс, согласно которому землю передадут аборигенам в постоянную аренду, причем группы или отдельные лица получают право частной собственности, но землю нельзя будет продавать за пределы общины

aborигенов. Это означало бы ускорение процесса классовой дифференциации внутри общества аборигенов и поэтому больше всего соответствовало бы интересам лейбористской партии. Но сейчас оба решения представляются делом весьма отдаленного будущего.

Политика австралийской лейбористской партии по отношению к аборигенам привлекла к себе особое внимание в связи с событиями 2 декабря 1972 г., когда коалиционное правительство либералов и аграрной партии, 23 года стоявшее у власти, потерпело поражение и лейбористская партия взяла бразды правления в свои руки.

В отличие от предыдущих федеральных выборов вопрос о правах аборигенов был одним из политических факторов избирательной кампании. Аборигены не стояли в стороне, они поддерживали лейбористскую партию, или, точнее, требовали создания нового правительства. Не было ничего необычного в том, что в прессе крупнейших городов появлялись большие статьи, на которые затрачивали много сот австралийских долларов, под заголовками типа «Это вопрос выживания». Статьи инспирировали такие организации, как FCAATSI и Национальный совет племен, а также гуринджи, живущие в Уотти-Крик. Они требовали смены правительства.

12. Диалектика сознания и организации: заявление Московского совещания 1969 г.

Одной из важнейших стратегических проблем развития аборигенов является диалектическое соотношение между различными уровнями сознания и формами организации, которые складывались в процессе их борьбы. В условиях первобытных отношений, где политическое руководство осуществлялось и развивалось лишь на уровне локальной группы, можно было оказать сопротивление нападениям и вмешательству колонистов только на уровне этой группы или же в лучшем случае временного союза, в котором объединялось несколько локальных групп. На этой стадии сознание аборигенов и, следовательно, формы их организации соответствовали уровню развития, отражавшему материальные условия их жизни. Если сравнивать аборигенов Австралии с

некоторыми другими народами, например с маори Новой Зеландии, которые имели прочную организацию на уровне племени и даже племенных союзов, то при вступлении в контакт с европейцами австралийские аборигены находились в явно невыгодном положении. Из этого некоторые буржуазные идеологи делают вывод расистского толка, доказывая, что аборигены не способны к организации. Однако события последних лет полностью опровергают это заключение.

Московское совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г. указало на три главные революционные силы в антиимпериалистической борьбе на современном этапе: мировая система социализма, международное рабочее движение и национально-освободительное движение.

Эти три могущественные силы стратегически объединяются в антиимпериалистической борьбе. Вследствие изменений в социальном, политическом и военном соотношении сил между империалистическим и антиимпериалистическим движением в пользу последнего основной конфликт двух противоположных систем все больше смещается в сферу идеологии. Отсюда теоретический вопрос о диалектической связи между уровнем сознания и организационными формами приобретает большое политическое значение в современной борьбе аборигенов за свои права.

Мы уже упоминали о том, какая разница существует между так называемой «областью поселений» и «пограничной областью», и рассказывали о демаркационной линии между ними, которая, согласно определению, проходит там, где проживает одинаковое число чистокровных аборигенов и метисов. Это различие сложилось исторически. Так, сохранившиеся около Сиднея аборигены и метисы почти 200 лет находятся под европейским влиянием, в то время как в Арнемленде и Центральной Австралии решающее влияние европейцев стало сказываться только в последние 30 лет. Еще больше различий существует в идеологии и уровне сознания различных категорий населения. В отдаленных от культурных центров «пограничных областях» все еще сохраняет значение влияние не столь далекого по времени первобытного образа жизни. В то же время обстоятельства меняются так быстро, что существующие сегодня

определения через несколько недель и месяцев будут неправильны.

Развитие сознания и организации аборигенов в отдаленных «пограничных областях» отнюдь не равномерный, не дифференцированный процесс. Так, например, руководители движения гуринджи за земельные и гражданские права, посетившие Сидней и Мельбурн по приглашению южных профсоюзов, чтобы выступить перед белыми рабочими и заручиться их поддержкой, несомненно достигли такого уровня политического и идеологического сознания, которое уже можно измерять современными категориями. В какой степени это поднятое на новый уровень сознание руководителей отразится на политической организации аборигенов, это уже другой вопрос.

Проблема дифференцированного развития сознания и организации не ограничивается лишь аборигенами; она характерна для большинства — если не для всех — освободительных движений современности. Поэтому исследователю бывает трудно понять эти движения, в которых неразрывно переплетены первобытные и современные идеологии и концепции.

13. Продолжение борьбы с эксплуатацией и колониализмом в мистической форме

После второй мировой войны религиозные представления аборигенов продолжали развиваться, находя свое выражение в борьбе против колониализма. В конце 60-х годов, несомненно под влиянием борьбы гуринджи, они начали принимать определенную политическую форму, включив в сферу своих требований право на землю.

В 1962 г. автор исследовал типичный культ «карго» в Центральной Австралии, материальные основы которого своими корнями уходят в события военных лет в Центральной и Северной Австралии. Аборигены рассказывали, что «американцы» прибыли к ним на грузовиках, полных муки, чая и сахара. Как грузовики, так и продовольствие были предназначены для них, но белые обманули их и присвоили себе собственность аборигенов. Однако, как уверяли местные жители, «американ-

Девочка с поссумом

цы» снова появятся с грузовиками, груженными предназначенными для них продуктами, и аборигенам придется позаботиться, чтобы на этот раз они не попали в руки белых австралийцев.

«Американцы» в этом случае расценивались как «хорошие», а белые австралийцы как «плохие», действующие в ущерб интересам аборигенов. Во время войны американцы действительно объективно играли прогрессивную роль в борьбе против японского милитаризма. Кроме того, некоторые американские шоферы были «цветными». Однако аборигены воспринимали эту разницу между белыми австралийцами и «американцами» отнюдь не на расовой почве. Они не рассматривали также эксплуатацию и ограбление, которым они подвергались, как проблему классовой борьбы.

Мы видели, что борьба гуринджи за право на землю имела, по всем данным, характер современной политической борьбы. Однако мистицизм и здесь играл и продолжает играть еще значительную роль. В 1970 г. у аборигенов можно было записать следующую любопытную легенду: «Сначала была вода. Она постепенно отступала до тех пор, пока не обнажилась Северная Территория. На этой земле жили миллионы аборигенов. Первый белый, который пришел сюда, был Нед Келли. Он привел с собой лошадей — жеребца и кобылу, а также скот. Вторым белым человеком был капитан Кук. Он посмотрел на эту землю и, увидев как она хороша, захотел взять ее себе. Кук решил согнать аборигенов с их земли и перестрелял многих из них. Он убил Неда Келли и украл землю. Но теперь мы хотим вернуть свою землю».

На первый взгляд все это бессмыслица. Каждый австралийский школьник знает, что капитан Кук был первым европейцем, который в 1770 г. посетил восточный берег Австралии. Это открытие послужило основой для решения британского правительства о создании здесь в 1788 г. колонии преступников. Каждый школьник знает также, что Нед Келли — разбойник, известный своими бесчинствами в 70-е годы XIX в. в Новом Южном Уэльсе и Виктории. И в то же время эта легенда имеет глубокий смысл. В 1970 г., когда она была записана, отмечалось двухсотлетие с момента высадки капитана Кука в заливе Ботани-Бей. Белые австралийцы широко отме-

чали эту дату, в то время как для аборигенов это был день траура. Состоялись демонстрации аборигенов в главных городах федеральных штатов против эксплуатации и за возвращение отнятой у них земли. Нед Келли был в глазах аборигенов народным героем, неофициальным символом австралийской нации. Он вошел в легенду как человек, который грабил богатых и передавал их имущество бедным.

Аборигены, не поколебавшись, взяли на вооружение символы белых австралийцев. Кука они рассматривали как человека, похитившего у них землю и убивавшего их, а Неда Келли — как друга аборигенов. Во взаимодействии этих двух символов складывалась платформа для развития движения гуринджи за право на землю. «Теперь мы хотим вернуть свою землю». В этой концепции аборигенов совершенно очевидно отсутствовал всякий расизм. Выбор Неда Келли как позитивного символа свидетельствовал о наличии у них зачаточных представлений о классовой борьбе.

14. Отношение австралийской буржуазии к движению в защиту гражданских прав и земельной собственности

Отношение буржуазного правительства к движению за гражданские и земельные права аборигенов отдаленных «пограничных областей» характеризовалось нерешительностью.

В прошлом каждое подобное движение подавлялось бы жесточайшим образом с помощью силы, однако в наше время такие действия вызвали бы решительный отпор общественности. Поэтому буржуазии пришлось перейти к другой тактике. Усилия, направленные на то, чтобы привлечь на свою сторону руководителей аборигенов «пограничной области» при помощи лести и других подобных средств, чаще всего оставались безуспешными. Хотя представителями аборигенов были обычно старейшие мужчины или руководители племен, они придавали большое значение мнению рядовых членов племени. Если они и делали уступки буржуазному правопорядку, идущие вразрез со взглядами людей, представителями которых они были, то не колеблясь отказывались от этих уступок.

Буржуазия занимала колеблющуюся позицию между категорическим отказом принять требования аборигенов и отношением к ним как к детям.

Примером такого рода позиции могут служить события, разыгравшиеся в Гов (Йиркала, Арнемленд). Австралийско-швейцарская горнорудная компания «Набалко» («Nabalco Pty. Ltd») планировала вложить 310 млн. австрал. долл. в добычу бокситов, переработку алюминия и строительство поселка для тысячи рабочих в резервации аборигенов Гов. В 1963 г. аборигены этой резервации направили послание (в форме традиционного рисунка на коре) федеральному правительству в Канберре, в котором выразили протест против вторжения иностранных концернов в их племенную область и связанного с этим осквернения их святых мест. П. Хэзлак, который в то время выполнял обязанности министра в этой области, хотел отвести ноту протеста как несущественную и отклонить требование аборигенов. Однако, когда аборигены получили поддержку оппозиции лейбористской партии в парламенте, и прежде всего Г. Брайэна, первого министра по делам аборигенов, была создана специальная комиссия, которой вменялось в обязанность немедленно расследовать жалобу. Несмотря на некоторые незначительные уступки, «Набалко» продолжала свою деятельность, а аборигены резервации Гов, в свою очередь, продолжали движение протеста.

Правительство изменило тактику. В 1970 г. оно предоставило в распоряжение населения резервации Гов финансовые средства, для того чтобы Верховный суд в Дарвине мог рассмотреть их претензии. Излишне говорить, что аборигены этот процесс проиграли. Кого правительство хотело убедить этой игрой в нейтралитет, не совсем ясно. Во всяком случае, на одну группу австралийского населения — на аборигенов резервации Гов — эти маневры определенно не произвели сильного впечатления.

Гуринджи выдвигали требования на землю, находящуюся во владении скотоводческих монополий, в то время как требования аборигенов Гов касались земель резервации. Как только лейбористское правительство в конце 1972 г. вновь взяло власть в свои руки, одним из его первых актов было назначение судьи Верховного

суда, который должен был изучить проблемы аборигенов, и в частности их земельные требования. Его представления об аборигенах должны были быть так же «свободны от предрассудков», как и Высшего суда Северной Территории. Интересно было бы убедиться в том, способно ли нынешнее лейбористское правительство сделать исключение для аборигенов и одобрить ломку принципа частной собственности на землю. Первый доклад об обследовании положения дел аборигенов был опубликован в июле 1973 г. Как заявил премьер-министр в сообщении для прессы, этот промежуточный доклад вообще не ставил вопрос о земельном праве, ибо лейбористское правительство уже приняло решение. Доклад был скорее советом, как надо обеспечить такое право. Основная цель доклада состояла в том, чтобы привлечь внимание к проблеме, а затем начать дискуссию. Правительство хотело воодушевить аборигенов на действия, которые оно считало важными.

Несмотря на субъективные намерения, этот первый доклад имел тот объективный результат, что решение вопроса о земельном праве аборигенов затянулось. Это вызвало известное разочарование аборигенов в лейбористском правительстве и привело (особенно после отставки первого министра по делам аборигенов Г. Брайэна, принятой премьер-министром) к протестам против проволочек с предоставлением права на землю и к восстановлению «представительства аборигенов» на территории парламента в Канберре.

15. Аборигены из «области поселений» все решительнее заявляют о себе

По сравнению с аборигенами севера об аборигенах «области поселений» юга и востока в настоящее время известно гораздо больше. На первый взгляд то положение, при котором в последние два или три года средства массовой информации уделяли мало внимания аборигенам «пограничной области» (в отличие от «области поселений»), сходно с предвоенной ситуацией. 30 лет назад причиной была изоляция севера, а сегодня — это политика средств массовой информации, которые уделяют больше внимания аборигенам юга и востока.

Развитие стачки аборигенов-гуринджи в Уотти-Крик придало их борьбе качественно новое содержание. Если вначале это были старые формы требований о повышении заработной платы и улучшении условий труда, то в марте 1967 г. к ним добавились требования права на землю. Этот шаг аборигенов был совершенно неожиданным и привел к распространению их движения по всей Австралии.

В то время как собственно движение за право на землю было связано с требованиями аборигенов гуринджи и лишь в незначительной степени затрагивало население резервации Гов и другие группы аборигенов, в ходе борьбы этот лозунг приобрел всеобщий, объединяющий характер. Он был подхвачен организациями на юге, где ранее никаких особых земельных требований не выдвигалось.

Мы уже упоминали о том, что самую решительную поддержку борьбе гуринджи до конца 1968 г. оказывало австралийское рабочее движение с помощью средств, собранных профсоюзами. Когда в конце 1968 г. были удовлетворены экономические требования аборигенов и началась кампания за право на землю, она имела уже политико-моральный характер. Материальная поддержка оказывалась главным образом студенческим организациям, и прежде всего ABSCHOL (*стипендия аборигенам*). Это — корпорация, которая первоначально должна была обеспечивать аборигенов университетской стипендией, но деятельность ее распространялась и на поддержку других требований аборигенов, а также других организаций средних слоев.

В 1970 г. стала заметной тенденция ряда аборигенов и метисов из «области поселений» и отдельных штатов включать в свою программу некоторые негативные требования групп, именующих себя «Сила черных» («Black Power»). Такие требования характеризовались расовой враждой по отношению к белым и леворадикальным оппортунизмом. Это нашло свое выражение в выдвинутых в 1970 г. требованиях о передаче руководства FCAATSI исключительно в руки аборигенов, а также в образовании двух «чисто черных» «племенных советов» в Брисбене и Мельбурне. Эта тенденция проявилась после Конгресса африканских народов в Атланте (США), в котором участвовало пять австралийских аборигенов.

Протест аборигенов против позиции правительства достиг наивысшей точки в январе 1972 г., когда было создано так называемое «посольство» аборигенов в Канберре. Это «посольство» расположилось в нескольких палатках, раскинутых на подстриженном газоне перед зданием парламента. Молодые аборигены объявили себя членами «посольства» после того, как тогдашний премьер-министр Уильям Мак-Магон провозгласил в парламенте, что коренным жителям не будут возвращены их традиционные племенные земли. Штаб «посольства» заявил, что аборигены не уйдут до тех пор, пока не добьются справедливости. Молодые люди встретили активную поддержку со стороны общественности, и о них стало известно не только в самой Австралии, но и за рубежом, так как Канберра, с находящимся в ее центре зданием парламента, широко посещалась иностранными туристами. Таким образом, «посольство» аборигенов было бельмом на глазу у правительства Мак-Магона. В июле был издан специальный закон, который запрещал разбивку палаток в общественных местах. По приказу правительства полицейские разрушили палатки. Эта акция вылилась в бурные столкновения полиции с сотнями аборигенов, причем на стороне последних выступили многие белые студенты и представители некоторых профсоюзов.

Демонстрации продолжались семь месяцев, но марксисты еще не проанализировали участвовавших в них сил. Вполне возможно, что группировка этих сил в течение семи месяцев не раз менялась. Хотя руководители аборигенов и направляли внимание общественности на требования возвращения им земли, представляется, что они находили лишь незначительную поддержку коренных жителей севера, которые непосредственно боролись за землю и были больше всего в ней заинтересованы. Несомненно, за созданием и деятельностью «посольства» стояли мощные силы левого радикализма. Но какую помощь получало «посольство» от профсоюзного движения или таких «смешанных» организаций, как FCAATSI, остается неясным. ACTU (Австралийский совет профсоюзов) якобы отказал ему в помощи. Однако известно, что «посольство» в конце своего семимесячного существования получало помощь от левых профсоюзов. По-видимому, реакционное правительство либерально-аг-

рарной коалиции готово было терпеть это «посольство» до тех пор, пока оно опиралось главным образом на леворадикальные силы. Но как только «посольство» стало получать помощь от левых профсоюзов¹⁵, правительство решило принять меры. Так, министр внутренних дел¹⁶ выступил с заявлением о том, что «левые профсоюзы и радикалы угрожают провести мощную демонстрацию и готовы, пожалуй, к кровопролитию в Канберре».

Здесь надо, видимо, проанализировать стратегию австралийского капитализма и средств массовой информации по отношению к аборигенам, причем именно ту, которая характерна для начала 70-х годов.

Борьба между двумя мировыми системами ныне все больше перемещается в сферу идеологии. Это свидетельствует о том, что империализм вынужден приспособливать свою тактику к изменившемуся соотношению сил в мире. Сегодня мировая система социализма в состоянии определить, где будет вестись эта борьба. Австралийский истеблишмент стоит сейчас перед так называемой демографической дилеммой. Рост населения аборигенов уже в три раза (а в некоторых областях даже в двенадцать) превышает рост белого населения. Предполагалось, что к концу 70-х годов число аборигенов должно достигнуть 250 тыс., а к началу нового века — полумиллиона. В настоящее время в Австралии насчитывается около 100 тыс. аборигенов. Австралия все еще придерживается своей белоавстралийской политики, хотя и с незначительными уступками, цель которых — уклониться от прямого вызова возникших на севере национальных государств.

Политика белой Австралии не подвергается нападкам извне, но внутри страны все больше растет национально-освободительное движение задыхающегося в нищете, бесправного, дискриминируемого и быстро растущего меньшинства.

Коммунистические и рабочие партии изложили свою стратегию по этому вопросу в Московском заявлении 1969 г. Их тактика направлена на обеспечение единства трех могущественных антиимпериалистических сил. Аборигены — составная часть третьей силы — национально-освободительного движения. В самой Австралии также существует хорошо организованное рабочее движение.

Не только демографическая дилемма, но и перспек-

тива установления единства между аборигенами и руководимым марксистами рабочим классом лишила покоя буржуазию.

Впервые и лишь на короткое время единство аборигенов сложилось в день Первого мая 1946 г., когда началась забастовка в Пилбара, и затем ровно 20 лет спустя, когда аборигены заняли владения скотоводов Северной Территории. Кроме того, они требовали возврата их земель и компенсации за то, что у них было похищено. Неудивительно, что австралийская буржуазия была напугана. Ранее, до второй мировой войны, она прибегала к политике голой силы, применяя драконовские законы и апартеид, чтобы воспрепятствовать единству аборигенов и австралийского рабочего движения. Однако Австралия — это не Южная Африка, и идеологическая борьба двух мировых систем становится здесь все более ожесточенной. Но и теперь буржуазия не останавливается, когда это ей кажется необходимым, перед применением грубого насилия, как, например, во время ликвидации «посольства» аборигенов в Канберре.

Так как идеологические проблемы выдвигаются на первое место, невиданное доселе значение в мире приобретают телевидение, радио и пресса. Все эти средства массовой информации буржуазия Австралии крепко держит в своих руках и использует для обработки не только белого населения, но и аборигенов в своих интересах.

Стремясь воспрепятствовать объединению движения аборигенов с рабочим движением, австралийское правительство прибегает к разносторонней и во многих случаях весьма хитрой тактике.

16. Формирование средних слоев в обществе аборигенов

Способствовать формированию средних слоев аборигенов, с тем чтобы они впоследствии отмежевались от рабочего класса, — одно из средств, используемых буржуазией. В существующей социальной системе Австралии этот потенциальный средний слой мог бы потом

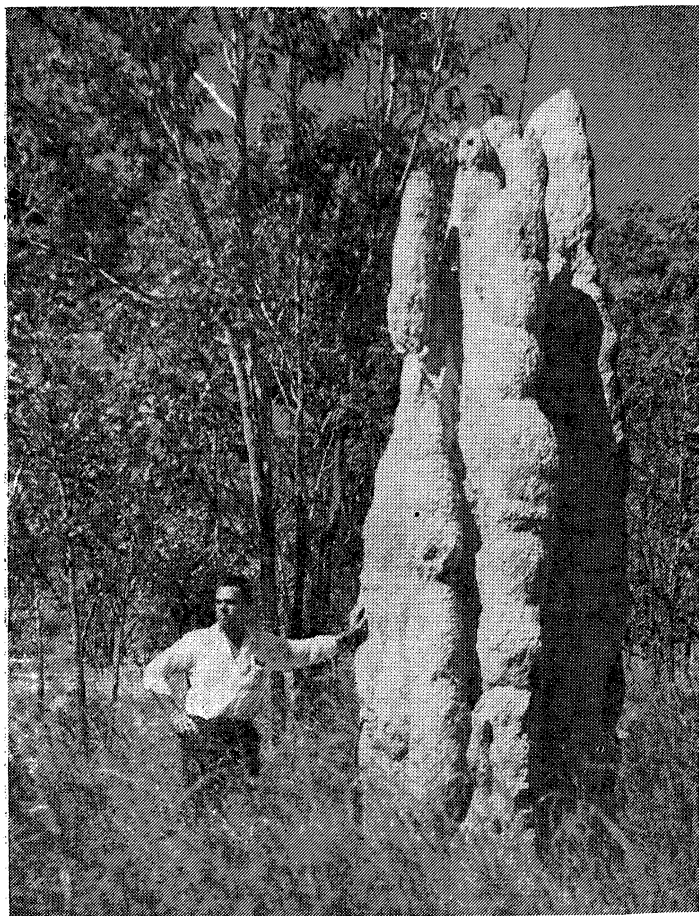
осуществлять удобное для истеблишмента политическое руководство аборигенами.

Однако формирование среднего слоя у австралийских аборигенов только еще начинается. Здесь дифференциация продвинулась в гораздо меньшей степени, чем, например, у североамериканских индейцев или у маори Новой Зеландии. И все же попытки буржуазии в некоторых случаях имели известный успех. При этом используются многообразные формы — например, создание советов под опекой правительства, в которых аборигены-советники, поддерживавшие правительство, получали откровенные взятки в форме побочных заработков. Грамотных аборигенов, а чаще метисов, назначали на низшие административные посты.

Значение печатного слова для проведения в жизнь идеологии средних слоев можно проследить на примере журнала «Айидентити», выходящего с 1970 г. Публикуемые в нем статьи свидетельствуют о влиянии такого негроамериканского издания, как «Эбони», отражающего идеологию негритянского населения США. В ноябре 1972 г. издателем «Айидентити» стал Ньюфонг — метис, опытный публицист, выступавший также как представитель «посольства» в Канберре. В своей первой периодической статье он писал: «Белая пресса Америки свои сведения по проблеме американских негров черпает из „Эбони“ в большей степени, чем из каких-либо других публикаций негритянской прессы. Если подобную функцию в Австралии сможет выполнять „Айидентити“, это только укрепит движение аборигенов».

Реакционная аграрно-либеральная коалиция решила пойти в 1968 г. на такую меру, как выдвижение метиса в сенат от штата Квинсленд, где дискриминация всегда принимала особо острые формы. Этот абориген-сенатор в декабре 1972 г. был переизбран. Вскоре после этого он сделал — как сообщала пресса — совершенно невероятное заявление, в котором высказал надежду, что лейбористы не устранят всех дискриминационных законов, ибо они фактически идут на пользу аборигенам.

Правительство при помощи средств массовой информации проводит тактику стимулирования «левого» радикализма среди аборигенов. Это, без сомнения, расчетливая политика, так как буржуазия прекрасно по-

Термитник

нимает, что руководимое марксистами рабочее движение, несмотря на провокации леворадикального авантюризма, было бы менее сговорчивым. То, что «левый» радикализм ведет к насилию, не играет роли, так как буржуазный государственный механизм всегда готов этому эффективно препятствовать; к тому же все это дает богатый материал для телевизионных программ.

Характерным для правительственной политики явился отбор белых комментаторов по вопросам аборигенов для средств массовой информации. Очень много времени для выступлений по радио предоставляется университетским профессорами с ярко выраженными либерально-объективными взглядами. Представителей рабочего класса сюда не подпускают. Как и следует ожидать, большое внимание средства массовой информации уделяют поездкам аборигенов в Китай, приводя выступления аборигенов, в которых восхваляются современный Китай и его «политика по отношению к меньшинствам». Естественно, эти средства информации полностью замалчивают ленинскую политику в отношении национальных меньшинств, осуществляемую в СССР. С особым восторгом буржуазные средства информации подхватывают те выступления руководителей аборигенов, в которых содержатся нападки на рабочее движение или высказываются враждебные рабочим взгляды. Так было во время стачки аборигенов — сборщиков хлопка в округе Вее-Ваа в Новом Южном Уэльсе. О чем шла речь конкретно — несущественно. Важно, что в забастовке участвовали тысячи рабочих-сборщиков — аборигенов и метисов. Во главе забастовки стояла группа аборигенов из девяти человек, в том числе Поль Кое, который принимал активное участие в «посольстве» аборигенов. Сообщая о стачке, средства массовой информации цитировали, например, Кое, когда он с явно направленным против белых подтекстом и обвиняя профсоюзы в отказе поддержать стачечников в Вее-Ваа, сказал: «Мы думаем, что профсоюзы взялись бы за оружие, если бы белые работали в таких условиях, как те, которые существуют в Вее-Ваа»¹⁷. Естественно, средства массовой информации не упомянули ни единым словом о том, что Кое известен своими враждебными высказываниями о рабочем классе и о белых вообще. Так, Кое после разгрома полицией «посольства» аборигенов составил резкую резолюцию, направленную против австралийских профсоюзов, обвиняя их в том, что они будто бы слишком мало сделали для борьбы за права аборигенов. В то же время он поддержал призыв к АСТУ выступить за образование профсоюзов аборигенов. Очевидно, Кое преследовал при этом цель расколоть рабочее движение по расовому признаку. Неудивительно, что Би-би-си

12 февраля 1973 г. в программе новостей по своим зарубежным каналам передала интервью с Кое. В этом длинном интервью особое внимание привлекают два момента. Во-первых, утверждение Кое, что движение аборигенов может использовать средства массовой информации в своих целях. Правильнее было бы, конечно, сказать, что эти средства используют движение аборигенов в своих целях. Во-вторых, демагогическое заявление Кое, что акция в Вее-Ваа — первая стачка рабочих-аборигенов. Либо Кое вообще не знает историю борьбы аборигенов, либо он сознательно «забыл» о стачке в Пилбаре и забастовке гуринджи, не говоря уж о событиях 1950 и 1951 гг. в Дарвине.

17. Заключение

Хотя этническая консолидация достигла сейчас такого уровня, что австралийские аборигены стали ощущать себя как этническое единство, в политическом отношении их движение растворилось в множестве идеологических течений. Мы наблюдаем калейдоскоп сменяющихся руководителей, которые ведут взаимную борьбу и клеветают друг на друга.

Такое положение дел понятно, поскольку аборигены лишь недавно стали политически активными. Их пока еще несовершенные организации находятся в процессе созревания. Это обстоятельство пытаются использовать те, кто стремится посеять вражду среди аборигенов и вбить клин между ними и австралийским рабочим классом. О том, что аборигены вполне могут найти путь к единству, свидетельствует их участие в референдуме 1967 г., в федеральных выборах 1972 г. и в меньшей степени события, связанные с «посольством» в Канберре.

В Австралии наших дней не хватает руководителей-аборигенов из рядов рабочего класса, которые опирались бы на глубокий марксистский анализ путей современного развития. Последний такой анализ был проведен в 1967 г., но из-за быстрых перемен, которые с тех пор произошли и продолжают происходить, сегодня уже неприемлем.

Такой анализ должен в первую очередь исходить из того, что аборигены — прочная составная часть нацио-

нально-освободительного движения, часть одной из трех могущественнейших сил, борющихся против империализма; они почти полностью принадлежат по своему социальному составу к рабочему классу. Они выставляют свои требования как отдельное, самостоятельное этническое единство. Эти требования законны и должны быть удовлетворены.

¹ Метод С-14 широко применяется в археологии для датировки различных находок. Он основан на том, что все живые организмы, как растительные, так и животные, поглощают радиоактивный углерод С-14. После гибели организма содержащийся в нем углерод подвергается медленному распаду, характеризующемуся неизменной пропорцией. Если точно определить количество С-14 в органическом веществе, можно вычислить время, когда в организм животного или растения перестал поступать тяжелый углерод и с известным приближением датировать ту или иную находку.— *Прим. перев.*

² В последующем будут использованы обычно употребляемые в научной литературе термины «аборигены» и «метисы» (различных степеней).

³ Terra Australis, отсюда: Австралия.

⁴ В противоположность этому в некоторых частях Тихого океана разводится для этой цели особая порода собак, представляющая важную составную часть пищи человека.

⁵ Кросс-кузина, или перекрестная кузина.

⁶ Термины родства отличаются от личных имен. Личные имена были знакомы лишь очень немногим аборигенам. Так как ими можно было «злоупотреблять» в «черной магии», всегда существовало стремление по-возможности их не произносить. Совсем по-другому обстояло дело с терминами родства.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 37, с. 395—396.

⁸ См. карту на с. 9, где показано политическое развитие Австралии.

⁹ См. карту на с. 8, где показано открытие Австралии.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 7, с. 361.

¹¹ Там же, с. 375.

¹² «Communist Review». September 1954, Sydney, 153, с. 282—285.

¹³ «The Policy of Assimilation», in: Decisions of Commonwealth and State Ministers at the Native Welfare Conference. Canberra, 26 и 27 January (1961).

¹⁴ Цит. по: H. Middleton. The Land Rights..., с. 81.

¹⁵ См.: «Newsletter», Monthly Bulletin of the Queensland Council for the Advancement of Aborigines and Torres Islanders. July—August 1972, с. 54.

¹⁶ См.: «The Age», Melbourne, 16.VIII.1972.

¹⁷ «Australian», Sydney, 18.I.1973.

- Маркс К. Торговля чинами.— Вести из Австралии.— Т. 11.
- Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Т. 21.
- Ленин В. И. В Австралии.— Т. 23.
- Кабо В. Р. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969.
- Кабо В. Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. М., 1975.
- Кабо В. Р. Австралийская община.— Прошлое и настоящее Австралии и Океании. М., 1979.
- Нестурх М. Ф. Человеческие расы. М., 1965.
- Токарев С. А. и Толстов С. П. (ред.). Народы Австралии и Океании.— Народы мира. М., 1956.
- Berndt R. M., Berndt C. H. The World of the First Australians: An Introduction to the Traditional Life of the Australian Aborigines. Sydney, 1968. (Рус. пер.: Р. М. Берндт, К. Х. Берндт. Мир первых австралийцев. М., 1981).
- Campbell E. W. History of the Australian Labour Movement. Sydney, 1945.
- Communist Party of Australia. Full Human Rights for Aborigines and Torres Strait Islanders. Programme adopted by the 21st Congress of the CPA. Sydney, 1967.
- Eildermann H. Urkommunismus und Urreligion, geschichtsmaterialistisch beleuchtet. B., 1921.
- Eildermann H. Die Urgesellschaft: ihre Verwandtschaftsorganisationen und ihre Religion. B., 1950.
- Elkin A. P. The Australian Aborigines: How to Understand Them. L., 1948. (Рус. пер.: А. Элькин. Коренное население Австралии. М., 1952).
- Elkin A. P. Rock paintings of North-West Australia.— «Oceania». Vol. 1. Melbourne, 1930.
- Eylmann E. Die Eingeborenen der Kolonie Südaustralien. B., 1908.
- Fitzpatrick B. Short History of the Australian Labour Movement. Melbourne, 1944.

* Работы К. Маркса и Ф. Энгельса цитируются по второму изданию Сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

- Lommel A. Modern Culture Influences on the Aborigines.— «Oceania». Vol. XXI. Sydney, 1951.
- Lumholtz K. Unter Menschenfressern: eine vierjährige Reise in Australien. Hamburg, 1892.
- Maddock K. The Australian Aborigines. A Portrait of Their Society. L., 1972.
- Mannzen W. Die Eingeborenen Australiens. Wirtschaft — Gesellschaft — Recht. B., 1949.
- McCarthy F. Australia's Aborigines. Their Life and Culture. Melbourne, 1957.
- Middleton H. The Land Rights and Civil Rights Campaign of the Curindji at Wattie Creek: an Australian Manifestation of the World-Wide National Liberation Movement (Dissertation). Humboldt-Universität zu Berlin, 1972.
- Morgan L. H. Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization. Calcutta, [6. r.].
- Mulvaney D. J. The Prehistory of Australia. L., 1975.
- Mulvaney D. J., Golson J. (Ed.). Aboriginal Man and Environment in Australia. Canberra, 1971.
- Palmer H., McLeod H. The First Hundred Years. London — Melbourne, 1954.
- Petri H. «Wandji—Kurang—Gara», ein mythischer Traditionskomplex aus der westlichen Wüste Australien. — «Baessler-Archiv». n. F., Bd. XV, B., 1967.
- Rawlings J. N. The Story of the Australian People. 5 parts. Sydney, 1939.
- Reay M. (Ed.). Aborigines Now; New Perspectives in the Study of Aboriginal Communities. Sydney — London — Melbourne, 1964.
- Reim H. Die Insektennahrung der australischen Ureinwohner. B., 1962.
- Rose F. G. G. Classification of Kin, Age Structure and Marriage amongst the Groote Eylandt Aborigines. B., 1960.
- Rose F. G. G. The Indonesians and the Genesis of the Groote Eylandt Society, Northern Australia. — «Beiträge zur Völkerforschung». Hans Damm zum 65. Geburtstag Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Ht 11. B., 1961.
- Rose F. G. G. Grundlage und Entstehung der «Northern Territory Welfare (Native) Ordinance» von 1953. — «Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift». Jg. 3. B., 1962.
- Rose F. G. G. The Wind of Change in Central Australia. B., 1965.
- Rose F. G. G. Die Ureinwohner Australiens: Gesellschaft und Kunst. Leipzig, 1969.
- Roth H. L. The Aborigines of Tasmania. L., 1890.
- Rowley C. D. The Destruction of Aboriginal Society. Canberra, 1970.
- Rowley C. D. The Remote Aborigines. Canberra, 1970.
- Rowley C. D. Outcasts in White Australia. Canberra, 1970.
- Sharp I. G., Tatz C. M. (Ed.). Aborigines in the Economy: Employment, Wages and Training. Melbourne, 1966.
- Stanner W. E. H. The Aborigines. — «Some Australians Take Stock». L., 1939.
- Stuart D. Yandy. Melbourne, 1959.

- Thomson D. F.** Interim General Report of Preliminary Expedition to Arnhem Land, Northern Territory of Australia, 1935/36. Canberra, 1936.
- Turnbull C.** Tod auf Tasmanien, die Ausrottung der tasmanischen Urbevölkerung. B., 1963.
- Wright T.** New Deal for the Aborigines, Sydney, 1944. Anon.; A New Stage in the Development of the Aboriginal People.—«Communist Review», 1954, 153. Sydney, September.

- Около 40 тыс. лет назад* — первая волна австралоидов в Австралию через Юго-Восточную Азию.
- Около 11 тыс. лет назад* — С повышением уровня воды Тасмания отделяется от материка.
- Около 8 тыс. лет назад* — древнейшие обнаруженные в Австралии кости собаки (динго).
- XVI в.* — вторжение иберийских держав в район Тихого океана.
- 1605 г.* — Виллем Янц открывает на «Дейфкене» западный берег полуострова Кейп-Йорк.
- 1606 г.* — название «Австралия» впервые появляется на карте Тихого океана.
- 1611 г.* — голландец Х. Броувер проплыл восточнее мыса Доброй Надежды и затем севернее на Яву, сократив на многие месяцы этот путь.
- 1616 г.* — Дёрк Хартог открывает западный берег Австралии.
- 1623 г.* — Ян Карстенс открывает Арнемленд.
- 1642 г.* — Абель Тасман открывает Тасманию.
- 1688 и 1699 гг.* — Уильям Дампир на северном побережье Австралии.
- Около 1750 г.* — индонезийцы посещают Северную Австралию для сбора трепангов.
- 1768 г.* — Джеймс Кук в Тихом океане.
- 20 апреля 1770 г.* — Д. Кук открывает восточное побережье Австралии.
- 1788 г.* — «первый флот» высадился в Порт-Джексо́не (Сидней), чтобы основать колонию преступников.
- 1793 г.* — возвращение в Англию губернатора Филлипа с двумя аборигенами.
- 1804 г.* — основание в Тасмании колонии преступников.
- 1813 г.* — Голубые горы преодолены. Открытие области западнее Большого Водораздельного хребта для пастбищных угодий.
- 1832 г.* — последние тасманийские аборигены истреблены или перемещены на острова Бассова пролива.
- 1834 г.* — «битва» при Пиннару, Западная Австралия.
- 1838 г.* — убийство в Майэлл-Крик.
- 1870 г.* — первый захват земель в Центральной и Северной Австралии.
- 1876 г.* — смерть Труганини, последней представительницы коренного населения Тасмании.
- 1886 г.* — акт о защите аборигенов в Западной Австралии.
- 1 января 1901 г.* — объединение бывших колоний в Австралийский Союз.

- 1911 г.— Северная Территория под управлением правительства Австралийского Союза.
- 1918 г.— первое законодательство в защиту аборигенов на Северной Территории.
- 1920 г.— основание Коммунистической партии Австралии.
- 1938 г.— стачка Куммерагунга.
- 1938 г.— публикация «Нового курса для аборигенов» («New Deal for the Aborigines»).
- 1 мая 1946 г.— стачка аборигенов Пилбара, занятых в овцеводстве.
- Декабрь 1949 г.— поражение на выборах лейбористской партии.
- 1950/51 г.— стачка аборигенов в Дарвине.
- 1952 г.— исключение метисов из закона об аборигенах Северной Территории.
- 1963 г.— протест аборигенов Йирркала против деятельности австралийско-швейцарской горнорудной компании «Набалко» федеральному правительству в Канберре.
- 1 мая 1966 г.— стачка на Северной Территории аборигенов гуринджи, занятых в скотоводстве.
- 1967 г.— требования аборигенов гуринджи права на землю.
- 27 мая 1967 г.— референдум (92% голосов подано за исключение дискриминационных оговорок из конституции Австралийского Союза).
- 1971 г.— образование Социалистической партии Австралии, продолжившей марксистско-ленинские традиции коммунистической партии.
- Январь—июль 1972 г.— «посольство» аборигенов в Канберре.
- Декабрь 1972 г.— лейбористская партия приходит к власти.
- Июль 1973 г.— лейбористское правительство опубликовало первый доклад комиссии («Woodward Report») по праву аборигенов на землю.
- Апрель 1974 г.— лейбористское правительство опубликовало второй доклад этой комиссии (с рекомендациями правительства).
- Декабрь 1975 г.— поражение лейбористской партии на выборах.

Имя профессора Фредерика Роуза хорошо знакомо советскому читателю: в 1972 г. в Москве в издательстве «Наука» вышла его книга «Аборигены, кенгуру и реактивные лайнеры». Ф. Роуз много лет жил в Австралии, работал как этнограф среди ее аборигенов в разных районах континента. Он автор нескольких книг и широко известен во многих странах как один из крупнейших этнографов-австраловедов. Изучение коренного населения Австралии всегда было центром его научных интересов. Здесь он искал и продолжает искать ключ к загадкам древнейшего прошлого человеческого общества. Ведь формы общественного быта и культуры, сохраненные аборигенами Австралии к началу европейской колонизации, настолько архаичны, что дают возможность моделировать первобытное прошлое всего человечества¹. Не случайно этнографические материалы, посвященные австралийским аборигенам, начиная с классических работ Л. Моргана и Ф. Энгельса, Л. Файсона и А. Хауитта, вошли в основной фонд науки о ранних этапах общественного и культурного развития человечества. Однако интересы Ф. Роуза находятся не только в сфере первобытной истории: его глубоко волнуют исторические судьбы аборигенов Австралии, их настоящее и будущее, социально-политическая и экономическая борьба, которую они ведут. Все это и нашло отражение в настоящей книге.

Книга Ф. Роуза не нуждается в длинном послесловии, но следует обратить особое внимание на некоторые затронутые в ней проблемы. Роуз пишет в предисловии о недавней находке в Западной Австралии каменных орудий, возраст которых, как полагают археологи, достигает 100 тыс. лет. Эта находка и эта дата остаются пока единственными в своем роде и не дают достаточных оснований для пересмотра хорошо обоснованного вывода о заселении Австралии человеком примерно 40 тыс. лет назад, вывода, подтверждаемого целым рядом датированных археологических местонахождений. В то же время в последние годы появились новые данные, свидетельствующие о том, что Тасмания заселялась через Австралию по «мосту» суши, который в голоцене, после таяния ледников и поднятия уровня Мирового океана, превратился в Бассов пролив. Роуз упоминает лишь о дате 8 тыс. лет как самой древней дате, связанной с деятельностью человека в Тасмании. Теперь на острове Хантер у побережья Тасмании, в Бассовом проливе, обнаружено археологическое местонахождение, древность которого — около

¹ Подробнее об этом см.: Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979.

22 тыс. лет². Оно относится к тому времени, когда Тасмания соединялась непосредственно с Австралией; по этому «мосту» суши и прошли древние тасманийцы. Они были, в свою очередь, ветвью древнейшего населения Юго-Восточной Австралии³.

Говоря об этом в разделах «Аборигены Австралии. Теоретический аспект» и «Тасманийские данные», автор упоминает теорию тригибридного происхождения аборигенов Австралии. Имеется в виду теория, согласно которой первоначальное население Австралии произошло от смешения трех различных рас. Более обоснованной, однако, является иная точка зрения, согласно которой в основе древнейшего населения Австралии находились группы в широком смысле единого — протоавстралоидного — типа.

Другая важная проблема связана со сложной социальной организацией аборигенов Австралии. Ф. Роуз выделяет в своей книге такие основные традиционные формы общественной организации, как локальная группа (которую он отождествляет с локализованным родом), совместная хозяйственная группа и объединение локальных групп. Локальную группу он характеризует и как общность, владеющую землей, и как политическую единицу. Совместная хозяйственная группа состоит из людей, совместно занимающихся охотой и собирательством. Объединение локальных групп, по словам Роуза, часто неправильно называют племенем, но оно не обладает таким признаком племени, как наличие политической организации в какой-либо форме.

В связи с этим нужно отметить, что характер, функции, значение упомянутых общностей, их взаимодействие, даже их наименования — все это является предметом дискуссии, которая не прекращается в этнографии на протяжении уже многих лет. Автор настоящего послесловия уже имел возможность высказать свое понимание всей этой проблемы в целом⁴. Вот почему здесь нет необходимости еще раз аргументировать его концепцию. Он полагает, что в центре общественной и экономической жизни аборигенов в традиционных условиях находится охотничье-собирательская община и что термин «локальная группа» следует относить именно к ней. В свою очередь, община состоит из семей, которые в целях хозяйственной деятельности объединяются в хозяйственные группы, как и пишет Роуз. Локальную группу, или общину, не следует смешивать с родом, который в силу закона экзогамии не состоит из семей — семья объединяет выходцев из разных родов. Локализованный род, большинство членов которого живет вместе на одной территории, является родовым ядром общины, и к такому роду приложимо наименование «локальная наследственная группа».

Субъектом собственности на охотничье-собирательскую территорию в экономическом смысле является община, добывающая на этой территории средства существования, хотя субъективно владельцами

² Sunda and Sahul. Prehistoric Studies in Southeast Asia, Melanesia and Australia. Ed. by J. Allen, J. Golson, R. Jones. L., 1977, с. 215.

³ В. Р. Кабо. Тасманийцы и тасманийская проблема. М., 1975.

⁴ В. Р. Кабо. Австралийская община.— Прошлое и настоящее Австралии и Океании. М., 1979; он же. Тасманийцы: структура общественного производства.— Страны Южных морей. М., 1980.

этой земли нередко считают себя члены локальной наследственной группы.

Ф. Роуз во многом прав, отмечая, что австралийское племя не является политическим единством: в этой функции выступает прежде всего община. Однако в Австралии были известны племена, которые имели советы старейшин, собиравшиеся время от времени, а отдельные племена, как утверждают некоторые ранние авторы, даже возглавлялись вождями. Но это не было характерно для всей Австралии. В целом австралийское племя представляло собою довольно рыхлую, аморфную совокупность общин. В большинстве случаев это, скорее, протоплемя, или формирующееся племя.

Очень интересны в книге Ф. Роуза те страницы, где он пишет о взаимодействии экономики и социальной организации в традиционном австралийском обществе, о родственной классификации как выражении производственных отношений. В то же время представление автора о религиозных верованиях и обрядах аборигенов как отражении способа производства далеко не исчерпывает значения и содержания этой сферы культуры и является известным упрощением.

Главы, посвященные истории аборигенов в эпоху европейской колонизации и их борьбе за свои права, не нуждаются в комментариях — они написаны человеком, прекрасно осведомленным в этой области.

История аборигенов рассматривается им в тесной связи с историей английской колонизации Австралии, причем особое внимание уделено воздействию политических и социально-экономических факторов на аборигенов. В книге подробно прослеживается история освободительного движения коренного населения Австралии, его борьбы за социально-экономическое и политическое равноправие, за право на землю. Следует лишь отметить, что в одном из разделов, посвященных борьбе аборигенов после второй мировой войны, борьбе, принимающей религиозно окрашенные, мистические формы, автор сравнивает их с культами *карго*, характерными для Меланезии и Новой Гвинеи. Читателям, интересующимся этими культами и другими аналогичными формами народно-освободительного движения в Океании, можно порекомендовать книгу П. Уорсли «Когда вострубит труба» (М., 1963).

Кроме этого, хотелось бы сделать несколько отдельных пояснений. Ф. Роуз в целом правильно освещает историю и значение контактов аборигенов Северной Австралии с индонезийцами (гл. II, «Ранние контакты с неевропейцами»). Следовало бы лишь подчеркнуть, что эти контакты не оказали глубокого влияния на культуру аборигенов, на их общественный строй и хозяйство, которое и в дальнейшем основывалось на охоте, рыболовстве и собирательстве. Правда, как отмечает автор, у аборигенов появились такие новые предметы, как металлические инструменты, керамика и лодки-однодеревки; но ни керамику, ни металлические орудия аборигены так и не научились изготавливать сами, а лишь заимствовали сначала у индонезийцев, а затем у европейцев, и эти нововведения не оказали существенного воздействия на развитие их экономики.

Называя орудия из дерева «решающими средствами производства» (гл. I, «Общие сведения»), Ф. Роуз до некоторой степени упускает из виду, что эти орудия делались, в свою очередь, каменными орудиями. Решающими средствами производства были в конечном счете орудия из камня — на них основывалось все хозяй-

ство австралийцев, они были основными орудиями труда⁵. Можно упрекнуть автора и в тенденции излишне прямолинейно связывать производственные отношения с характером средств производства.

В разделе «Хозяйство» (гл. I) автор пишет о том, что бумеранг попал в Австралию сравнительно поздно, но не уточняет, когда именно; да это и в самом деле трудно установить. Между тем орудия, напоминающие австралийские бумеранги, не только известны некоторым другим народам мира, но и обнаружены археологами в разных областях расселения первобытного человечества. Следовательно, орудие это могло быть принесено на пятый континент еще древними австралийцами. В 1975 г. во время раскопок в одном из болот Южной Австралии, в условиях, в которых сохраняется дерево, были найдены бумеранги. Их возраст оценивается в 10 тыс. лет⁶. Но можно полагать, что бумеранги были распространены в Австралии и раньше.

Ф. Роуз обладает способностью в доступной форме излагать сложнейшие проблемы этнографии, не избегая при этом дискуссионных теоретических вопросов. Его книга насыщена фактическим материалом, в большинстве своем неизвестным широкому читателю. Несомненно, она будет прочитана с интересом.

В. Р. Кабо

⁵ В. Р. Кабо. Каменные орудия австралийцев.— Труды Института этнографии. Т. 80. М.—Л., 1962.

⁶ R. Luebberts. Ancient Boomerangs Discovered in South Australia.— «Nature». 1975, № 5486, с. 39.

Предисловие автора к русскому изданию	3
Введение	5
Аборигены Австралии. Теоретический аспект	12
Глава I. Австралийское первобытное общество	16
1. Общие сведения	16
2. Тасманийские данные	19
3. Противоречие между высокой рождаемостью, достаточными источниками питания и низкой плотностью населения	25
4. Хозяйство	28
5. Локальные группы, совместные хозяйственные группы и их взаимодействие	35
6. Полигинно-геронтократический брак	39
7. Связь между оптимальным использованием природных ресурсов и браками аборигенов, а также обрядами инициации	44
8. Классификационная система родства как выражение производственных отношений	48
9. Религиозные представления аборигенов	51
Глава II. Ранние контакты с неевропейцами и первые контакты с европейцами	57
1. Ранние контакты с неевропейцами	57
2. Контакты с европейцами до 1788 г.	61
3. Джемс Кук исследует восточное побережье Австралии	64
Глава III. Эпоха колонизации (1788—1900)	66
1. Новый Южный Уэльс — колония преступников	66
2. Производство шерсти и влияние этого фактора на аборигенов	70
3. Значение животноводческого хозяйства для Северной Австралии	74
Глава IV. От создания федерации до конца второй мировой войны	76
1. Федерация 1901 г. и ее влияние на аборигенов	76
2. Основание Коммунистической партии Австралии и борьба аборигенов за свои права	79
3. Сопротивление аборигенов эксплуатации и колониализму, выраженное в мистических формах	82
4. Патерналистские организации после первой мировой войны	85
5. Вторая мировая война как поворотный пункт в жизни аборигенов	86
	159

6. Прирост населения как следствие факторов военного времени	91
Глава V. От 1945 г. до наших дней	94
1. Современная ситуация	94
2. Северная Австралия после войны	97
3. Стачечное движение аборигенов Северной Австралии после 1945 г.	98
4. Развитие классового и политического сознания аборигенов и их организации в Южной Австралии после 1945 г.	103
5. Реакционная политика федерального правительства в послевоенные годы	105
6. Основание всеавстралийского Федерального совета прогресса аборигенов	110
7. Попытка реакции расколоть движение аборигенов	112
8. Профсоюзы и аборигены	114
9. Борьба за право на землю	115
10. Референдум 27 мая 1967 г. и предшествующая кампания	122
11. Роль австралийской лейбористской партии в 50-е и 60-е годы	128
12. Диалектика сознания и организации: заявление Московского совещания 1969 г.	132
13. Продолжение борьбы с эксплуатацией и колониализмом в мистической форме	134
14. Отношение австралийской буржуазии к движению в защиту гражданских прав и земельной собственности	137
15. Аборигены из «области поселений» все решительнее заявляют о себе	139
16. Формирование средних слоев в обществе аборигенов	143
17. Заключение	147
Примечания	149
Литература	150
Хронологическая таблица	153
Послесловие	155

Фредерик Роуз

АБОРИГЕНЫ АВСТРАЛИИ

(Их прошлое и настоящее)

Утверждено к печати редколлегией серии «Рассказы о странах Востока»
 Редакторы А. М. Модель, Л. З. Шварц. Младший редактор Л. В. Исаева.
 Художник Э. Л. Эрман. Художественный редактор Б. Л. Резникова. Технический редактор Г. А. Никитина. Корректор В. В. Воловик

ИБ № 14234

Сдано в набор 17.11.80. Подписано к печати 05.05.81. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 8,7. Уч.-изд. л. 8,58. Тираж 30.000 экз. Изд. № 4810. Зак. № 759/302. Цена 85 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
 Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28
 Отпечатано в ПО «Полиграфист» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Мосгорисполкома. 103062 Москва, ул. Макаренко, 5/16.